

ISSN 1993-1824

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**

1/2021

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Том 14, № 1

Январь – март 2021

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал «Региональные социальные процессы» сменил название на
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» в 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексеенко А. Н., Барбаков О. М., Батырова Н. Т., Гаврилюк В. В., Гасанов Э. Л., Генин В.,
Голенкова З. Т., Данилов А. Н., Докторов Б. З., Енгоян А. П., Енсенев К. А., Зборовский Г. Е.,
Ильиных С. А., Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нагымжанова К. М.,
Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М., Сартбекова Н. К., Силин А. Н., Тараданов А. А.,
Укубасова Г. С., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Редактор — А. С. Коленникова
Оператор электронной верстки, редактор — Н. В. Шуваева
Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 306
Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhktml@tyuiu.ru

**Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**

ISSN 1993–1824

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», 2021

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 14, No. 1

January – March 2021

PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings of higher
educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

**Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications**

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

Editor-in-Chief M. L. Belonozhko

Editorial Board
Alekseyenko A. N., Barbakov O. M., Batyrova N. T., Gavriiliuk V. V., Hasanov E. L., Genin V.,
Golenkova Z. T., Danilov A. N., Doctorov B. Z., Engoyan A. P., Yensenov K. A., Zborovsky G. E.,
Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A., Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Nagymzhanova K. M.
Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M., Sartbekova N. K., Silin A. N., Taradanov A. A., Ukubasova G. S.
Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Editor — A. S. Kolennikova
Computer design, editor — N. V. Shuvaeva
Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, office 306
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993–1824

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
"Industrial University of Tyumen", 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножка Марина Львовна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна

д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич

д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна

к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахско-турецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна

д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу

PhD (доктор философии по истории), главный специалист Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влад

PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна

д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович

д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович

д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсенов Канат Алексеевич

к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан

Зборовский Гарольд Ефимович

д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Ильиных Светлана Анатольевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович

д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич

д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна

д. пед. н., доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна

д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна

д. пед. н., доцент, заведующая кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич

д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович

д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна

Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие

PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Belonozhko Marina Lvovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Khairullina Nursafa Gafurovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Alekseenko Aleksander Nikolayevich

Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Barbakov Oleg Mikhaylovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Batyrova Nazygul Tursynkhanovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Gavriliuk Vera Vladimirovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Hasanov Elnur Latif oglu

PhD in History, Senior Specialist of Ganja Branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Genin Vlad

PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Golenkova Zinaida Tikhonovna

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and Educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Danilov Alexander Nikolayevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Doctorov Boris Zusmanovich

PhD (in Philosophy), Professor, Independent Analyst and Consultant, Associate Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Engoyan Ashot Paylakovich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Yensenov Kanat Alekseevich

Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Zborovsky Garold Efimovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Iljinyh Svetlana Anatolyevna

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Levashov Viktor Konstantinovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Maximova Svetlana Gennadjevna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Martynov Mikhail Yurievich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Nagymzhanova Karakat Mukashovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Narbut Nikolai Petrovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Plenkina Vera Vladimirovna

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Roy Oleg Mikhailovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Sartbekova Nurzhan Koodoevna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Silin Anatoliy Nikolaevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Taradanov Aleksandr Ardalionovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Ukubasova Galia Sagandykovna

Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

Jančárková Julie

PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (the Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Айвазян О. О., Кукушкина А. А. Социологический анализ коммуникативной компетентности в сфере права как детерминанты коммуникативно-правовой культуры молодежи	9
Гаврилюк Т. В., Гаврилюк В. В. Жизненный путь и жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса	29
Иваненко И. Н. Проблематика методологического дуализма в теориях местного самоуправления: отечественные реалии	46
Ковальжина Л. С. Социальные практики здоровьесбережения и модели поведения студентов в условиях инфодемии COVID-19	66
Сапон И. В., Леденев Д. Е. Возраст пользователя и самораскрытие в профиле социальной сети «ВКонтакте»	80
Симонов С. Г. Развитие регионального бизнес-сообщества в период пандемии COVID-19: корректировка или смена парадигмы?	98
Степанов В. Г., Колесник Е. А. Социальный конфликт и напряженность в обществе в условиях реализации проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город»	115
Чанкова Е. В., Сорокин О. В. Традиционное и современное в коммуникативных практиках молодежи	131

CONTENTS

Ayvazyan O. O., Kukushkina A. A. A Sociological Analysis of Communicative Competence in Field of Law as a Determinant of Communicative and Legal Culture of Youth	9
Gavrilyuk T. V., Gavrilyuk V. V. Life Course and Life Strategies of the New Working Class Youth	29
Ivanenko I. N. Problems of Methodological Dualism in Local Government Theories: Domestic Realities	46
Kovalzhina L. S. Social Health-Saving Practices and Students' Behavior Patterns in the COVID-19 Infodemic	66
Sapon I. V., Ledenev D. E. Age differences in self-disclosure on the profile of a social network site: a case of VKontakte	80
Simonov S. G. Development of the regional business community during the COVID-19 pandemic: adjustment or change of the paradigm?	98
Stepanov V. G., Kolesnik E. A. Social conflict and tension in society in the context of the implementation of the "Smart city" urban digitalization project	115
Chankova E. V., Sorokin O. V. Traditional and modern in the youth communicative practices	131

Социологический анализ коммуникативной компетентности в сфере права как детерминанты коммуникативно-правовой культуры молодежи

Оксана Оганесовна Айвазян^{1,2}, Аида Александровна Кукушкина¹

¹*Кафедра философии, культуроведения и социальных коммуникаций, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Краснодар, Россия*

²*Научно-исследовательская лаборатория методического сопровождения в сфере социально-культурной и педагогической деятельности, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Краснодар, Россия*

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме в современной социокультурной реальности — социологическому анализу коммуникативной компетентности и культуры в сфере права в ракурсе формирования коммуникативно-правовой культуры молодежи. Представлен анализ работ, направленных на изучение языкового компонента (коммуникации), коммуникативной компетентности и культуры в правовой сфере. Проведен социологический опрос, на основании результатов которого в работе отмечается, что в правовой коммуникации в аспекте развития коммуникативно-правовой культуры важнейшим элементом является словесная технология, позволяющая разрешать конфликты между субъектами, которые задействованы в данном процессе, так как каждый имеет конституционное право на беспристрастность и отсутствие предубежденности.

В статье отмечается, что формирование опыта правовой коммуникации проходит длительный процесс, который сопровождается различными трудностями, что вызывает необходимость возникновения заинтересованности личности. В этой связи высокая степень сформированности правовой коммуникации может определяться по таким критериям, как свободное владение основной информацией, необходимой для разрешения коммуникативно-правовых задач; верное и уместное использование средств языка в ходе построения высказывания и в речевом выражении своих мыслей; а также навык аргументированного изложения своей точки зрения. Приводятся выводы о том, что коммуникативный компонент права предполагает наличие уважительного отношения к средствам языка и речи, а также к праву, а это критерий, указывающий на степень сформированности коммуникативно-правовой культуры.

Ключевые слова: язык права, социология коммуникации и права, социология культуры, коммуникативно-правовая культура, молодежь, социокультурное общество.

A Sociological Analysis of Communicative Competence in Field of Law as a Determinant of Communicative and Legal Culture of Youth

Oksana O. Ayvazyan^{1,2}, Aida A. Kukushkina¹

¹*Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, Krasnodar, Russia*

²*Research Laboratory for Methodological Support in the Sphere of Socio-Cultural and Pedagogical Activities, Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, Krasnodar, Russia*

Abstract. The article is devoted to the actual issue of modern sociocultural reality — a sociological analysis of communicative competence in field of law as a determinant of communicative and legal culture of youth. We analyze works, which are devoted to the study of the language component (communication), communicative competence and culture in field of law. An opinion poll has been conducted; on the basis of the results of the survey we notes that in legal communication in the aspect of the development of communicative and legal culture the most important element is verbal technology, which allows resolving conflicts between the subjects involved in this process, because everyone has a constitutional right to impartiality and lack of bias.

The article points out that the formation of the experience of legal communication goes through a long process, which is accompanied by various difficulties, which causes the need for personal interest. In this regard, a high degree of legal communication formation can be determined by criteria, such as fluency in basic information necessary for solving communicative and legal tasks; correct and appropriate use of language tools in the course of constructing statements and in the speech expression of one's thoughts; the skill of argumentative presentation of their point of view. In conclusion, we conclude that the communicative component of law implies respectful attitude to the means of language and speech, as well as to the law, and this is a criterion indicating the degree of formation of communicative and legal culture.

Keywords: language of law, sociology of communication and law, sociology of culture, communicative and legal culture, youth, sociocultural society.

Введение

Современный период становления социокультурного российского общества характеризуется процессом глобализации всех сторон и сфер жизнедеятельности. Каждая личность современного мира с учетом происходящих трансформаций должна обладать знаниями и навыками унифицированных норм и правил эффективной межличностной социально-правовой коммуникации, поскольку основная цель становления правового государства — бесконфликтное взаимодействие и мирное сосуществование всех граждан современного поликультурного пространства. При этом коммуникативная составляющая в социально-правовом поле включает коммуникативную компетентность и культуру, так как успешная межличностная коммуникация — это основа, «фундамент» комплексной системы становления личности, «без которой не может быть и речи о культуре, а также процесс передачи информации средствами языка и речи от одного лица другому с целью эффективного разрешения коммуникативных задач, поставленных перед человеком и обществом в целом. Коммуникация — это основа жизни человека. Язык — важнейшее средство человеческого общения, речь — вид коммуникативной деятельности человека, исторически сложившаяся форма общения людей. Язык как средство коммуникации, который быстро реагирует на новшества в связи с потребностями мыслительной деятельности людей, позволяет развиваться и совершенствоваться мышлению и способствует внедрению культурных традиций, норм и правил в социум. Речь является самым универсальным средством коммуникации, поскольку в передаче

информации при помощи речи менее всего теряется смысл общения. Успешное социальное, эмоциональное и интеллектуальное развитие невозможно без свободной коммуникации» [1].

В последнее время неизмеримо возросла техническая мощь, неуклонно расширяются контакты между представителями различных народов, плюрализм стал характерной приметой времени, электронные средства массовой коммуникации являются сегодня неотъемлемой частью жизни современного человека, развивается международный туризм — эти, как и множество других факторов, выдвигают в качестве важнейшего морального императива современности установление полноценной коммуникации в глобальном масштабе — такой коммуникации, которая основывалась бы на уважении иной точки зрения, на признании ее права на существование и выражение.

Все более актуальной является задача установления взаимопонимания между представителями различных культур и социумов, то есть задача успешной социально-культурной коммуникации. Однако моральная императивность задачи взаимопонимания трагически сталкивается с фактом едва ли не всеобщего непонимания значения коммуникации для самого существования человека и человечества.

Непонимание значения коммуникации обнаруживается на всех уровнях — от уровня социальных отношений внутри отдельных стран до уровня межгосударственных отношений и отношений между различными цивилизациями мира.

Также немаловажным является и то, что современный социум можно охарактеризовать как поликультурный. При всем многообразии культур каждая личность со своей идентичностью нуждается во взаимопонимании с окружающим миром, а это возможно посредством использования коммуникативных технологий, способствующих становлению коммуникативно-правовой культуры. При наличии коммуникативно-правовой культуры, соответствующей требованиям и нормам общества, в котором происходит становление личности, возможно достижение взаимопонимания и мирного сосуществования различных культур. Однако же в условиях социальной реальности обнаруживается недостаточная коммуникативная компетентность молодого поколения, что проявляется в неправильном построении высказываний. В речи прослеживаются недочеты, связанные с неуместностью и нецелесообразностью использования в речевом потоке языковых компонентов (лексики), несоответствующих по стилевой принадлежности социальной обстановке и ситуации правовой коммуникации. Причина подобного явления заключается в недостаточном знании норм языка и речи, отсутствии коммуникативно-правового опыта либо вовсе в нежелании соблюдать правила языковой культуры и этикета. Указанная проблематика в условиях социальной реальности является одной из приоритетных, поскольку наличие коммуникативной компетентности представляется важнейшей составляющей процесса взаимодействия в различных областях, что, в свою очередь, обуславливает актуальность представленного исследования, направленного на социологический анализ значимости языкового компонента в процессе коммуникативно-правового взаимодействия.

Исходя из вышеизложенного, возникает противоречие между необходимым уровнем развития коммуникативной компетентности в правовой сфере и недостаточной сформированностью данных навыков в современной социокультурной среде. На осно-

вании данного противоречия сформулирована проблема исследования: какой должна быть коммуникативная компетентность личности в правовом поле, чтобы овладение коммуникативно-правовой культурой стало основным механизмом реализации эффективной межличностной социально-правовой коммуникации.

В связи с этим основная цель исследования — изучение и социологический анализ коммуникативной компетентности и культуры молодежи в сфере права как компонента системы формирования коммуникативно-правовой культуры молодежи в современном социокультурном российском пространстве.

Материалы и методы

Исследование включает в себя анализ и обобщение научной литературы и иных источников информации по проблематике, изучаемой в данной статье, а также социологический опрос, направленный на выявление степени сформированности и значимости коммуникативной компетентности и культуры молодежи в правовой социокультурной реальности в системе коммуникативно-правовой культуры молодежи.

Литературный обзор

Исследованием коммуникативного компонента в сфере права занимались многие великие ученые и мыслители.

Истоком изучения коммуникативного компонента в сфере права, включающего коммуникативную компетентность и культуру как основы межличностной социально-правовой коммуникации, является Античный период, в рамках которого важнейшей составляющей представляется навык говорения, то есть развитая речь. Среди ученых Древнего мира особо выделяются Сократ, Платон и Аристотель.

Многие ученые современности заинтересованы исследованием проблематики формирования коммуникативной культуры и компетентности в различных сферах деятельности. Так, коммуникативной компетентности и культуре посвящены труды ученых-социологов, философов, юристов, лингвистов (Т. З. Адамьянц, П. Бергер, О. Л. Бутакова, Ю. А. Зубок, Т. В. Каукунова, Т. Лукман, Э. Ф. Макаревич, Е. Н. Моисеева, А. В. Соколов, Л. Д. Сурманидзе, Е. В. Чанкова, Ф. И. Шарков, J. M. Gofman, D. Hymes, F. Lagou, V. Zorbas, G.-M. Chen, W. J. Starosta и др.).

Если анализировать труды мыслителей Древнего мира, то появляется общая картина фундаментальных умозаключений по проблематике формирования коммуникативной компетентности и культуры личности. Так, древнегреческий философ Аристотель в своем научном трактате «Риторика» детально раскрывает особенности построения процесса межличностной социально-правовой коммуникации, где основой является навык убеждения и воздействия на сознание оппонента в целях достижения успеха в ходе взаимодействия. Таким образом, в современной реальности как никогда актуально высказывание Аристотеля: «Слово — самое сильное оружие человека» [2].

Научные изыскания авторитетных ученых современности сохраняют традиции прошлого и продолжают развивать реальность, более детально раскрывают специфику формирования коммуникативно-правовой культуры многонационального общества.

Так, например, в аспекте развития коммуникативной компетентности и культуры Т. З. Адамьянц отмечает то, что «совершенствование коммуникативных навыков, связано, во-первых, с умением человека адекватно понимать другого, и, во-вторых, — с умением доносить свою мысль, выбирая для этого наиболее оптимальные для каждого конкретного случая формы и способы общения» [3]. Представленное высказывание указывает на особую актуальность коммуникативных навыков в системе межличностной социально-правовой коммуникации в условиях многоязычия, что подтверждает гипотезу исследования рассматриваемой в данной статье проблематики.

Авторитетные российские ученые-социологи Ю. А. Зубок и Е. В. Чанкова в аспекте рассматриваемой проблематики отмечают следующее: «Если коммуникация определяется как один из видов социальной деятельности, направленных на поддержание связи объектов материального и духовного мира путем передачи и обмена информацией в процессе межличностного и социального взаимодействия, то коммуникативная компетентность призвана поддерживать необходимые для этого знания, навыки, умения, мотивацию, ценности, убеждения, способности» [4; 5]. Данное высказывание подтверждает то, что механизмом эффективной межличностной социально-правовой коммуникации является применение современных коммуникативных технологий, включающих наличие коммуникативной компетентности с опорой на традиционные ценности общества, что также впоследствии влияет на систему становления коммуникативно-правовой культуры.

Особый интерес вызывает проблематика формирования коммуникативной культуры в разрезе влияния на нее менталитета культур, и в этом плане особое внимание обращается к научному изысканию авторитетного ученого, профессора Л. Д. Сурманидзе, которая отмечает, что менталитет культуры включается в социокультурную систему, реализуемую посредством активности общества [6]. При этом активность общества реализуется в процессе коммуникации посредством языка, который вобрал в себя все культурные традиции и обычаи и призван быть средством передачи их из поколения в поколение. Помимо этого отмечается и то, «что язык, в том числе народный языковой фольклор, является важнейшим хранилищем культурной специфики. Непосредственная вплетенность языкового фольклора в быт и психологию народа, метафоричность, рефлексивность, ценностная направленность, сформированная в процессе всей истории культуры, делает его особенно привлекательным для исследователей культур» [7]. Данная концепция позволяет прийти к логическому умозаключению о том, что важной составляющей коммуникативной культуры является менталитет культур, непосредственно оказывающий значительное влияние на процесс межличностной социально-правовой коммуникации в условиях современности.

Так, например, R. Mitchell, F. Myles заключили, что «язык и культура не разделены, и формируются во взаимосогласованности, каждый из них оказывает воздействие друг на друга» [8]. Из указанного умозаключения следует вывод о том, что средствами языка возможно стимулировать дух человека и активизировать стремление к активной позиции в процессе выполнения необходимых действий для достижения взаимосогласованности в ходе коммуникативно-правового взаимодействия, поскольку, как ранее было отмечено, язык и мышление взаимосвязаны.

В ходе анализа научных концепций, раскрывающих основы культуры процесса коммуникативного взаимодействия в современном социокультурном обществе, можно отметить высказывания G.-M. Chen, W. J. Starosta, которые указывают на то, «что в условиях современной реальности, характеризующейся наличием многообразий культур, возникает необходимость изучения компетенций межкультурного общения, поскольку только благодаря компетентному межкультурному общению люди, принадлежащие разным культурам, этносам и сферам деятельности, могут эффективно и надлежащим образом общаться» [9].

Результаты исследования особенностей межкультурной коммуникативной компетентности, представленные F. Lagou, V. Zorbas, указывают на то, «что в условиях социальной действительности взаимосвязь между языком и культурой далека от совершенства, поскольку больше внимания уделяется языковым основам, нежели межкультурной составляющей, соответственно, коммуникативные (языковые) ценности преобладают над культурными» [10]. Выводы, к которым пришли ученые, указывают на необходимость разработки механизмов формирования коммуникативной компетентности во взаимосвязи с межкультурными ценностями, то есть воспитательный и образовательный процесс должен включать, помимо формирования языковых знаний и навыков, также и учет особенностей различных культур и сферы коммуникации, в данном случае — правовое поле.

Особый научный интерес к проблематике коммуникативной компетентности в разрезе социологической науки прослеживается в трудах авторитетных ученых-социологов современности, профессоров О. Ю. Голуб, Ю. А. Зубок, Ф. И. Шаркова, Е. В. Чанковой, В. И. Чупрова и др.

Так, профессор О. Ю. Голуб в аспекте рассмотрения основ коммуникативной компетентности в виртуальной реальности отмечает то, что «коммуникативная компетентность как элемент адаптационного потенциала личности отражает отношение человека к самому себе и окружающей действительности путем саморефлексии, способности гибко реагировать на ту или иную ситуацию взаимодействия за счет владения подвижными нормами и ценностями коммуникации, пластичными способами коммуникативного поведения» [11].

Авторитетные ученые, исследующие основы социологии молодежи при Институте социально-политических исследований РАН, профессора Ю. А. Зубок и В. И. Чупров отмечают следующее: «Глобализация и стремительное развитие информационно-коммуникационных систем изменяют повседневный мир молодежи. Динамично нарастает виртуализация образа жизни, повышается доступность любой информации, деформируется языковая молодежная культура, новыми смыслами наполняются межличностные взаимодействия» [12]. Из данного высказывания следует логическое умозаключение о том, что с учетом происходящей деформации языковой молодежной культуры происходит также деформация коммуникативной компетентности, что требует в большей мере осуществлять формирование и совершенствование коммуникативных знаний, умений и навыков обучаемых, соответствующих нормам и правилам социокультурной реальности в рамках образовательных учреждений.

По мнению Е. В. Чанковой, «коммуникативная компетентность — это такая характеристика личности, которая вбирает в себя коммуникативные знания, умения, навыки и способности, проистекающие из социального и чувственного опыта» [13].

В рамках социологической интерпретации феномена «коммуникативная компетентность» как компонента культуры личности профессор Ф. И. Шарков указывает на то, что «коммуникативная компетентность является составляющим компонентом социального статуса. Существенными когнитивными характеристикам коммуникативной компетентности являются способность к обобщению и систематизации многомерного восприятия окружающего; способность к адекватной оценке “статуса языка”; способность к пониманию смысловой и оценочной информации» [14].

Языковой компонент в сфере права отмечает и В. Grossfield. Он выясняет, какое же воздействие оказывает сила слова на право, проводя параллель между библейскими источниками, языком и правом [15]. В своем труде «Language and the Law» В. Grossfield обосновывает силу и первостепенность слова над правом и другими явлениями цитатами из Библии, например, первая строка Пролога Евангелия от Иоанна гласит: «В начале было Слово...» [16; 17]. Также во многих религиозных мифологиях «слово» имеет наивысшую позицию в порядке создания, что указывает на силу языка [18]. Сила языка особо значима для права, поскольку почти нет правовых понятий вне языка, все юридические понятия существуют только на языке и реализуются в обществе через язык. Именно в этом проявляется основа взаимосвязи языкового компонента с правом. Без наличия языковых навыков, соответствующих нормам и правилам, правовые основы не могут быть верно изложены и интерпретированы обществом, что создаст неблагоприятную атмосферу для формирования коммуникативно-правовой культуры [19].

Помимо этого, среди ученых, работы которых направлены на социологический анализ основ коммуникации в сфере права, также выделяются такие исследователи, как В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, Ю. А. Бельчиков, Т. В. Губаева, А. А. Леонтьев и др.

Одним из источников, в котором были четко зафиксированы основополагающие проблемы исследования языкового компонента в процессе коммуникативного акта в правовой сфере, является коллективный труд «Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой коммуникации», изданный под руководством А. А. Леонтьева в 1997 году [20]. При этом, по общему мнению коллектива авторов данного научного труда, основной проблемой является толкование терминов «честь», «достоинство» и «оскорбление». Ими в работе было доказано, что эти термины, несмотря на факт их применения в законодательных текстах, не являются строгими терминами, а это значительно усложняет процесс судебного разбирательства и другую деятельность в правовой сфере, разрушая тем самым процесс развития коммуникативно-правовой культуры.

Также в аспекте рассматриваемой проблематики выделяется научный труд Т. В. Губаевой, которая указывает на то, что одним из основных аспектов в правовой коммуникации является словесная технология, позволяющая разрешать конфликты между субъектами, которые задействованы в процессе, так как каждый имеет конституционное право на беспристрастность и отсутствие предубежденности [21].

Представленное высказывание позволяет заключить то, что в современном социокультурном пространстве в сферах реализации правовых основ одним из основополагающих навыков является грамотная правовая речь, которая указывает на степень сформированности коммуникативно-правовой культуры, поскольку выявляется зависимость исхода коммуникации в сфере права от этичности, нравственности и нормированности в речи. Данное высказывание находит свое отражение в словах российского ученого П. И. Стучки: «Бесмысленно требовать от граждан обязательного подчинения законам, которые им непонятны, и величайшее лицемерие говорить о справедливости в государстве, где знание всех законов обязательно (ибо их незнанием отговариваться не разрешается), а в то же время эти законы настолько сложны, что их понимать и толковать могут только специалисты-юристы» [22; 23].

В рамках представленного исследования в ходе анализа различных источников, включающих изучение коммуникативных (языковых) основ права в разрезе социологической науки, также особый научный интерес вызвала публикация Е. Н. Моисеевой «Встать, суд идет! Судебный процесс как объект социологического анализа» [24], где рассматривается «перформативность судебного процесса: политическая, юридическая и социальная с точки зрения социологии» [24]. В данной статье отмечается важность судебного этикета, который включает в себя необходимость соблюдения норм и правил общения и поведения в ходе судебного разбирательства, что подразумевает под собой, помимо специальных правовых способностей, наличие коммуникативных знаний и навыков применения речевых юридических стандартов как разновидности официально-делового стиля речи, включенного в нормативный литературный язык. Так, например, «в зале суда не допускаются оскорбления и фамильярности, к судье следует обращаться “Ваша честь”, не следует называть оппонента по фамилии/имени/отчеству, нужно выбирать безличные конструкции (правильно будет сказать не “как утверждает товарищ Иванов”, а “как утверждает уважаемый адвокат”» [24].

Из вышеизложенного следует логическое умозаключение об особой важности коммуникативного компонента права и необходимости формирования знаний и навыков применения нормированной устной и письменной речи в целях достижения успеха при решении правовых задач и для соблюдения экологии языка.

Навык грамотного общения включает умелое использование норм и правил языка и речи, что является достаточно сложным для усвоения, поскольку требования и нормы языка права развивались длительное время, начиная с древнейшего периода и по современный социокультурный этап становления общества.

Дореволюционное время коммуникативной и правовой сферы жизнедеятельности характеризовалось свободным общением без использования ныне существующих речевых юридических стандартов, клише. В советский же период правовой язык обладал нормированностью, что соответствовало законам государства. Хотя современная социокультурная реальность предполагает использование клише юридической терминологии, выявляется необходимость применения в профессиональной коммуникативно-правовой деятельности средств невербальной коммуникации, а также яркости и образности для придания процессу сотрудничества менее официально-делового стиля для достижения коммуникативно-правовых целей. Представленное выше заключение может быть под-

креплено фразой Н. П. Карабчевского: «От внешней стороны речи требуется художественная цельность и целесообразная законченность» [25].

Рассмотрев представленные научные концепции коммуникативной компетентности и культуры в разрезе социологической науки в условиях современности в рамках данного исследования, мы констатируем следующее: языковой компонент в сфере права является одним из основополагающих составляющих процесса правового взаимодействия, особо важно владение в совершенстве нормами языка для возможности регулировать и решать сложные правовые ситуации, без наличия высокого уровня коммуникативно-правовой компетентности невозможно достижение успеха в формировании коммуникативно-правовой культуры. Также считаем важным отметить и то, что «право является основополагающей ценностью, направленной на развитие: уважения к правовой культуре; собственного мировоззрения, основанного на понимании важности права для современного общества; умений и навыков, позволяющих при необходимости защитить законные интересы, права и свободы человека» [26]. Из чего следует социальная обусловленность рассмотрения основ коммуникации в сфере права в разрезе социологической науки.

Результаты и обсуждение

С целью выявления степени сформированности и значимости коммуникативной компетентности и культуры молодежи в сфере права в системе коммуникативно-правовой культуры молодежи в современном социокультурном российском пространстве в 2019–2020 гг. был проведен социологический опрос в Краснодарском крае (г. Краснодар и г. Белореченск), а также в Республике Адыгея (г. Майкоп). Выборка респондентов составила 450 человек, возраст от 14 до 30 лет — молодежь. Контингент опрошиваемых: 200 респондентов — будущие юристы, обучающиеся в различных учебных учреждениях среднего профессионального и высшего образования; 250 опрошиваемых имеют среднее профессиональное или высшее юридическое образование (из них 140 работают не по профилю образования, а 110 — трудящиеся в правовой сфере). Выбор данного контингента обусловлен тем, что молодежь в период становления личности усваивает исторически сложившиеся традиции и опыт жизнедеятельности, а также привносит все новое в общественное устройство. В этой связи молодое поколение призвано транслировать культурные традиции, нормы и правила, существующие в современной социокультурной действительности.

Что же такое «коммуникативная компетентность и культура в правовом взаимодействии»? Каков же механизм формирования? Для ответа на представленные вопросы была составлена анкета, позволяющая раскрыть и интерпретировать данный феномен. Ответы на вопрос: «Что такое коммуникативная компетентность и культура?» распределились неоднозначно, 40 % (подавляющее большинство) отнесли данное понятие к речевым правилам общения, 29 % респондентов предположили, что это коммуникативные знания и умения, 21% опрошенных соотнесли с коммуникативными традициями и обычаями и 10 % затруднились ответить (рис. 1).

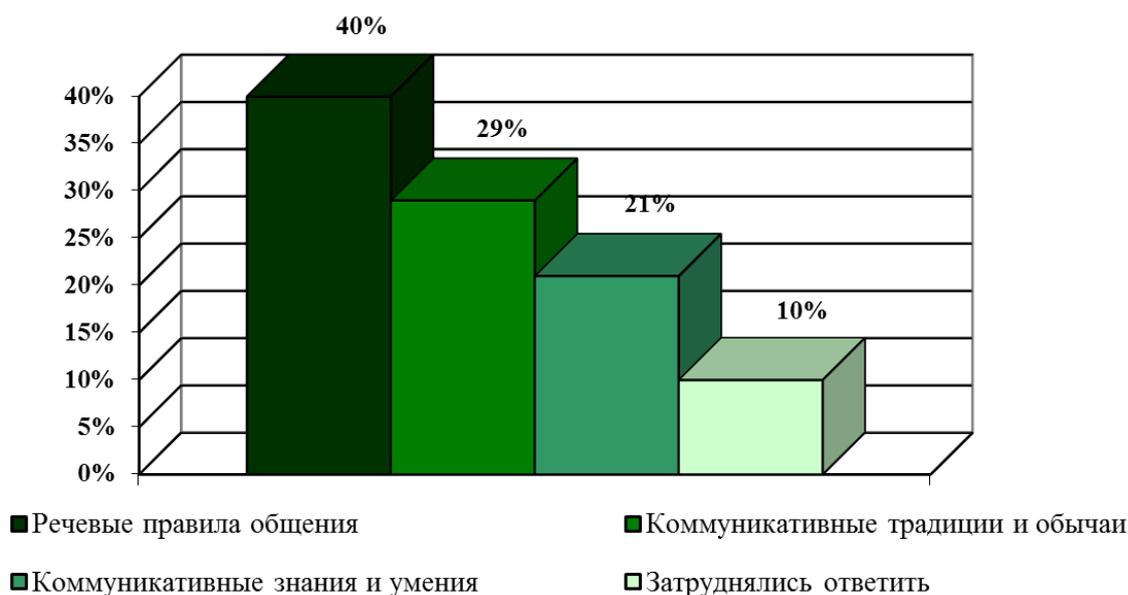

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что такое коммуникативная компетентность и культура?»

В продолжение раскрытия цели исследования и уточнения как молодежь соотносит понятия «коммуникативная компетентность» и «коммуникативная культура» был представлен следующий вопрос, ответы на который дали понять, что современное молодое поколение в недостаточной мере осознает суть данных феноменов, а это показатель низкой степени сформированности культуры. Результаты ответов отражены в таблице 1.

Таблица 1

Соотношение понятий «коммуникативная компетентность» и «коммуникативная культура»

Ответ респондентов	Количество опрошенных, %
Сходны	58
Различны	30
Затруднялись ответить	12

Необходимы ли знания основ коммуникации в правовой сфере современной социокультурной действительности? Результаты ответов на представленный вопрос позволили нам констатировать тот факт, что современная молодежь в абсолютном большинстве (66 %) считает необходимым владение основами коммуникации в целях эффективного правового взаимодействия, 22 % опрошенных отметили, что для успешности в правовом поле достаточно правовых знаний, 12 % респондентов затруднились ответить.

Следующий вопрос позволил определить, знает ли молодое поколение о понятии «правовая коммуникация» и где оно может быть реализовано. Результаты ответов респондентов указывают на то, что молодежь в неполной мере осведомлена о сущности данного понятия, однако можно заметить и позитивный момент: даже при несовершенном владении знанием сути правовой коммуникации большинство все же отметили то, что сферой реализации данного феномена является правовая. Результаты представлены на рисунках 2, 3.

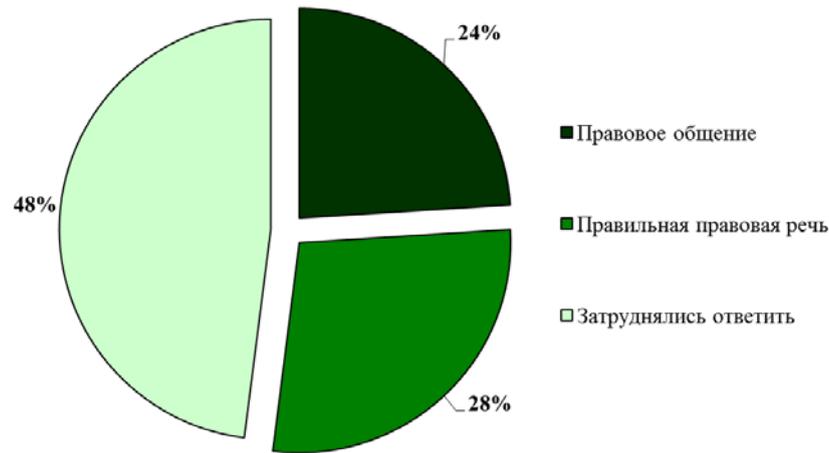

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что представляет собой термин “правовая коммуникация”?»

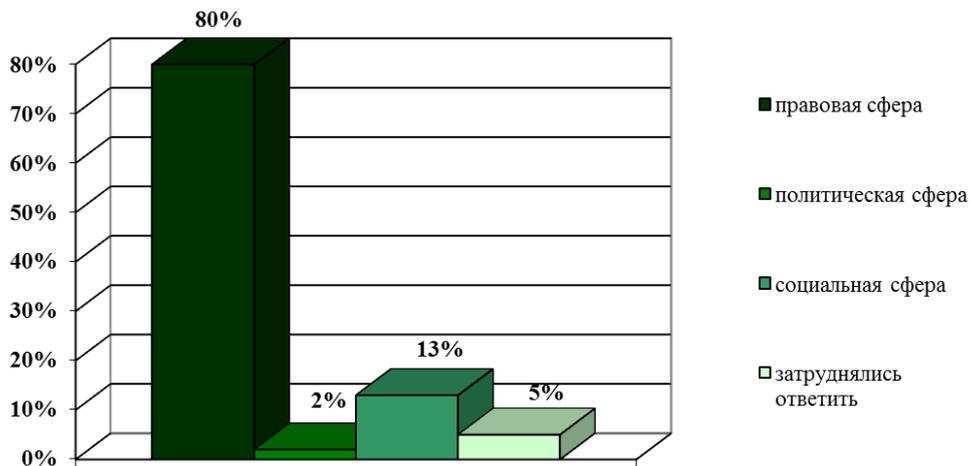

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «В какой сфере возможна реализация основ правовой коммуникации?»

Поскольку в ходе опроса была выявлена особая важность знаний основ правовой коммуникации, потребовалось определить источник получения сведений о данном явлении. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Источники получения сведений о нормах и правилах правовой коммуникации

Ответ респондентов	Количество опрошенных, %
Образовательные учреждения	40
СМИ	28
Окружение	21
Нет необходимости	11

Для того чтобы определить, значимы ли традиции прошлого для современной молодежи, в рамках представленного исследования в анкете были отмечены вопросы: «Влияют ли традиции коммуникативной культуры в правовой сфере прошлого на современность?», «Каково это влияние?». Проанализировав ответы респондентов, мы пришли к следующему выводу: по мнению большинства опрошиваемых молодых людей, традиции важны, однако они оказывают незначительное влияние на современность, поскольку традиции норм и правил коммуникации в правовой сфере общественного устройства прошлого устарели и не могут быть соотнесены. В современной же социокультурной реальности нормы динамичны и подвижны, постоянно обновляются и совершенствуются, а это указывает на отсутствие влияния. Таким образом, можно заключить, что современное поколение не желает обращаться к веяниям прошлого, это не есть правильно, так как традиции важны и должны восприниматься молодежью как нечто особенное, позволяющее сформировать разум и мышление в верном направлении.

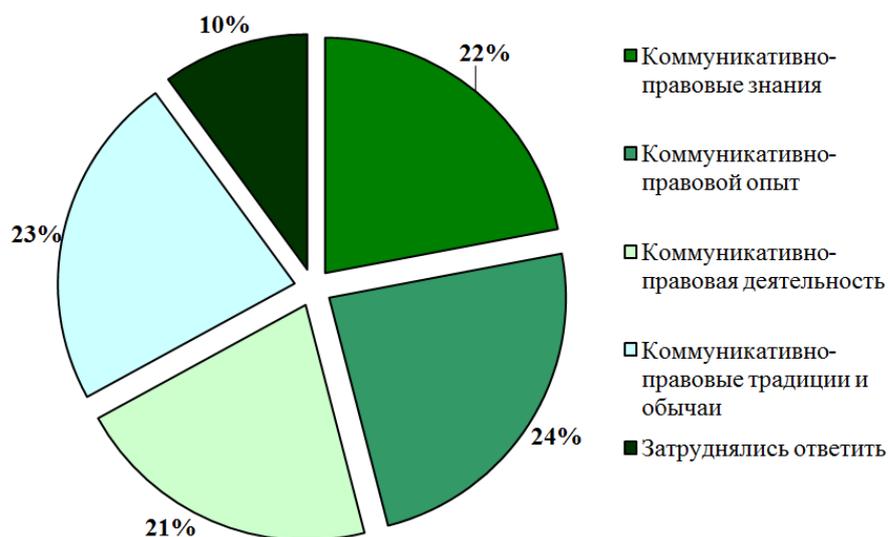

Рисунок 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что такое коммуникативно-правовая культура?»

Далее следовал вопрос о сути коммуникативно-правовой культуры, ответы не были однозначными, что указывает на недостаточно сформировавшуюся коммуника-

тивно-правовую компетентность и культуру молодого поколения. Результаты отражены на рисунке 4.

Результаты ответов на следующий вопрос: «Какова Ваша оценка уровня коммуникативно-правовой компетентности и культуры молодежи?» позволили определить, что молодые люди осознают недостаточность уровня коммуникативно-правовой культуры и признают необходимость повышения ее степени. Результаты отражены на рисунке 5.

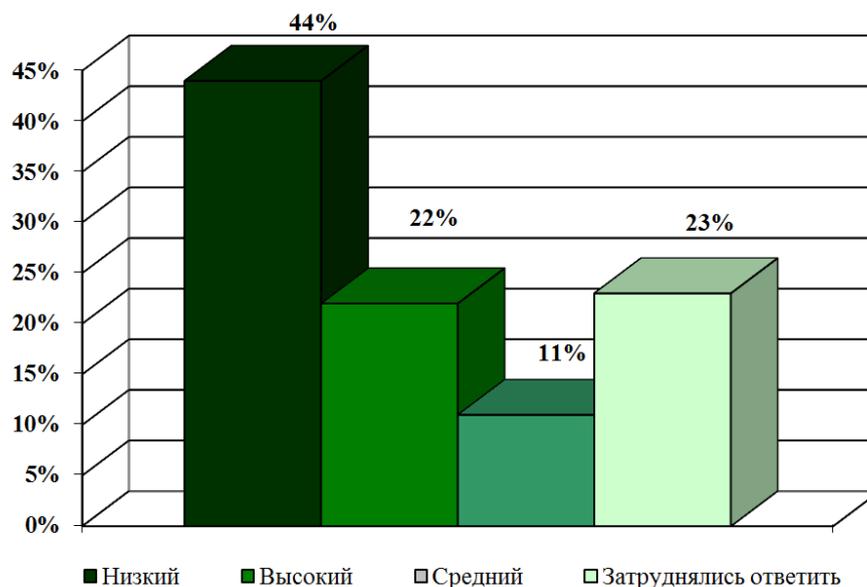

Рисунок 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какова Ваша оценка уровня коммуникативно-правовой компетентности и культуры молодежи?»

Поскольку на основании результатов ответов на предыдущие вопросы был определен низкий уровень коммуникативно-правовой культуры, появилась возможность изучить мнение молодого поколения о механизмах и способах улучшения ситуации. Для этого анкета включала вопрос: «Что необходимо для совершенствования коммуникативной культуры в правовой сфере?», проанализировав ответы, было определено, что большинство респондентов (35 %) считают необходимым формирование коммуникативно-правовых знаний, 21 % — освоение норм и правил правовой коммуникации, 19 % — совершенствование способности к объяснению и убеждению, 25 % — затруднились ответить.

Таким образом, на основе анализа результатов проведенного социологического опроса, а также в связи со всем отмеченным ранее можно сделать следующий вывод: речь современного человека в правовой сфере является однотипной, клишированной, и обнаруживается недостаточно убедительная техника. При этом высокая степень сформированности правовой коммуникации и культуры может определяться по следующим критериям:

- свободное владение основной информацией, необходимой для разрешения коммуникативно-правовых задач;
- верное и уместное использование средств языка в ходе построения высказывания и в речевом выражении своих мыслей;
- навык аргументированного изложения своей точки зрения.

При всех положительных моментах процесса коммуникативно-правового взаимодействия формирование знаний, умений и навыков в данной области проходит достаточно длительный путь, включающий различного уровня трудности, а это указывает на необходимость наличия таких элементов, как желание и интерес в освоении личностью норм и правил правовой коммуникации.

Не менее важным и всеобъемлемым для коммуникативно-правовой культуры является процесс предварительной подготовки высказывания, что включает, по нашему мнению, «навык умелого апеллирования понятиями, логичного изложения и рассуждения, убеждающими методиками, а также способами убедительно воздействовать на слушателей своей речью» [27].

«Коммуникативно-правовая культура молодежи также призвана выполнять коммуникативную функцию в сфере права, что предполагает возможность субъектов адекватно воспринимать и использовать правовую идеологию, знания, ценности, практики. Итак, коммуникативно-правовая культура молодого поколения является неотъемлемым компонентом культуры общества, которая основывается на ее истоках и отражает уровень ее развития» [28].

Помимо этого, необходимо отметить и то, что коммуникативно-правовая культура каждой отдельной личности и общества в целом включает такие составляющие элементы, как правовое воспитание, правовое обучение, правовые ценности и установки, а также правовую коммуникацию. Посредством качественной правообразовательной и правовоспитательной деятельности, основанной на принципах толерантности, включающей, помимо специального профессионального юридического учебно-воспитательного воздействия, общее образование, направленное на формирование правовой коммуникации, происходит развитие коммуникативно-правовой культуры личности в современном социокультурном обществе. Указанное мнение может быть подкреплено изречением выдающегося ученого-правоведа А. Ф. Кони, который утверждал, что «юрист должен быть человеком, у которого общее образование идет впереди специального» [29]. Также данное высказывание обуславливает то, что не имеет значения, какую функцию необходимо выполнять, будь то создание правовых норм, работа в органах правопорядка, судейское, прокурорское, нотариальное или адвокатское ремесло, научная сфера, каждый профессионал, задействованный в этом, должен разъяснять нормы права населению. Такая ответственность требует от профессионала в правовой сфере обладания знаниями, навыками и способностью к объяснению и убеждению. И для того чтобы реализовать данные задачи, по нашему мнению, необходимыми являются умения верного избрания языковых средств, тона, интонации, что располагает к себе. В обратном случае возникает недоверие, что приводит к утрате уважения и доверия со стороны обращающегося. Все сказанное и отмеченное обуславливает актуаль-

ность проблематики формирования коммуникативного (языкового) компонента в правовой сфере, то есть правовой коммуникации.

Выводы

Анализируя различные литературные источники по исследуемой в данной работе проблематике, а также на основании результатов проведенного социологического опроса, отметим, что в современном социокультурном российском пространстве в процессе правовой коммуникации особым значением обладает умение применять языковые нормы и правила, поскольку без этого может произойти дискредитация личности специалиста как правовой сферы, так и других областей деятельности.

В этой связи не приходится сомневаться в том, что развитие системы межличностной коммуникации в сфере права способствует формированию и развитию общества, при этом межличностные контакты реализуются в разных формах в зависимости от таких особенностей, как численность коммуникантов, социальный статус, коммуникативные установки и задачи. Основопологающим звеном в данном процессе является коммуникативная компетентность, которая должна отвечать основным требованиям к речи: уместность, грамотность, точность, а также соответствовать сфере применения, ситуации, задачам, обстоятельствам, целям коммуникативного диалога или монолога. Представленные компоненты являются традиционными и междисциплинарными, которые должны быть соблюдены для достижения эффективности в процессе коммуникации, без их учета в ходе диалога или монолога невозможно построение нормированной правовой речи. И в целях освоения этих требований и правил важным являются формирование знаний о них в рамках социолингвистических дисциплин и обучение навыкам реализации выше указанных качеств речи на практике.

Специалист, обладающий набором навыков, включающих умелое применение норм и правил коммуникации, считается профессионалом в своей сфере деятельности. Также представленные навыки включают возможность их воплощения в письменности и в устных высказываниях. Письменное изложение информации должно включать использование верных, уместных, доступных и целесообразных средств языка и речи в целях правильного истолкования правового текста. Помимо этого, на основании результатов данного исследования, следует отметить, что, несмотря на приоритетность коммуникативных навыков в процессе правового взаимодействия в современной молодежной среде, отмечаются проблемы, обусловленные заниженным уровнем коммуникативно-речевой и правовой грамотности. Представленная тенденция, безусловно, негативно отражается на формировании личности, в частности, на коммуникативно-правовой культуре.

Резюмируя результаты проведенного исследования, считаем важным отметить то, что коммуникативный компонент в правовой сфере деятельности социально обусловлен и актуален, поскольку каждая личность, и общество в целом, начиная с древнейшего периода, призваны взаимодействовать в целях достижения взаимопонимания, а это указывает на необходимость овладения средствами общения, среди которых выделяются язык и речь, которые должны отвечать основополагающим нормам и прави-

лам. Данное умозаключение позволяет отметить, что, пользуясь нормированным языком и речью в процессе правовой коммуникации, индивид проявляет уважительное отношение как к средствам высказывания, так и к правовым основам государства, а это впоследствии отражается на коммуникативно-правовой культуре личности, также реализуемой в социальной и гражданско-правовой ответственности общества.

Таким образом, сущность коммуникативного компонента в праве заключается в естественно-правовом проявлении, что предполагает процесс юридикации языка, то есть приближение естественных проявлений языка, а именно языковых норм, к правовой области знаний. При этом в данном процессе нет места дискриминации прав, так как это может негативно сказаться на коммуникативно-правовой культуре как каждой отдельной личности молодого поколения, так и общества в целом.

Библиографический список

- [1] Айвазян, О. О. Коммуникативность как один из основных принципов в теории и методике развития русской речи / О. О. Айвазян. – Текст : непосредственный // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. – 2019. – № 11–2. – С. 58–62.
- [2] Аристотель. Риторика. Поэтика / Аристотель ; пер. с древнегреч. О. П. Цыбенко, Г. Н. Аппельрота. – 2-е изд. – Москва : Лабиринт, 2007. – 254 с. – Текст : непосредственный.
- [3] Адамьянц, Т. З. Социальные коммуникации : учебник для академического бакалавриата / Т. З. Адамьянц. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2018. – 200 с. – Текст : непосредственный.
- [4] Зубок, Ю. А. Коммуникативная компетентность личности в пространстве виртуальной реальности / Ю. А. Зубок, Е. В. Чанкова. – DOI 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12. – Текст : непосредственный // Научный результат. Социология и управление. – 2019. – Т. 5, № 4. – С. 139–150.
- [5] Социологическая энциклопедия : в 2 томах / Национальный общественный научный фонд ; гл. ред. В. Н. Иванов. – Москва : Мысль, 2003. – Т. 2. Н – Я. – 861 с. – Текст : непосредственный.
- [6] Лурье, С. В. Историческая этнология : учебное пособие для вузов / С. В. Лурье. – Москва : Аспект-Пресс, 1997. – 445 с. – Текст : непосредственный.
- [7] Сурманидзе, Л. Д. Стереотипы в свете культурных конструкторов личностных качеств / Л. Д. Сурманидзе. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. – 2010. – № 2. – С. 41–51.
- [8] Mitchell, R. Second language learning theories / R. Mitchell, F. Myles. – 2nd edition. – London, 2004. – 316 p.
- [9] Chen, G.-M. Intercultural Communication Competence : A Synthesis / G.-M. Chen, W. J. Starosta. – DOI 10.1080/23808985.1996.11678935. – Текст : непосредственный // Annals of the International Communication Association. – 1996. – Vol. 19, Issue 1. – P. 353–383.

- [10] Lagou, F. Promoting Intercultural Communicative Competence through CLIL in Greek Primary Education / F. Lagou, V. Zorbas. – Текст : непосредственный // Language Teaching Research Quarterly. – 2020. – Vol. 17. – P. [1–19].
- [11] Голуб, О. Ю. Коммуникативная компетентность в условиях сетевых взаимодействий / О. Ю. Голуб. – DOI: 10.18500/1818-9601-2019-19-2-126-130. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Серия : Социология. Политология. – 2019. – Т. 19, Вып. 2. – С. 126–130.
- [12] Чупров, В. И. Методология целостного подхода в социологии молодежи / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок. – Текст : непосредственный // Россия : новые цели и приоритеты. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2005 г. : [монография] / Российская академия наук, Институт социально-политических исследований РАН ; под редакцией Г. В. Осипова, В. В. Локосова. – Москва : РИЦ ИСПИ РАН, 2006. – С. 84–107.
- [13] Чанкова, Е. В. Коммуникативная компетентность личности в постиндустриальном обществе (теоретико-методологическое исследование) : монография / Е. В. Чанкова ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Российский государственный социальный университет. – Москва : Изд-во Российского государственного социального ун-та, 2016. – 190 с. – Текст : непосредственный.
- [14] Шарков, Ф. И. Основы теории коммуникации : учебник для вузов / Ф. И. Шарков. – Москва : Социальные отношения, 2004. – 244 с. – Текст : непосредственный.
- [15] Grossfield, B. Language and the Law / B. Grossfield. – Текст : непосредственный // Journal of Air Law and Commerce. – 1985. – Vol. 50, Issue 4. – P. 793–803.
- [16] Толкование Евангелия от Иоанна. Пролог (1:1-18). – Текст : электронный. – URL: <http://otveti.org/tolkovanie-biblii/evangelie-ioanna/01/> (дата обращения: 18.05.2020).
- [17] Herrmann, J. Dürr, Lorenz, Die Wertung des göttlichen Wortes im Alten Testament und im antiken Orient : [Rezension] / J. Herrmann. – Текст : непосредственный // Theologisches Literaturblatt. – 1940. – Т. 61, Вып. 9. – С. 65–66.
- [18] Cassirer, E. Sprache und Mythos : Ein Beitrag zum Problem der Götternamen / E. Cassirer. – Leipzig and Berlin : Teubner, 1925. – 87 p. – Текст : непосредственный.
- [19] Larenz, K. Festschrift Für Karl Larenz Zum 80. Geburtstag Am 23. April 1983 / K. Larenz, C.-W. Canaris, U. Diederichsen. – München : C. H. Beck, 1983. – 749 p. – Текст : непосредственный.
- [20] Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / Базылев В. Н., Бельчиков Ю. А., Леонтьев А. А., Сорокин Ю. А.; отв. ред. А. К. Симонов ; Фонд защиты гласности. – Москва : Права человека, 1997. – 127 с. – Текст : непосредственный.
- [21] Губаева, Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т. В. Губаева. – Москва : Норма, 2004. – 160 с. – Текст : непосредственный.
- [22] Боровик, Н. В. Проблемы правового языка российских законов и современной юридической терминологии / Н. В. Боровик. – Текст : непосредственный // Регион : системы, экономика, управление. – 2014. – № 3 (26). – С. 168–172.

- [23] Стучка П. И. Язык законов // Пролетарская революция и право. – 1918. – № 1. – С. 5.
- [24] Моисеева, Е. Н. Встать, суд идет! Судебный процесс как объект социологического анализа / Е. Н. Моисеева. – DOI 10.25285/2078-1938-2018-10-1-29-50 – Текст : непосредственный // *Laboratorium : Журнал Социальных Исследований*. – 2018. – № 1. – С. 29–50.
- [25] Карабчевский, Н. П. Около правосудия : статьи, сообщения и судебные очерки / Н. П. Карабчевский. – Санкт-Петербург : Труд, 1902. – 540 с. – Текст : непосредственный.
- [26] Кукушкина, А. А. Правовое образование как основа становления гражданского общества и правового государства / А. А. Кукушкина. – Текст : непосредственный // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 : Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. – 2015. – № 2 (158). – С. 151–156.
- [27] Ayvazyan, O. O. The specificity of the development of building skills of forensic speech as a factor of formation of communicative culture of future specialists of law in modern sociocultural reality / O. O. Ayvazyan. – Текст : непосредственный // *GESJ : Education Science and Psychology, Georgia*. – 2016. – Issue 5 (42). – P. 71–73.
- [28] Айвазян, О. О. Социологическое осмысление коммуникативно-правовой культуры молодежи / О. О. Айвазян. – DOI 10.24158/spp.2020.3.3. – Текст : непосредственный // *Общество : социология, психология, педагогика*. – 2020. – № 3. – С. 32–38.
- [29] Чудаков, М. Ф. Анатолий Федорович Кони // *Судебные речи : сборник*. – Минск : Новое знание, 2002. – С. 529–588.

References

- [1] Ayvazyan, O. O. (2019). Communicativity as one of the basic principles in the theory and method of development of Russian speech. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice: Series. Humanities*, 11(2), pp. 58-62. (In Russian).
- [2] Aristotel'. (2007). *Ritorika. Poetika*. 2nd edition. Moscow, Labirint Publ., 254 p. (In Russian).
- [3] Adamyants, T. Z. (2018). *Sotsial'nye kommunikatsii: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata*. 2nd edition, revised and expanded. Moscow, Yurayt Publ., 200 p. (In Russian).
- [4] Zubok, Yu. A., & Chankova, E. V. (2019). Communicative competence of the personality in the space of virtual reality. *Research Result. Sociology and management*, 5(4), pp. 139-150. (In Russian). DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12
- [5] Ivanov, V. N. (Chief Ed.) (2003). *Sotsiologicheskaya entsiklopediya: v 2 tomakh. Tom 2. N - Ya*. Moscow, Mysl' Publ. 861 p. (In Russian).
- [6] Lurie, S. V. (1997). *Istoricheskaya etnologiya*. Moscow, Aspect-Press Publ., 445 p. (In Russian).
- [7] Surmanidze, L. D. (2010). Stereotypes in the framework of personality traits cultural constructs. *RUDN Journal of Sociology*, (2), pp. 41-51. (In Russian).

- [8] Mitchell, R., & Myles, F. (2004). *Second language learning theories*. 2nd edition. London, 316 p. (In English).
- [9] Chen, G.-M., & Starosta, W. J. (1996). Intercultural Communication Competence: A Synthesis. *Annals of the International Communication Association*, 19(1), pp. 353-383. (In English). DOI: 10.1080/23808985.1996.11678935
- [10] Lagou, F., & Zorbas, V. (2020). Promoting Intercultural Communicative Competence through CLIL in Greek Primary Education. *Language Teaching Research Quarterly*, 17, pp. 1-19. (In English).
- [11] Golub, O. Y. (2019). Communicative Competence in the Conditions of Network Interactions. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 19(2), pp. 126-130. (In Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2019-19-2-126-130
- [12] Chuprov, V. I., & Zubok, Yu. A. (2006). Methodology of a holistic approach in the sociology of youth. Russia: the new purposes and priorities. Social and socio-political situation in Russia in 2005. Moscow, Russian Academy of Sciences, Institute of Socio-Political Research Publ., pp. 84-107. (In Russian).
- [13] Chankova, E. V. (2016). *Kommunikativnaya kompetentnost' lichnosti v postindustrial'nom obshchestve (teoretiko-metodologicheskie issledovanie)*. Moscow, Russian State Social University Publ., 190 p. (In Russian).
- [14] Sharkov, F. I. (2004). *Osnovy teorii kommunikatsii*. Moscow, Sotsial'nye otnosheniya Publ., 244 p. (In Russian).
- [15] Grossfield, B. (1985). Language and the law. *Journal of Air Law and Commerce*, 50(4), pp. 793-803. (In English).
- [16] Tolkovanie Evangeliiya ot Ioanna. Prolog (1:1-18). Available at: <http://otveti.org/tolkovanie-biblii/evangelie-ioanna/01/>. (In Russian).
- [17] Herrmann, J. (1940). Dürr, Lorenz, Die Wertung des göttlichen Wortes im Alten Testament und im antiken Orient: [Rezension]. *Theologisches Literaturblatt*, 61(9), pp. 65-66. (In German).
- [18] Cassirer, E. (1925). *Sprache und Mythos: Ein Beitrag zum Problem der Götternamen*. Leipzig and Berlin, Teubner, 87 p. (In German).
- [19] Larenz K., Canaris C.-W., & Diederichsen U. (1983). *Festschrift Für Karl Larenz Zum 80. Geburtstag Am 23. April 1983*. München, C. H. Beck, 749 p. (In German).
- [20] Bazylev, V. N., Bel'chikov, Yu. A., Leontiev, A. A., & Sorokin, Yu. A. (1997). *Ponyatiya chesti i dostoinstva, oskorbleniya i nenormativnosti v tekstakh prava i sredstv massovoy informatsii*. Moscow, Prava cheloveka Publ., 127 p. (In Russian).
- [21] Gubaeva, T. V. (2004). *Yazyk i pravo. Iskusstvo vladeniya slovom v professional'noy yuridicheskoy deyatel'nosti*. Moscow, Norma Publ., 160 p. (In Russian).
- [22] Borovik, N. V. (2014). Problems of legal language of Russian laws and modern legal language. *Region: Systems, Economics, Management*, (3(26)), pp. 168-172. (In Russian).
- [23] Stuchka, P. I. (1918). The language of laws. *Proletarian Revolution and Law*, (1), pp. 5. (In Russian).

- [24] Moiseeva, E. (2018). All Rise! The court is now in session: Judicial proceedings as a subject of sociological analysis. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, (1), pp. 29-48. (In Russian). DOI: 10.25285/2078-1938-2018-10-1-29-50
- [25] Karabchevskiy, N. P. (1902). *Okolo pravosudiya: stat'i, soobshcheniya i sudebnye ocherki*. St. Petersburg, Trud Publ., 540 p. (In Russian).
- [26] Kukushkina, A. A. (2015). Legal education as a basis for the development of civil society and legal state. *Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies*, (2(158)), pp. 151-156. (In Russian).
- [27] Ayvazyan, O. O. (2016). The specificity of the development of building skills of forensic speech as a factor of formation of communicative culture of future specialists of law in modern sociocultural reality. *GESJ: Education Science and Psychology, Georgia*, (5(42)), pp. 71-73. (In English).
- [28] Ayvazyan, O. O. (2020). Sociological understanding of communicative and legal culture of young people. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, (3), pp. 32-38. (In Russian). DOI: 10.24158/spp.2020.3.3
- [29] Chudakov, M. F. (2002). *Anatoliy Fedorovich Koni. Sudebnye rechi: sbornik*. Minsk, New knowledge Publ., pp. 529-588. (In Russian)

Получена / Submitted: 06/10/2020

Доработана / Revised: 02/02/2021

Принята к публикации / Accepted: 09/02/2021

УДК 316.343

Жизненный путь и жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса

Татьяна Владимировна Гаврилюк¹, Вера Владимировна Гаврилюк²

¹*Сектор фундаментальных и прикладных исследований, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия*

²*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия*

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ российских и западных концепций жизненных стратегий и жизненного пути. Концептуальный анализ выступил основанием формирования авторского подхода к описанию жизненной динамики молодых рабочих современной России. Эмпирическая база исследования — данные массового опроса и биографического интервью с представителями рабочей молодежи, а также экспертный опрос. Результаты проекта отражают особенности жизненных стратегий молодежи нового рабочего класса, доминирующие представления о способах достижения жизненного успеха. Выявленные темпоральные особенности жизненного самоопределения рабочей молодежи отличают ее от представителей других больших групп и классов. Для молодых рабочих социальный капитал и случайная удача играют большую роль, чем для их сверстников из среднего класса; воплощение их жизненных стратегий сопровождается страхом разочарования и неудачи. Доминирующие нормативные паттерны молодежи нового рабочего класса в темпоральной перспективе демонстрирует устойчивость традиционных ценностей, ограниченную вариативность жизненного пути. В выборе жизненных стратегий молодежи нового рабочего класса доминируют стратегии адаптации и выживания.

Ключевые слова: молодежь, новый рабочий класс, жизненные стратегии, жизненный путь, классовый анализ, социальное неравенство.

Life Course and Life Strategies of the New Working Class Youth

Tatiana V. Gavriilyuk¹, Vera V. Gavriilyuk²

¹*Fundamental and Applied Research Department, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*

²*Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*

Abstract. The article presents a comparative analysis of Russian and Western concepts of life strategies and life course. Conceptual analysis served as the basis for the author's approach formation to describing the life dynamics of young workers in modern Russia. The empirical basis of the study was

the data of a mass survey and biographical interview with working-class youth representatives, as well as an expert survey. The results of the project reflect the specifics of the new working class youth life strategies, the dominant ideas about success achievement. The revealed temporal features of the life self-determination of working-class youth allow distinguishing them from representatives of other large social groups and classes. For young workers, social capital and random luck play a greater role than for their middle-class peers, and their life strategies implementation is accompanied by the fear of disappointment and failure. The dominant normative patterns of the new working class youth in a temporal perspective demonstrate the stability of traditional values, limited variability of the life course. The strategies of adaptation and survival dominate in the choices for young people of the new working class.

Keywords: youth, new working class, life strategies, life course, class analysis, social inequality.

Введение

Категориальное поле исследования динамики жизни включает разные по теоретическим основаниям понятия: «жизненный путь», «жизненные стратегии» и «биография». В зарубежной социальной науке данная проблематика чаще всего рассматривается в концепции «life course studies», где жизненный путь трактуется как динамичная темпоральная последовательность событий и ролей на протяжении жизни человека [1]. В российской социологии переход во «взрослую» жизнь молодых людей проблематизируется с помощью категории жизненной стратегии, под которой понимаются осознанный контроль и планирование молодым человеком своей жизни через формирование представлений о будущем [2]. Данная категория закрепились в конвенциональном дискурсе российской социологии в 1990-е гг., когда ожидание стабилизации и упорядочения социальной структуры обусловило преимущественный интерес к проективным моделям жизненной динамики. Внимание исследователей сосредоточилось на открывающихся для молодежи возможностях капиталистического уклада, что не просто актуализировало, но выдвинуло в число приоритетных проблем вопрос о жизненных стратегиях нового поколения.

Перспективы и возможности капиталистического общества, открывающиеся перед новыми поколениями, сопровождаются противоречивым влиянием новых форм социального неравенства, обострением разрыва экономического, социокультурного статусов больших социальных групп: рабочего класса и класса собственников. Оценка влияния новых форм социального неравенства на скорость и основные паттерны взросления молодежи, их отношения к труду, развитию карьеры, демографическому поведению — нерешенная в современной науке задача. Нарастание неравенства в российском обществе отмечается как увеличивающийся разрыв между бедными и богатыми, при этом доходы самой богатой части населения продолжают многократно увеличиваться [3]. Положение рабочего класса в нашей стране во многом обусловлено последствиями российского опыта применения неолиберальной экономической модели, такими как стремительная деиндустриализация, превращение экономики в сырьевую, непропорциональный рост управленческого слоя, социальная поляризация [4]. С учетом этих фак-

торов можно констатировать, что жизненные шансы молодежи рабочего класса еще сильнее снижаются.

Основная *цель статьи* состоит в демонстрации эвристических возможностей российского дискурса жизненных стратегий и концепций западной социологии в исследовании жизненного пути. Кроме того, мы предлагаем новый подход к изучению жизненной динамики молодежи, обоснование необходимости многомерной типологизации жизненных стратегий молодежи нового рабочего класса.

Структура статьи включает в себя сравнение концептуальных оснований актуальных социологических подходов к описанию жизненной динамики; ее эмпирический анализ с позиции интерсекционального подхода с учетом возраста, гендерной и классовой принадлежности.

Материалы и методы

В рамках нашего проекта, реализуемого с 2017 года, был проведен категориальный анализ базовых критериев «нового рабочего класса» постиндустриального общества, в качестве которых были обоснованы следующие признаки: отношения собственности, участие в управлении на конкретном предприятии, характер и содержание труда. Проведенный анализ позволил сформулировать авторское определение понятия «*новый рабочий класс*», под которым мы понимаем «группу наемных работников, занятых во всех сферах материального производства и сервиса, труд которых рутинизирован, разделен на стандартизированные сегменты, поддается алгоритмизации и количественному нормированию результатов; не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности в организации, в которой они трудятся» [5]. В современной мировой исследовательской практике рабочий класс постиндустриального общества трактуется не только как состоящий из представителей профессий в отраслях промышленности, транспорта, строительства, но также и людей, занятых в сфере производственного и клиентского сервиса, если труд работника носит рутинизированный характер [6– 8]. Исследование жизненных стратегий молодежи нового рабочего класса, на наш взгляд, может быть успешно интегрировано в мировой дискурс «*life course studies*», так как позволяет выявить нормативные паттерны индивидуальных жизненных путей в их связи с особенностями социальных, экономических, культурных различий и ограничений, складывающихся в российском обществе для больших социальных групп.

Эмпирическое исследование выполнено с использованием микс-методов, где количественные данные массового опроса сопоставлены с качественным анализом результатов биографического интервью и данными опроса экспертов. Респондентами в массовом опросе выступили представители рабочей молодежи Уральского федерального округа (1 534 респондента), разделенные на три возрастные группы от 15 до 29 лет (соответствующие официальной статистике РФ: 15–19; 20–24; 25–29 лет). Отбор респондентов проводился в соответствии с обоснованными критериями, признаками нового рабочего класса. Информанты для качественного исследования (31 человек) также были отобраны в соответствии с данными критериями. Продолжительность биографического интервью — от 40 минут до 2,5 часов. Каждое интервью

проведено на основе детализированного гайда, записано на диктофон и транскрибировано дословно.

Результаты и обсуждение

«Жизненный путь» или «жизненные стратегии»? Анализ исследовательской оптики и обоснование категориального поля

Конвенциональные границы исследований жизненного пути в западном обществознании сложились в 80-е гг. прошлого столетия. Понятие «жизненный путь» в это время рассматривалось как совокупность перемещений по линиям образования, семьи, профессии и карьеры. Движение по базовым траекториям определяется *переходами*, при этом возникновение нового состояния предполагает завершение предыдущего, вызывает перемену социальной роли. В изучении жизненного пути исследователи XX века особое внимание отводили ключевым транзитивным точкам — переходу к взрослому состоянию и выходу на пенсию. При этом важнейшими исследовательскими задачами оставались проблемы взаимодействия базовых траекторий, их последовательность и синхронизация [9]. Несомненной заслугой авторов этого периода было выявление типичных *социальных траекторий* жизни, отражающих темпоральную динамику доминирующих *жизненных паттернов*. Во время институционализации данного подхода сложились и получили широкое распространение гипотезы о существовании некоего «нормативного» жизненного пути, задачи социальной науки состояли и в том, чтобы выявлять многообразие отклонений от модальных тенденций [10–12]. *Нормативные паттерны* определялись как выбор респондента в системе представлений о «правильной» последовательности воплощения социальных ролей в течение всей его жизни. Подчеркивая закономерность стандартизации жизненного пути в условиях текущей общесоциологической дискуссии 1980-х гг. о соотношении структуры и индивидуальной агентности, представители «life course studies» осуществили перевод понятия социальных паттернов из неолиберального дискурса «индивидуальных возможностей» в категории структурных ограничений, утверждая сохраняющееся и даже усиливающееся влияние социальных институтов на регламентацию индивидуального действия. Ряд современных исследователей, придерживающихся институционального подхода, также находят свидетельства сохранения значимости паттерна нормативного жизненного пути, выраженного в формуле «сначала работа, затем брак, затем дети» [1].

Новый этап развития концепции жизненного пути формируется в начале XXI века, для него характерно преодоление противопоставления теорий структуры и агентности. Такой подход позволяет использовать понятие биографии в изучении активности субъекта в выборе жизненного пути в условиях рамок и структуры существующих социальных институтов [13]. Р. Сеттерстен и Л. Ганнон предложили концепцию «агентности внутри структуры», направленную на понимание того, как индивиды ставят перед собой цели, осуществляют действия и создают значения внутри существующих социальных параметров или вопреки им [14].

Возрастающая сложность структуры жизненного пути, его зависимость от таких характеристик, как гендер, раса и этничность, социально-экономический статус и клас-

совое положение, актуализируют интерсекциональный ракурс анализа [15]. Исследователи отмечают, что сегодня в западном мире каждая из групп формирует собственную нормативность, оказывающую влияние на события жизни и их последовательность [16]. Нормативные паттерны жизненного пути, выявленные в XX веке, сегодня могут, с достаточной мерой условности, отражать лишь перспективную траекторию белого мужчины среднего класса. Доминирование культуры среднего класса уходит в историю, жизненные пути и способы достижения жизненного успеха у дискриминируемых социальных групп молодежи существенно отличаются от традиционных [17; 18]. К числу выявленных тенденций относится и закономерность ускоренного, по сравнению с ровесниками из среднего класса, перехода во взрослую жизнь молодежи рабочего класса [19].

В российской социологии исследовательские интересы сосредоточены в основном вокруг проектирования жизни молодежью, принадлежащей к отдельным социальным группам. Стоит отметить, что понятие «жизненная стратегия», столь популярное в отечественном дискурсе, почти не используется в зарубежной науке. Понятие «стратегия» обнаружено нами лишь в исследованиях соотношения работы и личной жизни («work/life balance strategies»), где под ним понимается совокупность конкретных мер для соблюдения указанного баланса [12; 20].

Концептуализация категории «жизненные стратегии» формировалась в России в 1990-е гг. Наиболее известное определение этого понятия сформулировано К. А. Абульхановой-Славской — это «способность человека проектировать жизнь с учетом своих индивидуальных особенностей, типа личности; способ разрешения противоречий между внешними и внутренними условиями, преобразования условий, ситуаций жизни в соответствии с ценностями человека» [21]. Жизненная стратегия определяется как сознательный выбор личности, основа направлений саморазвития, этот выбор ориентирован на будущее [22].

Неявная подмена понятия «жизненные стратегии» на «сознательное планирование» субъектом присутствует в большей части представленных определений. Мы не можем в полной мере согласиться с подобной трактовкой. Большинство исследователей исходят из представления о жизненной стратегии как осознанной линии поведения личности или социальной группы, способа планирования и рационализации биографии через формирование образа будущего. Такой подход фактически игнорирует структурные факторы выбора жизненного пути, при этом абсолютизируя рациональность и отвергая иррациональный выбор минимизации усилий и отказ от планирования и контроля над собственной жизнью. Акцент на сознательном выборе и планировании собственной биографии в действительности отражает не весь спектр возможных жизненных стратегий, игнорирует реальные объективные (институциональные, структурные) условия их формирования. Эмпирические исследования подтверждают оценки отечественных социологов о доминировании у современной российской молодежи адаптивных жизненных стратегий и стратегий выживания, которые никак нельзя отнести к сознательным планам повышения качества жизни [23; 24].

Мы понимаем *жизненные стратегии* в широком смысле как *набор личностных диспозиций, репертуар нормативных и поведенческих паттернов. Анализ жизненных*

стратегий в таком случае связан с выявлением наличия или отсутствия долгосрочного планирования достижения некоторой цели, выбора способов их достижения. Необходимо учитывать воздействие структурных факторов и повседневного окружения на выбор и воплощение жизненных стратегий, рассматривая индивидуальную агентность во фрейме структурных ограничений и возможностей.

Проанализировав многочисленные типологии жизненных стратегий российской молодежи, представленные в современной литературе, мы определили общее в подходах к типологизации. Большинство авторов исходят из аксиомы о целостности и автономии личности как социального субъекта, его стремления к согласованности и единообразию личностного проекта. Противоречивость и несогласованность жизненного плана индивида обычно интерпретируются как препятствие реализации личностной субъектности. Стремление к созданию единой типологии жизненных стратегий чаще всего приводит к редуционистским трактовкам, искусственно сводящим разнообразные жизненные случаи в несколько крупных классификационных групп. Подобная исследовательская оптика базируется на единственном доминирующем основании, которое конструируется априорно. В российской социологии распространены типологии жизненных стратегий на основании ценностных и нормативных установок [25], факторов экономического благополучия, образования как основы карьерной самореализации [26; 27]. Остальные же сферы жизни человека остаются за кадром или рассматриваются как менее значимые. Во всех этих исследованиях на основании планирования и мотивации в отношении одной из жизненных сфер определяется стратегия личности в целом, то есть нелинейность их взаимосвязей просто не учитывается.

В рамках нашего исследования мы не стремимся к созданию подобной обобщающей типологии в силу невозможности учета огромного многообразия алгоритмов жизненного пути и воздействующих внешних факторов в рамках точечного (нелонгитюдного) исследования. Иерархические классификации жизненных стратегий не отвечают современным научным представлениям о множественности, нелинейности и контингентности социальных процессов. Кроме того, априорно разработанные или полученные в ходе массовых опросов классификации упрощают и схематизируют многообразие человеческого опыта, сводя его к простым схемам «целедостижения», «выживания» или «деградации». Представляется, что с учетом дебатов относительно категорий социальной субъектности и идентичности [28] сложившийся в отечественной социологии дискурс о жизненных стратегиях нуждается в ревизии методологических подходов.

Первым шагом в преодолении редуционистских трактовок жизненных стратегий является отказ от унифицирующих типологий и переход к изучению автономных жизненных сфер субъекта, в совокупности выступающих как сложное и не всегда целостное и согласованное единство. Понимание жизненных стратегий депривированных групп нуждается в более тонких аналитических моделях, способных дать *представление о способах рационализации и легитимации тех или иных типов социального поведения самими членами данных общностей в каждой из жизненных сфер.* Таким образом, важнейшим вызовом является примирение структурного языка описания и концептуальных рамок социологии повседневности, что по-прежнему является непростой задачей для россий-

ской социологии. Методологический подход «агентности внутри структуры» представляется наиболее релевантным нашим исследовательским задачам [29].

Мы также ориентируемся на аксиоматические допущения теории интерсекциональности, исходя из представлений о *гетерогенности самого рабочего класса*, и выявляем многообразие и различия в жизненных стратегиях, соотношения и доминирование отдельных, характерных для разных жизненных сфер стратегий поведения. Теоретический анализ и проведенное эмпирическое исследование позволяют нам предположить, что сегодня необходимо использовать принцип многомерной типологизации жизненных стратегий. Мы определили основания для такой типологизации, в качестве признаков выбраны классовая и профессиональная идентичность; образовательные траектории; особенности трудового и экономического поведения; гендерные и семейные установки; стиль жизни и культурные практики; субъективная темпоральность; пространственная мобильность. В рамках данной статьи мы обозначим наиболее общие паттерны жизненного пути молодежи нового рабочего класса в темпоральной перспективе, а также классовую специфику образа будущего, как основания для выбора жизненной стратегии. Мы полагаем, что *вариативность и флексибельность образа будущего выступает основой социального действия, так как в турбулентной социальной реальности построение единственно верного жизненного сценария — невыполнимая задача*. Непрерывные перемены, динамика рынков труда затрудняют планирование даже профессиональной карьеры, планирование «на всю жизнь» осталось в прошлом. Скорость социальных перемен затрудняет сохранение приверженности одной идеологии, системе ценностей, интериоризированной в период социализации молодежи. Даже планирование собственной частной жизни зависит от темпоральной динамики институциональных и структурных составляющих современного общества. Выбор жизненной стратегии молодежью в условиях социальной неустойчивости может быть основан только на обобщенном представлении о будущем, поэтому понятие «образ будущего» приобретает ключевое значение для определения траекторий жизненного пути. Именно образ будущего определяет границы возможностей, вариативности жизненной стратегии при сохранении базовых ценностей, планирования и выбора способов достижения жизненного успеха.

Нормативность жизненного пути молодежи нового рабочего класса

Результаты эмпирического исследования подтверждают выявленные в современной социологии глобальные тенденции увеличения длительности и дисперсии событий на протяжении периода перехода молодежи к взрослой жизни. Мы выделили ключевые факты биографии, которые можно считать основанием ролевых переходов процесса взросления. Индикаторы таких событий были представлены в вопросе анкеты: «*В каком возрасте, по Вашему мнению, лучше всего ...*»

Как показывает таблица 1, процесс взросления рабочей молодежи завершается к 30 годам, при этом, в отличие от своих сверстников из других социальных групп, начало трудовой биографии они относят к возрасту до совершеннолетия (почти треть опрошенных считает так). Карьерные устремления, в том числе потребность стать руководителем, размыты и не являются приоритетными в рассматриваемой группе. В от-

ношении образовательных траекторий также получен ожидаемый результат — большинство респондентов рассматривают варианты совмещения учебы и работы. В отношении периода создания семьи существенных различий с молодежью других социальных групп не выявлено, доминируют традиционные семейные ценности, значимость наличия детей в семье.

Таблица 1

Нормативные темпоральные установки молодежи НРК относительно перехода во взрослую жизнь (% от количества опрошенных)

В каком возрасте, по Вашему мнению, лучше всего...	До 18 лет	18–24	25–29	30–34	После 35 лет	Не обязательно в жизни
получить профессиональное образование	19,4	73,4	4,4	0,2	0,1	2,5
жениться	0,6	36,1	51,6	5,1	1,2	5,3
завести первого ребенка	0,4	23,9	57,4	12,0	0,9	5,4
начать работать	29,4	57,1	11,5	1,3	0,2	0,4
получить первое продвижение по службе	1,2	35,9	46,2	10,3	0,8	5,6
стать руководителем	0,7	7,4	30,6	36,9	11,9	12,4

Не имея возможности в рамках данной статьи анализировать каждый аспект жизненного пути, остановимся более подробно на семейной траектории. Семейные намерения информантов очень часто артикулированы в качестве основной ценности и жизненной цели, но их реализация отсрочена ввиду финансовых и материальных ограничений. Диапазон 25–29 лет является более предпочтительным, чем ранний брак. Абсолютное большинство участников биографического интервью признают ценность семьи и брака, намерены в ближайшие годы вступить в брак (если не имеют семьи на момент опроса). По поводу рождения первого ребенка наблюдаются различия по гендерному признаку, обусловленные социальной нормативностью — в российском обществе по-прежнему откладывание материнства на более поздний срок не является социально одобряемым (диапазон 18–24 считают оптимальным для рождения первого ребенка 30 % опрошенных девушек и только 17,9 % юношей). Несмотря на удлинение перехода к взрослой жизни и отказ от раннего брака и родительства, рабочая молодежь сохранила «традиционные» семейные ценности, что особенно наглядно проявляется в планировании количества детей. 50,2 % рассчитывают растить двух детей. Менее выражена, но все же сохранилась и тенденция к многодетности — 12,2 % из них планируют трех детей и более.

Вместе с тем наблюдается очевидное противоречие между семейными нормативными паттернами и реальным репродуктивным поведением молодых представителей нового рабочего класса. В таблице 1 отражена декларируемая позиция 81,7 % ре-

спондентов о возрасте родительства — до 30 лет, при этом 63,5 % этой возрастной категории не имеют детей. Среди респондентов 18–24 лет таковых 79,1 % (рис. 1). Это противоречие может быть вызвано не только и не столько оценкой молодыми людьми приемлемых для воспитания детей условий, сколько детерминировано факторами качества их жизни.

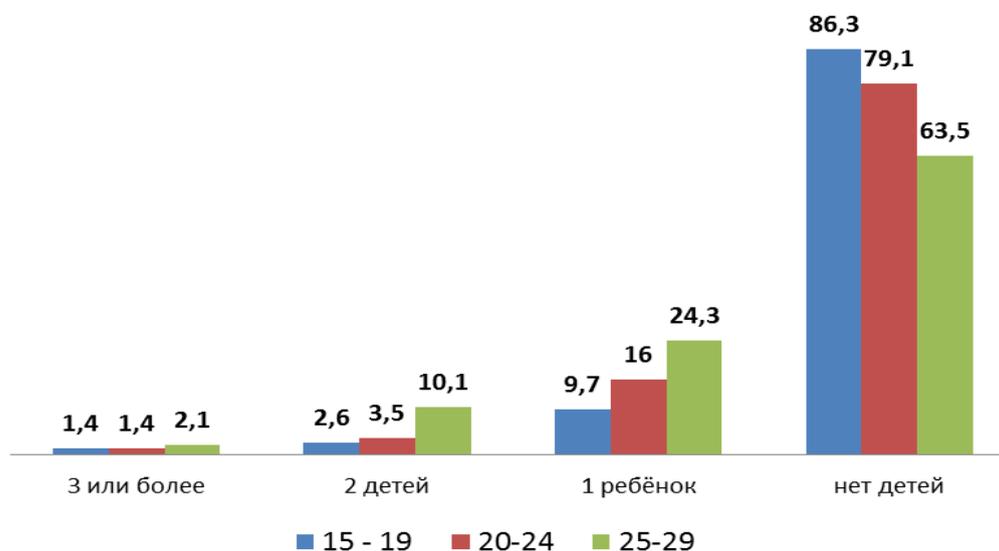

Рисунок 1. Количество детей в семьях молодежи нового рабочего класса (в % от возрастной группы)

Классовая специфика образа будущего

В нашем предыдущем проекте (2015–2016 гг.) объектом исследования было студенчество, то есть представители среднего класса или молодежь, которая по рождению не принадлежала к среднему классу но стремится за счет образования в него перейти [29]. При сравнении результатов эмпирического исследования были зафиксированы существенные различия в восприятии молодежью рабочего и среднего классов способов и методов достижения жизненного успеха, как и самих представлений о нем. Студенческая молодежь уверена в необходимости наличия образа будущего для определения собственной жизненной стратегии. Подавляющее большинство студентов убеждено в том, что о будущем стоит задумываться и планировать его, в то время как рабочая молодежь, наоборот, в массе своей, старается не строить долгосрочных планов, предпочитает «плыть по течению», ориентируясь на сегодняшние обстоятельства (рис. 2).

Вероятно, рабочая молодежь, в отличие от своих сверстников из других социальных слоев, влияние внешних факторов оценивает неизмеримо выше собственных усилий. Например, 8 из 17 респондентов, занятых в сервисных отраслях, и 8 из 15 представителей «традиционного» рабочего класса получили свою работу при помощи родственников, друзей. Возможности карьерного роста они также связывают либо с этим кругом, либо отсылают и к счастливой случайности, приведшей к знакомству с нужными людьми.

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Планируете ли Вы свое ближайшее и отдаленное будущее?» (в % по массиву опрошенной молодежи нового рабочего класса)

Именно поэтому долгосрочное планирование на несколько лет распространено лишь чуть более чем в десятой части поколения молодых рабочих. Собственную позицию молодые рабочие склонны распространять на все свое поколение — 65,4 % рабочей молодежи (против 50 % студенчества) считают, что большинство представителей их поколения не задумываются о будущем (рис. 3).

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с приведенными ниже высказываниями?» (в % по массиву опрошенной молодежи нового рабочего класса)

Жить сегодняшним днем — своеобразная защита рабочей молодежи от рисков, невозможности реализации целей и планов на жизненный успех, страховка на случай жизненных неудач. Информанты биографического интервью продемонстрировали крайне ограниченный временной лаг ожиданий, нечеткость целеполагания и почти полное отсутствие стратегии достижения намеченных целей.

Очевидно, что подобные способы легитимации нормативных установок и практик повседневного действия не имеют ничего общего с адаптивными моделями непрерывного самообразования, трудовой мобильности, связанной с включенностью в различные проекты, гибкости профессиональных навыков и компетенций, декларируемых теоретиками неоменеджеризма в качестве необходимых составляющих жизненного успеха для представителей среднего класса [30]. Негативно оценивая свои жизненные шансы, рабочая молодежь опасается, что сконструированный образ будущего может не состояться, и предпочитает вовсе не строить долгосрочных планов, избегая ощущения фрустрации и жизненной неудачи.

Статистически значимые различия между студенчеством и молодежью нового рабочего класса относятся и к признакам социального оптимизма: его декларируют 64,4 % рабочей молодежи против 75 % студенчества. В оценках своего поколения различия наблюдаются существенные различия по возрастным группам: самая юная часть рабочих — наиболее оптимистичная. Более детальный анализ, однако, демонстрирует уход большинства молодежи (64,2 %) от ответственности за направление их биографии. Важнейший показатель такой позиции — вера в счастливую случайность, способную радикально изменить жизнь, характерна для большинства рабочей молодежи (66,8 % женщин и 61,6 % мужчин). Этот важнейший факт, который демонстрирует однородность жизненной позиции, имеет, скорее всего, классовые корни. Тем не менее данная вера рассеивается довольно быстро — разница между крайними возрастными группами в оценке этой альтернативы составляет более 10 %. Среди тех, кто перешагнул 25-летний рубеж, верящих в судьбоносное событие уже чуть более половины. Также стоит отметить, что сельская молодежь в большей степени склонна к подобным представлениям (71,2 против 62 % городской молодежи).

Наблюдается двойственность оценок — *декларируемые «уверенность» и «оптимизм» у 64,4 % опрошенных сочетается с тревожными мыслями и неуверенностью в завтрашнем дне.* Имеются основания полагать, что именно уверенность в будущем, а не просто тревога с надеждой на лучшее, характерна для меньшей части поколения (примерно 15 % опрошенных можно отнести к этой группе). *Четверть представителей молодежи нового рабочего класса открыто заявляют о том, что чувствуют безысходность своего положения, разочарованы и обмануты в своих ожиданиях* (см. рис. 3).

Выводы

Изучение нормативных паттернов нового поколения рабочей молодежи в темпоральной перспективе выявило сохранение значимости традиционных структур жизненного пути. Турбулентность современного общества, реальные социальные ограничения, новые

факторы и условия рынков труда, образования, профессионального продвижения препятствуют воплощению значимых событий в жизнь, сдвигают возрастные границы реализации жизненных планов. Зафиксированы классовые различия в восприятии молодежью способов достижения жизненного успеха. Для молодежи нового рабочего класса социальный капитал и случайная удача играют наиболее значимую роль, реализация их жизненных стратегий сопровождается постоянными усилиями, направленными на ограничение своих желаний и стремлений ввиду страха разочарования и неудачи.

Размытые представления о собственном будущем, вера в счастливый случай, а не в собственные усилия — признаки отсутствия рационального долгосрочного планирования, то есть того типа жизненной стратегии, который принято называть адаптивной. Образ будущего в данном случае ближе к мечте, нежели к представлениям о желаемом результате собственных усилий. Невозможность или нежелание брать на себя ответственность, отсутствие навыков стратегического планирования не означают отсутствия жизненной стратегии. Однако такая направленность жизненной стратегии в различных сферах всегда связана с приспособлением к окружающей среде, использованием только тех ресурсов, которые она предоставляет сегодня. Наиболее отчетливо артикулирован только семейный проект, однако его реализация зачастую отсрочена. Риторика социального оптимизма, отчасти смягчающая противоречивость восприятия собственных жизненных перспектив, в долгосрочной перспективе не сможет скрыть угрозы обострения классовых конфликтов и роста протестных настроений в среде молодежи нового рабочего класса. Следует подчеркнуть, что данная направленность жизненной стратегии является модальной, но не единственной для молодежи. Перспективы дальнейшего исследовательского поиска мы видим в анализе каждой из жизненных сфер, выявлении различий и приоритетов воплощения жизненного проекта у разных групп молодежи по гендерному, классовому, этническому признаку.

Благодарности

Статья выполнена при поддержке гранта РНФ №17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России».

Библиографический список

- [1] Jackson, P. B. The Structure of the Life Course : Gender and Racioethnic Variations in the Occurrence and Sequencing of Role Transitions / P. B. Jackson, A. Berkowitz. – DOI 10.1016/S1040-2608(04)09003-3. – Текст : непосредственный // *Advances in Life Course Research*. – 2005. – Vol. 9. – P. 55–90.
- [2] Илаева, Р. А. Сущность жизненной стратегии и ее типологии / Р. А. Илаева, Н. Н. Савина. – Текст : электронный // *Современные проблемы науки и образования*. – 2016. – № 6. – URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25635>. – Дата публикации: 29 ноября 2016.

- [3] Global Wealth Databook. Credit Suisse Research institute. – Текст : электронный. – URL: <https://publications.credit suisse.com/?referralUrl=http://publications.credit suisse.com/index.cfm/publikationen-shop/research-institute/global-wealth-databook-2018-en/>.
- [4] Тощенко, Ж. Т. Прекариат. От протокласса к новому классу = Precariat. From protoclass to new class : [монография] / Ж. Т. Тощенко ; [Российская академия наук, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра, Российский государственный гуманитарный университет]. – Москва : Наука, 2018. – 346 с. – Текст : непосредственный.
- [5] Гаврилюк, Т. В. Молодежь нового рабочего класса современной России : коллективная монография / Т. В. Гаврилюк, В. Ю. Бочаров, В. В. Гаврилюк ; под редакцией Т. В. Гаврилюк. – Москва : Флинта, 2019. – 392 с. – Текст : непосредственный.
- [6] Culture, Class, Distinction / T. Bennett, M. Savage, E. Silva [et al.] – London : Routledge, 2009. – 320 p. – Текст : непосредственный.
- [7] Roberts, S. Boys Will Be Boys ... Won't They? Change and Continuities in Contemporary Young Working-class Masculinities / S. Roberts. – DOI 10.1177/0038038512453791. – Текст : непосредственный // *Sociology*. – 2013. – Vol. 47, Issue 4. – P. 671–686.
- [8] Shalev, M. Class Divisions among Women / M. Shalev. – DOI 10.1177/0032329208320570. – Текст : непосредственный // *Politics & Society*. – 2008. – Vol. 36, Issue 3. – P. 421–444.
- [9] Life course dynamics : Trajectories and transitions, 1968–1980 / Edited by G. H. Elder. – Ithaca : Cornell University Press, 1985. – 385 p. – Текст : непосредственный.
- [10] Marini, M. M. The Order of Events in the Transition to Adulthood / M. M. Marini. – DOI 10.2307/2112630. – Текст : непосредственный // *Sociology of Education*. – 1984. – Vol. 57, Issue 2. – P. 63–84.
- [11] Moen, P. Continuities and discontinuities in women's labor force activity / P. Moen. – Текст : непосредственный // *Life course dynamics : Trajectories and transitions, 1968–1980* / Edited by G. H. Elder. – Ithaca : Cornell University Press, 1985. – P. 113–115.
- [12] Moen, P. Effective Work/Life Strategies : Working Couples, Work Conditions, Gender, and Life Quality / P. Moen, Y. Yu. – DOI 10.2307/3097233. – Текст : непосредственный // *Social Problems*. – 2000. – Vol. 47, Issue 3. – P. 291–326.
- [13] Falk, S. Social change, the life course, and socialization: biographies of labor market entrants after unification / S. Falk, A. Weymann. – DOI 10.1016/S1040-2608(02)80044-2. – Текст : непосредственный // *Advances in Life Course Research*. – 2002. – Vol. 7. – P. 501–526.
- [14] Settersten Jr., R. A. Structure, agency and the space between : on the challenges and contradictions of a blended view of the life course / R. A. Settersten Jr., L. Gannon. – DOI 10.1016/S1040-2608(05)10001-X. – Текст : непосредственный // *Advances in Life Course Research*. – 2005. – Vol. 10. – P. 35–55.
- [15] Гаврилюк, Т. В. Интерсекциональность как способ концептуализации гендерного и классового неравенства / Т. В. Гаврилюк, В. Ю. Бочаров. – DOI 10.17323/727-0634-2018-16-3-537-545. – Текст : непосредственный // *Журнал исследований социальной политики*. – 2018. – Т. 16, № 3. – С. 537–545.

- [16] Fussel, E. Race, nativity, and gender differences in the transition to adulthood in the 20th century / E. Fussel, F. F. Furstenberg Jr. – Текст : непосредственный // On the frontier of adulthood : Theory, research, and public policy / Edited by R. A. Settersten, F. F. Furstenberg, R. Rumbault. – Chicago : University of Chicago Press, 2004. – P. 29–75.
- [17] Ogbu, J. U. Differences in Cultural Frame of Reference / J. U. Ogbu. – DOI 10.1177/016502549301600307. – Текст : непосредственный // International Journal of Behavioral Development. – 1993. – Vol. 16, Issue 3. – P. 483–506.
- [18] Growing up as "man of the house" : Adulthood and Transition Into Adulthood for Young Men in Economically Disadvantaged Families / K. Roy, L. Messina, J. Smith, D. Waters. – DOI 10.1002/cad.20054. – Текст : непосредственный // New Directions in Child and Adolescent Development. – 2014. – Vol. 2014, Issue 143. – P. 55–72.
- [19] Growing Up is Harder to do / F. F. Furstenberg, Jr., Sh. Kennedy, V. C. McLoyd [et al.]. – DOI 10.1525/ctx.2004.3.3.33. – Текст : непосредственный // Contexts. – 2004. – Vol. 3, Issue 3. – P. 33–41.
- [20] Green, A. Women in non-profit leadership : Strategies for work-life balance. Doctoral dissertation / A. Green. – Pepperdine University, USA, 2015. – Текст : электронный. – URL: <https://digitalcommons.pepperdine.edu/etd/614/>.
- [21] Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – Москва : Мысль, 1991. – 299 с. – Текст : непосредственный.
- [22] Резник, Ю. М. Жизненные стратегии личности : (опыт комплексного анализа) / Ю. М. Резник, Е. А. Смирнов ; Институт человека РАН, Независимый институт гражданского общества. – Москва : Независимый институт гражданского общества, 2002. – 259 с. – Текст : непосредственный.
- [23] Гатауллина, Л. Н. Социально-экономические условия формирования жизненных стратегий сельской молодежи : на материалах Республики Татарстан : специальность 22.00.03 «Экономическая социология и демография» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Гатауллина Лейсан Наилевна ; Казанский финансово-экономический институт. – Казань, 2007. – 24 с. – Место защиты : Казанский финансово-экономический институт. – Текст : непосредственный.
- [24] Рубцова, Е. П. Жизненные стратегии учащейся молодежи малого провинциального города Юга России : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Рубцова Елена Павловна. – Ростов-на-Дону, 2010. – 22 с. – Место защиты : Южный федеральный университет. – Текст : непосредственный.
- [25] Леонов, Ю. С. Жизненные стратегии молодых людей : массовые стереотипы и потребности их коррекции / Ю. С. Леонов. – Текст : непосредственный // Молодежная политика : зарубежный и отечественный опыт : аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2007. – № 4 (321). – С. 31–42.

- [26] Сорокина, Н. Д. Перемены в образовании и динамика жизненных стратегий студентов / Н. Д. Сорокина. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2003. – № 10 (234). – С. 55–61.
- [27] Волкова, Н. В. Типология карьерных стратегий молодых экономистов / Н. В. Волкова. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2006. – № 1 (261). – С. 142–147.
- [28] Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер ; пер. с англ. И. Борисовой. – Москва : Издательский Дом Высшей школы экономики, 2012. – 406 с. – (Социальная теория). – Текст : непосредственный.
- [29] Образ будущего в оценках нового поколения россиян : коллективная монография / Под редакцией В. В. Гаврилюк ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Тюменский индустриальный университет. – Тюмень : ТИУ, 2016. – 165 с. – Текст : непосредственный.
- [30] Болтански, Л. Новый дух капитализма / Л. Болтански, Э. Кьяпелло ; пер. с фр., под общ. ред. С. Фокина. – Москва : Новое литературное обозрение, 2011. – 974 с. – Текст : непосредственный.

References

- [1] Jackson, P. B., & Berkowitz, A. (2005). The Structure of the Life Course: Gender and Racioethnic Variations in the Occurrence and Sequencing of Role Transitions. *Advances in Life Course Research*, (9), pp. 55-90. (In English). DOI: 10.1016/S1040-2608(04)09003-3
- [2] Иаева, Р. А., & Савина, Н. Н. (2016). The matter of life strategy and the classification of its types. *Modern Problems of Science and Education*, (6). (In Russian). Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25635>
- [3] Global Wealth Databook (2018). Credit Suisse Research institute. Available at: <https://publications.creditsuisse.com/?referralUrl=http://publications.creditsuisse.com/index.cfm/publikationen-shop/research-institute/global-wealth-databook-2018-en/> (In English).
- [4] Toshchenko, Zh. T. (2018). *Precariat. From protoclass to new class*. Moscow, Nauka Publ., 346 p. (In Russian).
- [5] Gavriiliuk, T. V., Bocharov, V. Yu., & Gavriiliuk, V. V. (2019). *Molodezh' novogo rabocheho klassa sovremennoy Rossii: kollektivnaya monografiya*. Moscow, Flinta Publ., 392 p. (In Russian).
- [6] Bennett, T., Savage, M., Silva, E., Warde, A., Gayo-Cal, M., & Wright, D. (2009). *Culture, Class, Distinction*. London, Routledge. 320 p. (In English).
- [7] Roberts, S. (2013). Boys Will Be Boys ... Won't They? Change and Continuities in Contemporary Young Working-class Masculinities. *Sociology*, 47(4), pp. 671-686. (In English). DOI: 10.1177/0038038512453791
- [8] Shalev, M. (2008). Class Divisions among Women. *Politics & Society*, 36(3), pp. 421-444. (In English). DOI: 10.1177/0032329208320570

- [9] Elder, G. H. (Ed.) (1985). *Life course dynamics: Trajectories and transitions, 1968-1980*. Ithaca, Cornell University Press, 385 p. (In English).
- [10] Marini, M. M. (1984). The Order of Events in the Transition to Adulthood *Sociology of Education*, 57(2), pp. 63-84. (In English). DOI: 10.2307/2112630
- [11] Moen, P. (1985). Continuities and discontinuities in women's labor force activity. *Life course dynamics: Trajectories and transitions, 1968-1980*. Ithaca, Cornell University Press, pp. 113-115. (In English).
- [12] Moen, P., & Yu, Y. (2000). Effective Work/Life Strategies : Working Couples, Work Conditions, Gender, and Life Quality. *Social Problems*, 47(3), pp. 291-326. (In English). DOI: 10.2307/3097233
- [13] Falk, S., & Weymann, A. (2002). Social change, the life course, and socialization: biographies of labor market entrants after unification. *Advances in Life Course Research*, 7, pp. 501-526. (In English). DOI: 10.1016/S1040-2608(02)80044-2
- [14] Settersten Jr, R. A., & Gannon, L. (2005). Structure, agency and the space between: on the challenges and contradictions of a blended view of the life course. *Advances in Life Course Research*, 10, pp. 35-55. (In English). DOI: 10.1016/S1040-2608(05)10001-X
- [15] Gavrilyuk, T. V. & Bocharov, V. Yu. (2018). Intersectionality as a Way of Conceptualizing Gender and Class Inequality. *The journal of social policy studies*, 16(3), pp. 537-545. (In Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-3-537-545
- [16] Fussel, E., & Furstenberg Jr., F. F. (2004). Race, nativity, and gender differences in the transition to adulthood in the 20th century. *On the frontier of adulthood: Theory, research, and public policy*. Chicago, University of Chicago Press, pp. 29-75. (In English).
- [17] Ogbu, J. U (1993). Differences in Cultural Frame of Reference. *International Journal of Behavioral Development*, 16(3), pp. 483-506. (In English). DOI: 10.1177/016502549301600307
- [18] Roy, K., Messina, L., Smith, J., & Waters, D. (2014). Growing up as "man of the house" : Adulthood and Transition Into Adulthood for Young Men in Economically Disadvantaged Families. *New Directions in Child and Adolescent Development*, 2014(143), pp. 55-72. (In English).
- [19] Furstenberg Jr., F. F., Kennedy, S., McLoyd, V. C., Rumbaut, R. G., & Settersten Jr., R. A. (2004). Growing Up is Harder to do. *Contexts*, 3(3), pp. 33-41. (In English). DOI: 10.1525/ctx.2004.3.3.33
- [20] Green, A. (2015) *Women in non-profit leadership : Strategies for work-life balance*. Doctoral dissertation. Pepperdine University, USA. (In English).
- [21] Abulkhanova-Slavskaya, K. A. (1991). *Strategiya zhizni*. Moscow, Mysl' Publ., 299 p. (In Russian).
- [22] Reznik, Yu. M., & Smirnov, E. A. (2002). Personal life strategies (experience of complex analysis). Moscow, Nezavisimyy institut grazhdanskogo obshchestva Publ., 259 p. (In Russian).
- [23] Gataullina, L. N. (2007). *Social'no-ekonomicheskie usloviya formirovaniya zhiznennykh strategij sel'skoj molodezhi: na materialah Respubliki Tatarstan*. Avtoref. diss. ... kand. social. nauk. – Kazan, 24 p. (In Russian).

- [24] Rubtsova, E. P. (2010). Zhiznennye strategii uchashcheysya molodezhi malogo provint-sial'nogo goroda Yuga Rossii. Avtoref. diss. ... kand. social. nauk. Rostov-on-Don, 22 p. (In Russian).
- [25] Leonov, Yu. S. (2007). Zhiznennye strategii molodykh lyudey: massovye stereotipy i potrebnosti ikh korrektsii. Youth policy: foreign and domestic experience. Analytical bul-letin of The Federation Council of the Russian Federation Federal Assembly, (4(321)), pp. 31-42. (In Russian).
- [26] Sorokina, N. D. (2003). Changes education and students' life strategies dynamics. Sociological Studies, (10(234)), pp. 55-61. (In Russian).
- [27] Volkova, N. V. (2006). Tipologiya kar'ernykh strategiy molodykh ekonomistov. Sociological Studies, (1(261)), pp. 142-147. (In Russian).
- [28] Brubaker, R. (2004). Ethnicity without groups. Cambridge, Harvard University Press.
- [29] Gavriiliuk, V. V. (Ed.) (2016). Obraz budushchego v otsenkakh novogo pokoleniya rossi-yan: kollektivnaya monografiya. Tyumen, Industrial University of Tyumen Publ., 165 p. (In Russian).
- [30] Boltanski, L. (1999). Le nouvel esprit du capitalism. Paris: Éditions Gallimard. (In French).

Получена / Submitted: 18/01/2021

Доработана / Revised: 04/02/2021

Принята к публикации / Accepted: 07/02/2021

УДК 304.4

Проблематика методологического дуализма в теориях местного самоуправления: отечественные реалии

Игорь Николаевич Иваненко

Кафедра административного и финансового права, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия

Аннотация. В статье рассматривается динамика методологического дуализма, сложившегося в рамках теоретического осмысления феномена местного самоуправления, определяются его перспективы в условиях российских реалий. Анализ теоретических концепций XIX–XXI вв. осуществляется при учете социально-исторического контекста, совокупности факторов, присущих отечественной специфике. Сформулирован вывод о том, что корни методологического дуализма заключаются в философии Просвещения, а точнее в определенных аспектах либеральной парадигмы. Разграничительная линия между государственниками и общественниками проходит через вопрос о статусе управленческих структур на местах, из определения которого выстраивается та или иная логика взаимоотношений с государственной властью. На протяжении полутора столетий теория местного самоуправления развивалась под знаком методологического дуализма, который в настоящий момент для России приобретает еще более непримиримый характер, что может объясняться различием как методологических посылов, так и оценочных позиций по поводу ситуации, сложившейся в политико-административной сфере. В то же время противоположный характер подходов «государственников» и общественников не отменяет их методологической адекватности применительно к различным фрагментам российской реальности.

Ключевые слова: государственная теория местного самоуправления, общественная теория местного самоуправления, этапы политической истории, российская политико-административная специфика.

Problems of Methodological Dualism in Local Government Theories: Domestic Realities

Igor N. Ivanenko

Department of Administrative and Financial Law, Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia

Abstract. The article examines the dynamics of methodological dualism that has developed within the framework of theoretical understanding of the phenomenon of local self-government, and defines its prospects in the context of Russian realities. An analysis of theoretical concepts of the XIX–XXI centuries is carried out considering the socio-historical context, a set of factors inherent in the national

specifics. It is concluded that the roots of methodological dualism in the philosophy of the Enlightenment, or rather in certain aspects of the liberal paradigm. The dividing line between statesmen and public figures runs through the question of the status of local management structures, which determines the logic of relations with the state authorities. For a century and a half, the theory of local self-government has developed under the sign of methodological dualism, which is currently becoming even more irreconcilable for Russia, which can be explained by the difference in both methodological messages and evaluative positions about the situation in the political and administrative sphere. At the same time, the opposite nature of the approaches of statesmen and social activists does not negate their methodological adequacy in relation to various fragments of Russian reality.

Keywords: state theory of local self-government, public theory of local self-government, stages of political history, Russian political and administrative specifics.

Введение

Феномен местного самоуправления носит весьма неоднозначный смысл, будучи взятым в социально-философском рассмотрении, а именно в единстве экономических, социально-политических, социокультурных и даже политико-культурных аспектов. В местном самоуправлении справедливо видится старейший институт демократии, одна из устойчивых и распространенных форм осуществления народовластия, нечто вроде «связующего звена между договорным саморегулированием и самоорганизацией общества и государственным властно-принудительным регулированием общественных отношений» [1]. Закономерно, что феномен местного самоуправления носит также идеологический смысл, вписываясь в рамки продолжающегося уже несколько десятилетий международного демократического транзита. На это указывает документ международного права — Европейская Хартия местного самоуправления, содержание которого весьма расплывчато, неявно указывает на региональные и национальные особенности. Не принимать в расчет «почвенный» фактор вряд ли оправданно, учитывая, что речь идет о формирующихся «снизу» управленческих институтах.

В то же время формирование институтов самоуправления само по себе неизбежно. По словам В. В. Иванова, и самые «централизованные и “тотальные” государства вынуждены допускать и даже культивировать, хотя бы в минимальных пределах, территориальное, корпоративное самоуправление» [2]. Но каков его статус и полномочия? С. Витте в свое время высказался достаточно определенно: «Система местного управления должна быть однородна с общим политическим строем государства» [3]. Однако почти на столетие раньше А. де Токвиль в своем труде «Демократия в Америке» восхищался самодостаточностью местных общин, наличием у них реальной политической субъектности и автономии от центральной власти, выражающихся в совершенно особых принципах и механизмах внутреннего управления. Эти две позиции образуют некое дуалистическое видение феномена местного самоуправления, которое можно по Г. Гегелю характеризовать не только в связке тезис — антитезис, но и через категорию синтеза. В рамках общественного и научного дискурса по-прежнему остро стоит вопрос о статусе местного самоуправления, о характере взаимодействия государственных

и местных управленческих структур. Столкновению теоретических позиций весьма способствует противоречивость практики функционирования институтов местного самоуправления, что особенно касается отечественных реалий. Если посмотреть на итоги реализации Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации», то многие его положения так и остались на уровне декларации, как, например, придание реальной самостоятельности местным структурам власти [4].

Цель данной статьи — рассмотреть динамику методологического дуализма, сложившегося в рамках теоретического осмысления феномена местного самоуправления, определить его перспективы в условиях российских реалий.

Задачи:

- рассмотреть генезис государственной и общественной теорий местного самоуправления, уточнить круг источников этого генезиса;
- проследить развитие государственной и общественной теорий местного самоуправления в контексте политико-исторических этапов: Российской империи, советского и постсоветского периодов;
- определить перспективы методологического дуализма в контексте современной динамики российского социума.

Материалы и методы

Проблематика анализа особенностей формирования управленческих структур «на местах» относится к сфере внимания социологии, политологии, истории, культурологии, а также государственно-правоведческих дисциплин. Стыковой, междисциплинарный характер определяется сложностью упомянутых процессов, что в свою очередь, предполагает многозначное воздействие целого ряда источников в течение XIX — начала XXI вв. С нашей точки зрения, их можно сгруппировать следующим образом.

Во-первых, *универсальные факторы*, под которыми имеются в виду масштабные тренды, задающие определенную стратегическую модель социально-политическим процессам внешнего и внутреннего характера. На протяжении XIX века все еще сохраняла мощное влияние парадигма Просвещения, которая в XX веке стала источником различного рода либеральных мифологем, используемых в глобальной политической практике. По мысли Р. Ф. Туровского, демократический идеализм и теория общественного договора породили распространенную аксиологию, «когда местное самоуправление искусственно противопоставляется государству и особенно бюрократии, их опеке, контролю, надзору» [5].

Во-вторых, *исторические факторы*. Содержательная трактовка местного самоуправления не может не изменяться под влиянием течения политического процесса, имеющего диалектический характер. Так, развитие государственных структур наряду с усложнением общественных отношений затем зачастую сменяется вынужденной уступкой некоторых функций в пользу общественных организаций, давая толчок новым концептуальным подходам. При этом процессы политогенеза при определенных общих чертах имеют все же и национальные особенности, обусловленные географиче-

скими, культурно-цивилизационными, а также историческими обстоятельствами. Отсюда следует третья группа — *локализационные факторы*, которые исходят из специфики внутривластной ситуации, стадии развития административных структур, государственных и общественных ориентиров и т. п. Неслучайно заложенная А. И. Васильчиковым традиция классификации управленческих моделей именно по национальным признакам сохраняется и в настоящее время.

Наконец, *психолого-идеологические факторы*, которые во многом определяли субъективизм предпочтений определенного мыслителя, как, например, уклон в либеральные, консервативные, а то и радикальные принципы мышления; духовная идентификация с западниками, славянофилами, народниками и т. п.; наконец, классовые аспекты сознания. Последние в некоторых случаях играли решающую роль, как в случае с концепцией «муниципального социализма».

Характеризуя точку зрения того или иного исследователя, мы, соответственно, должны принимать во внимание обусловленность выдвигаемых идей социально-историческим контекстом. Между тем, учет универсальной составляющей процессов политогенеза, играющих не последнюю роль в концептуализации феномена местного самоуправления, мы осуществляем с опорой на работы Л. Е. Гринина [6]. В то же время наше обращение к идеям западных исследователей особенно на этапах утверждения теории местного самоуправления объясняется тем, что мы исходим из факта создания политико-административных структур российской империи во многом по западным образцам (реформы Петра I), и дальнейшая внутренняя политика развивалась при значительной оглядке на опыт Европы.

Уместно заметить неоднозначность определения степени участия универсального и специфического в национальных процессах политогенеза. Как бы то ни было, но следует кратко обозначить наше видение присущих России обстоятельств, наложивших существенный отпечаток на теоретический феномен местного самоуправления. Во-первых, география — обширная территория, на которой происходили генезис и развитие отечественного социума; во-вторых, промежуточное положение между цивилизациями Востока и Запада, что предполагало возможность внешней угрозы с обеих сторон, причем не исключено, что в одновременном варианте. Эти обстоятельства во многом предопределили военно-служивый характер российского государства и в целом жесткую вертикаль политической системы, предполагающей значительное количество служащих, что впоследствии выросло в проблему бюрократизации. По мысли В. И. Спиридоновой, бюрократия — это «специфическая матрица российской власти» [7].

Исходя из этих посылок, мы намерены анализировать разработки теоретического феномена местного самоуправления.

Результаты и обсуждение

Проблема местного самоуправления на научном теоретическом уровне обозначилась лишь в XIX веке, хотя в практической плоскости заявила о себе гораздо раньше. Изначально ключевой вопрос заключался в том, чтобы определить позиции местного самоуправления в рамках национально-государственных систем. Фактически сразу же

обозначились два методологических ракурса, если в первом случае на первый план была выдвинута именно государственная субъектность, что встраивало местное самоуправление в административную систему, то во втором случае приоритет был отдан управленческим инициативам, идущим «снизу», что предполагало расширенную автономию от вышестоящих структур. Оба подхода по-своему отталкивались от господствующей тогда либеральной парадигмы, с которой, как известно, ассоциировался социальный прогресс.

Государственная концепция самоуправления, представленная в отечественной мысли работами В. П. Безобразова, Б. Н. Чичерина, А. Д. Градовского и др., развивалась во многом с оглядкой на теоретические разработки немецких правоведов Г. Еллинека, Р. Гнейста, Л. Штейна. То, что подобное видение привлекало сторонников либеральной идеи, выступающей в своем классическом варианте за ограничение государственного абсолютизма, не является парадоксальным. Либерализм XIX века, будучи идеологическим обоснованием стремительно развивающегося капитализма, поднимал на щит идею национального буржуазного государства, так как объективно был заинтересован в нем куда сильнее, чем в настоящее время. Кроме того, надо напомнить, что либеральное мировоззрение всегда отличалось сильной юридической составляющей, а именно правовой уклон присущ разработчикам государственного подхода к местному самоуправлению [8].

По сути дела в рамках данного видения осуществлялся поиск оптимального административно-правового статуса местного самоуправления в рамках существующей политической системы. Управленческие институты на местах виделись компонентой государственного администрирования, которое реализовывалось местными жителями, видящими местную проблематику «изнутри», а не правительственными чиновниками. Г. Еллинек утверждал, что местное самоуправление есть государственное управление, а не промежуточное звено между государством и обществом. В то же время сторонники государственного подхода могли серьезно расходиться в определении социальной природы местной власти. Например, Р. Гнейст считал по аналогии с английским опытом, что оптимальность и эффективность управления на местах будут обеспечиваться авторитетными людьми из местного населения — фактически тамошней элитой. При этом осуществлять управленческие функции они будут на безвозмездной основе, тогда как государственный чиновник служит далеким от него интересам больше ввиду своих экономических потребностей.

Другой немецкий исследователь Л. Штейн видел специфику местного самоуправления несколько в ином ракурсе. По его мнению, самоуправляющиеся территориальные сообщества имеет смысл наделить статусом особых правовых субъектов, вступающих в юридические отношения непосредственно с государством на почве осуществления определенных управленческих задач [9]. Именно здесь заключается специфика местного самоуправления, отличающая его от обычных структур, действующих от имени государства и не имеющих собственных интересов.

Таким образом, в рамках государственной теории местное самоуправление есть особый компонент официальной государственной администрации, эффективная реализация которого осуществляется не правительственными чиновниками, но, как

правило, местными выходцами, хорошо осведомленными о здешних особенностях и, соответственно, заинтересованными в результатах. Однако рамки полномочий местных властей определяются государством, а структуры самоуправления — не что иное, как звенья той же цепи государственного управления. Просто масштабы задач, стоящие перед общенациональным и местным уровнями, делают институты последнего объективно приземленнее. Им приходится работать не только в направлении осуществления задач, спущенных сверху, но и выражать интересы жителей подведомственной им территории.

Отечественные сторонники государственной теории стремились совместить подобные тезисы с российской спецификой. Так, А. Д. Градовский, придавая в своих работах понятию «самоуправление» политический смысл, исходил из примата субъектности самодержавия, с которым связывались все возможные перемены и реформы в России [10]. Отсюда утверждалась конструктивность преобразований, инициированных исключительно «сверху». Местное самоуправление видится А. Д. Градовскому естественным продолжением процесса раскрепощения сословий, запущенного Екатериной II.

Идею представительства А. Д. Градовский трактует в духе защиты самой власти. Если представители всех слоев и групп войдут в правительственные сферы, то это минимизирует вероятность общественных волнений. Однако необходимо, чтобы все организованные в местные учреждения общественные элементы поступили под обязательный контроль правительства. Будучи либералом, А. Д. Градовский стремится отталкиваться от постулата о личной свободе и индивидуализме. С его точки зрения, это можно реализовать в ходе непосредственной работы граждан в государственной власти, что обеспечивает их свободу, одновременно уничтожая возможность местного деспотизма.

А. Д. Градовский решительно отвергает присущее сторонникам общественного подхода обоснование местного самоуправления наличием местных интересов, отличающихся от государственных. Государство, транслируя собственную политику на всю территорию страны, неизбежно примешивает ее к очень многим «местным пользам и нуждам», а сугубо местные дела выделить тяжело. Несмотря на то, что ученый ратует за участие всех слоев общества в управлении, в том числе и на местах, им все же подчеркивается необходимость делать здесь ставку на решающую роль лидирующего класса, что обеспечит целостность политической системы [11].

По мысли В. П. Безобразова, самоуправленческие и бюрократические структуры есть различные формы одной и той же власти государства. Критикуя положения земской реформы 1864 г., этот мыслитель констатировал слабость земских институтов, которые, будучи выведенными за рамки системы государственного управления, не наделяются никакими реальными правительственными правами и полномочиями. А вот другой представитель дореволюционного либерализма Б. Н. Чичерин был настроен к земствам благосклоннее, интерпретируя их в качестве государственного помощника. По сути, земство выступает юридическим лицом, учреждаемым государством с целью удовлетворения общих задач и потребностей. Если земское учреждение малоэффективно, ему на помощь приходят государственные структуры, обладающие

большими возможностями, и восполняют пробелы, «не забирая дела в свои руки». Данный процесс толкуется не как замена, а как завершение и усовершенствование общественной инициативы [12].

В целом можно утверждать, что российские сторонники государственного подхода видели залог национальной политической устойчивости в примате государства над обществом, выступая охранителями существующего государственного строя.

По-иному смотрели на проблематику местного самоуправления приверженцы *общественной теории*, утверждая, что местные интересы слишком специфичны, чтобы решать их исключительно в рамках государственной политики, не лишенной тенденций стандартизации и универсализации. Представители этого направления обычно находились на идейных позициях славянофильства, весьма критично относясь к реформам Петра I, результатом которых, как известно, стало образование абсолютистского государственного аппарата. В то же время подобный подход также по-своему отталкивался от либерального видения, делая акцент на свободном самовыражении местных сообществ, которому закономерно препятствуют чиновничьи структуры. В некотором роде здесь можно наблюдать синтез либеральных и консервативных идей в духе Э. Берка, который высказывался о необходимости сохранения спонтанно образующихся органических групп [13]. Известным «коньком» славянофилов было предложение раскрепостить народ, ослабив пресс государственного бюрократического контроля, чтобы дать в полной мере проявиться потенциалу, скрытому в отечественной народной традиции. И здесь имеет смысл сделать ставку на крестьянскую общину — старую форму народной социальной организации.

Видные представители общественной теории — профессор Московского университета, славянофил В. Н. Лешков, а также князь А. И. Васильчиков, который являлся не только теоретиком, но и практикующим землевладельцем, непосредственно контактирующим с крестьянским населением. Работа А. И. Васильчикова «О самоуправлении» по сути содержит методологическую базу общественного подхода. Оба мыслителя видели в российском государстве реализацию западнического и в целом чуждого России принципа бюрократического абсолютизма, некоторым противовесом которому должны стать более или менее независимые институты местного самоуправления. Ведь принцип набора государственных служащих отличается от механизмов формирования низовых управленческих структур: если первые зависят от волюнтаризма начальства, то вторые набираются из местных жителей, мало подчиненных центральному господству.

Широко пользуясь историческими фактами, а также прибегая к сравнительному анализу, А. И. Васильчиков указывает на усиливающийся по ходу истории социально-экономический дисбаланс между городом и деревней. Жителям города достаются все удобства современного прогресса, тогда как селяне не только «несут все тягости и повинности этого прогресса», но и не имеют по большей части возможности пользоваться этими благами, «на устройство и содержание коих их заставляют платить и работать». Это обстоятельство ведет к углубляющемуся культурному расколу — цивилизованные городские сословия наказывают сельских жителей «горьким

презрением, печатью отвержения». Подобное неравенство менее болезненно там, где горожане и селяне количественно сопоставимы. Однако в России на тот момент (1850–1870 гг.) жители аграрного социума составляли подавляющее большинство (9/10), в отличие от той же Европы, куда дальше продвинувшейся в индустриализации и урбанизации. Помимо объективных отличий, имеются и существенные ментальные расхождения. В силу этого, сопоставляя институты самоуправления европейских стран и России, А. И. Васильчиков приходит к выводу, что даже успешные европейские системы управления малопригодны к российским условиям.

В отечественной культурно-исторической традиции общественники усматривали духовную связь народа с землей, примат над личностью поземельного начала, что толковалось ими как главное явление русской жизни, имеющее «роковое влияние» на ее развитие. В принципе земельного уравнивания виделся своего рода национальный архетип, а право на землю в России рассматривается как естественное право человека. «Понятие о равенстве лиц столь же чуждо русскому быту, сколько сродно ему понятие об уравнивании земельных наделов и земских тягостей».

Земские учреждения и есть главная форма местного самоуправления, а собственно земская единица предполагает сочетание различных вариантов русской общины (сельской, уездной, городской), представляя основанный на единстве интересов союз. Феномен общины составляет суть отечественной уникальности, и, помимо государственного права, здесь реально наличествует еще и право общественное. Сравнивая отечественный и зарубежные формы общинных институтов, А. Васильчиков отмечает, что обширность территории и удаленность от центров государственной власти делает положение российской общины более твердым и определенным и вместе с тем менее зависимым. Сеть крестьянских обществ раскинута так широко, что «едва ли центральная администрация, как бы она ни была сильно вооружена, может привести их к такому стройному и покорному движению». Между тем во Франции центральная администрация уверенно организует общинные формы (*communes*) в качестве низовой территориальной единицы.

С другой стороны, необходимость земской автономии усматривалась еще и в том, что в ходе государственной централизации местные внутренние проблемы закономерно отодвигаются на второй, а то и на третий план. А. И. Васильчиков аргументирует это фактом расположения институтов социальной сферы (школ, лечебных учреждений) в городах, куда селяне вынуждены с огромным трудом добираться. Назначение низовых структур управления в лице образованных к тому времени земств как раз и заключается в обсуждении социальных вопросов, которые обычно недооцениваются на высшем уровне.

Сторонники общественного подхода не отрицали множество негативных сторон общины, как и признавали роль государства в решении, прежде всего, экономических проблем местного населения. Тем не менее ими настоятельно подчеркивалось, что без опоры на общину в отечественных условиях вряд ли может состояться формирование эффективной управленческой структуры на местах. Община за счет внутренних контролирующих функций обеспечивает землепользование и несение повинностей. Отсюда «другой формы, другого органа для внутреннего общественного управления

Русской земли в данный момент нет и найти, выдумать и устроить нет никакой возможности» [14].

Общественная теория самоуправления, развиваемая не только в России, но и за рубежом (Д. Арене, А. Гербер), жестко критиковалась «государственниками» за стремление приписать структурам местной власти, интерпретируемой в качестве важного элемента гражданского общества, максимальную независимость от власти государства. По мысли Б. Н. Чичерина, община представляет собой сугубо «частный союз, который становится самостоятельным единственно вследствие отсутствия в обществе государственных начал» [12]. По итогу реформ 1860-х гг. в качестве основного института местного управления выдвинулись земства, формально вынесенные за структуру государственной власти, что критически оценивали упомянутые В. П. Безобразов и А. Д. Градовский.

Основной упор в критике был сделан на необоснованности утверждения полной обособленности низовых структур местного самоуправления от центральной власти. Указывалось, что множество общественных проблем (забота о малоимущих, охрана порядка и т. д.) выполняется органами самоуправления по государственному поручению, в то время как сама центральная власть не только осуществляет контроль за местными органами, но и в чем-то их подстраховывает. Некоторая справедливость данных критических замечаний не отменяет возможности методологического синтеза обоих этих подходов, что позволяет рассмотреть некоторые важные моменты.

С одной стороны, стадия развития государства действительно обуславливает сложность и неоднозначность попыток оградить интересы местного самоуправления от воздействия высшей административной власти, ориентирующейся на общественные потребности в целом. Тем самым объективным самодовлеющим фактором здесь является стадия политогенеза. С другой стороны, сами же «государственники» выступали за обязательный учет национальных особенностей, что было методологически углублено общественниками. «Государственники» в большей степени делали акцент на политической культуре, подчеркивая ее самодержавно-абсолютистский характер. Однако только этим национальная специфика отнюдь не ограничивается. В работах А. И. Васильчикова справедливо указывается на значимость природно-географических обстоятельств, уровня развития экономики, традиционных социальных структур, сложившихся снизу, наконец, ментальной составляющей.

Оба названных подхода выступали в качестве главных парадигм научного дискурса по проблематике местного самоуправления, не столько оппонируя, сколько дополняя друг друга. Тем самым становится очевиден методологический дуализм с момента первых серьезных попыток теоретического осмысления местного самоуправления в контексте национальной политической системы. Упомянутый дуализм находил отпечаток даже на разработках таких твердых «государственников», как Г. Еллинек и Б. Н. Чичерин, которые определяли местное самоуправление структурным элементом государства, одновременно признавая, что последнему целесообразно признать неприкосновенность и независимость местных институтов, уступив им ряд собственных прав.

В некоторой степени преодолеть подобный дуализм стремился на рубеже XIX–XX вв. Н. И. Лазаревский, представляя институты местной власти как «децентрализованное местное управление». Власть на местах интерпретировалась им как особая форма государственной власти, являющаяся следствием ее децентрализации. При этом «государство в рамках решения местных проблем нередко действует, не показывая своей активности, не проявляя собственной власти, а именно: при удовлетворении тех или иных потребностей — устройство музеев, учебных заведений, постройку мостов, путей сообщения» [15].

Еще больший реверанс в сторону общественного подхода делает ученый первой половины XX века Л. А. Велихов. Полностью отделяя от государства местное самоуправление, он тем не менее подчеркивал у второго отсутствие суверенитета. Местные управленческие органы есть самостоятельный уровень реализации принадлежащей народу власти, однако суверенна только государственная власть, тогда как муниципальная — подзаконна. Согласно Л. А. Велихову, дополнительными характеристиками местной власти являются следующие: 1) выборность органов, 2) ограниченность территории, 3) самостоятельные финансовые источники [16].

Начиная с последних десятилетий XIX века проблематика местного самоуправления активно осмыслялась в рамках политико-идеологического дискурса, видимо, в силу обострения политической борьбы. Свой особенный взгляд складывается у представителей течений, настроенных оппозиционно к существующему социально-политическому строю. Таковой следует считать концепцию муниципального социализма, авторство которой приписывается австрийскому теоретику К. Реннеру. «Конек» этого подхода заключается в попытках максимальной демократизации местных общественных отношений, формировании своего рода оазисов социализма внутри капиталистического социума, что стратегически приведет к «левому» преобразованию капитализма, его постепенному «врастанию» в социализм. С этой целью выдвигалась первоначальная задача наделения сельских и городских общин правами более широкой автономии. Затем предполагалось увеличение в институтах самоуправления представительства местного населения. Далее следовала передача местных хозяйственных объектов в муниципальную собственность. Похожие идеи высказывались у теоретиков российских меньшевиков. В своих работах и программных документах лидеры меньшевистского крыла российской социал-демократической партии (Г. В. Плеханов) призывали сделать ставку на развитие местного самоуправления, которое может серьезно продвинуть демократизацию и стать хорошим оплотом против реакции.

Этому подходу решительно оппонировали большевистские идеологи. Развитие местного самоуправления в условиях не свергнутого самодержавия означает не что иное, как раздробление возможного революционного класса по местническому принципу. «Именно опыт двух лет русской революции показал с очевидностью, что как раз местная и областная раздробленность крестьянского движения (солдатское движение есть часть крестьянского) всего более были причиной поражения», — писал В. И. Ленин после революции 1905–1907 гг. [17]. Осуществление действительно демократического местного самоуправления возможно только при завоевании

революционными классами политической власти. В том случае, если «центральная власть не будет вполне демократической, тогда местные власти смогут оставаться лишь в мелочах “автономными”, лишь в вопросе о лужении умывальников самостоятельными» [18].

В рамках большевистского проекта основной ячейкой местного самоуправления виделись Советы, вписывающиеся в концепцию демократического централизма. Советы виделись демократическим институтом народной самоорганизации, тогда как партия представляла собой вертикальную структуру с жесткой дисциплиной. Взаимодействие партии и Советов осуществлялось на основе принципа «руководит, но не подменяет». Реализация демократической составляющей советских институтов заключалась в выборности населением депутатов Советов, выборности уже Советами исполнительных комитетов и т. д. В плане централизма подразумевались подчиненность нижестоящих органов вышестоящим, а также руководящая и контролирующая роль со стороны последних.

В работах советских авторов был сделан упор на принцип двойного подчинения, что подразумевало, горизонтальную субординацию с одной стороны, как например, подчинение исполнительного комитета Совету, а также вертикальную субординацию с другой (подчинение райисполкома облисполкому). По мнению А. И. Лепешкина, которое несомненно отражало позицию официальной доктрины, широко применяемый за рубежом принцип разделения властей «противоречит самой природе государственной власти рабочего класса и всех руководимых им трудящихся» [19], маскируя произвол исполнительных институтов. Между тем реализуемый в управленческой структуре СССР принцип двойной подчиненности хотя и виделся механизмом, противостоящим бюрократизации, на практике вел в целом к противоположным результатам, неуклонно ограничивая автономию органов на местах. Как представляется, объективные условия, такие как частые мобилизационные усилия, инициируемые государством, плюс сложившаяся традиция в сфере политического управления не позволяли особенно развернуться местной самостоятельности.

Несмотря на попытку придать забвению дореволюционные теоретические разработки местного самоуправления, которые объявлялись вредными (а в 1930-е гг. был репрессирован видный ученый-муниципалист Л. А. Велихов), советский опыт не преодолел проблематики царской России. Государственная вертикаль все так же довлела над местным самоуправлением, всячески ограничивая его и не выпуская из-под жесткого контроля. Правда, теперь этому придавалась несколько иная, окрашенная в идеологические тона концептуализация.

Существенные социальные сдвиги XX века, не могли не внести вклад в теоретические осмысления местного самоуправления. Модернизация экономических, политических, технологических сфер актуализировала глобальный контекст. Неизбежно приходится принимать во внимание факт усиления старых трендов (либерализация), а также появление новых (мировые коммуникации). С нашей точки зрения, проблематика местной власти так или иначе оказывалась под влиянием следующих обстоятельств.

С одной стороны, развитие глобальных процессов стимулировало пересмотр роли национального государства вплоть до постановки вопросов о десоверенизации (Дж. Розенау, А. Аппадурай) [20]. Одновременно актуализировалась проблематика усиления местных сообществ, артикуляции их интересов и собственной идентичности [21]. С другой стороны, индустриальное развитие сопровождалось урбанизацией, увеличением числа городских агломераций, что усиливало различия между городской и сельской местностью. Это не только предопределяло специфику местных властей города и села, но и существенно разнообразило ее. С третьей стороны, продолжающиеся процессы политогенеза сопровождались дальнейшим развитием государственных структур, их большей дифференциацией и расширением сферы прямого или косвенного влияния.

Двойственность в понимании местного самоуправления вполне присуща современной управленческой мысли. Констатируется самостоятельность в реализации местных задач, с одной стороны, а также осуществление конкретных государственных функций — с другой. Это наглядно видно в так называемой юридической концепции французских ученых второй половины XX в. Г. Брэбана, Ж. Веделя, усилия которых сосредотачиваются на проблеме нахождения оптимальной модели, сочетающей полномочия местной и государственной властей [22].

В работах современных российских авторов методологический дуализм наиболее наглядно отражается в сравнительных аспектах работ Р. Ф. Туровского и Ю. М. Плюснина. При этом первый автор более упирает на политико-правовую проблематику, а второй акцентирует внимание на пространственных и социокультурных факторах.

Р. Ф. Туровский стремится отталкиваться от реалий современности, констатируя в плане территориальной политики наличие многоуровневой системы, связанной с масштабами конкретного государства и его внутренней дифференциацией. Выделяют локальный, региональный, субрегиональный уровни, количество которых варьируется в различных государствах. Стремясь решить противоречие естественной или искусственной природы муниципальных институтов, Р. Ф. Туровский исходит из признаков компактности — конкретного сообщества, обладающего комплексом горизонтальных соседских связей. Подобные организации характеризуются по линии «центр — периферия». Так, крупные города, располагающие значительными ресурсами и необходимой компактностью, позволяющей им легко получать статус автономии, относятся к центру. А вот разбросанные в определенных территориальных рамках поселения, наделенные некоторыми ресурсами, относятся к периферии. Между сообществами естественным путем складывается асимметрия при значительных экономических, социальных и культурных различиях.

Р. Ф. Туровский считает, что субъектность современного местного самоуправления обусловлена рамками государственно-властных отношений, что однозначно причисляет его к «государственникам». Он отрицает возможность полноценной альтернативы этатизму, что совершенно неизбежно делает местное самоуправление подсистемой государственного управления. От государства отделяется никак не местная власть, но лишь комплекс местных интересов, реализующихся посредством самоуправленче-

ских институтов. Более того, местное самоуправление на практике обычно переживает тот или иной ресурсный дефицит, что предопределяет его зависимость от высших властных этажей. В связи с этим попросту бессмысленно противопоставлять государственную власть и местное самоуправление.

Р. Ф. Туровский полагает местное самоуправление критерием демократического государства, при том что первое тесно связано с уровнем развития гражданского общества. Ведь именно те горизонтальные связи и отношения, которые не затронуты государством, формируют местные интересы, определяя их дальнейшую артикуляцию. Потребности в самоуправлении на местах имеют две причины. Во-первых, это некоторое несоответствие специфики местных интересов общенациональным. Во-вторых, необходимость конструктивной дифференциации публичной власти, результат которой — распределение функций (полномочий) между властными территориальными уровнями.

Р. Ф. Туровский указывает, что формирование институциональной структуры местного управления происходит не только при самоорганизации местного сообщества, но также навязывается государственной властью, которое заинтересовано в стандартизации, упорядочивании местных структур управления. Это совершенно нормальная форма взаимодействия между государством и местными сообществами, в результате которой создаются работающие институты местного самоуправления и территориальные ячейки.

Современная социальная реальность выдвигает ряд жестких требований, которые трудно игнорировать низовым управленческим структурам на местах. Растущее разнообразие общественных отношений и усложнение управления выдвигают требования кадровой профессионализации. Отсюда Р. Ф. Туровский настаивает на неизбежности бюрократизации местных управленческих институтов, а также на разделении структур муниципальной власти. Происходит своего рода переход от выборности населением местной власти к найму этим же населением муниципальных менеджеров. То есть самоуправление в этом случае можно попытаться интерпретировать как выборы профессионалов, способных реализовать местные интересы [23].

Р. Ф. Туровский, упирая на политическую составляющую местного самоуправления, только упоминает о политико-географических и социокультурных факторах. Куда глубже сюда погружается Ю. М. Плюснин, который выдвигает в качестве фактора развития местного самоуправления определенный вид изоляции. На практике более автономны в своих решениях сообщества, находящиеся где-нибудь в глубинке и в силу этого не подверженные пристальному интересу со стороны региональных и федеральных властей. Напротив, муниципалитеты, глубже интегрированные в региональные административные и социально-экономические процессы, а также расположенные близко от региональных центров (или крупных городов), намного более «связаны» в собственной управленческой деятельности. Тем самым высокий уровень изоляции местного общества предполагает и высокий уровень местного самоуправления, а также наоборот.

Согласно Ю. М. Плюснину, речь обычно идет о пространственной или территориальной изоляции, когда местные сообщества имеют не только значительную удаленность от центров, но ограничены в коммуникациях. Помимо пространственной изоляции, может встретиться популяционный (социальный) вид изоляции, когда создаются

изоляционные барьеры даже между соседствующими сообществами. Такого рода барьеры могут носить языковой (немецкий район в Алтайском крае), конфессиональный и даже профессиональный смысл, как, например, различие местных сообществ в хозяйственной специфике («наукограды»). Существует также ресурсная изоляция, которая обычно сопровождается профессиональной изоляцией. Контролирующие существенно большие (меньшие) или имеющие специфические ресурсы муниципалитеты стараются теми или иными способами изолироваться от соседей. Уникальность ресурсов часто предполагает специфику организации местного самоуправления, выстраивание его особых отношений с властью региона. Например, ЗАТО (Закрытые административно-территориальные образования). В то же время состояние ресурсного дефицита приводит местное сообщество к ситуации «выморочности», вынуждая его вырабатывать особые стратегии и тактики выживания в условиях «государственной покинутости». Все три вида изоляции вполне могут сочетаться, и в подобном случае изолированность становится выразительнее.

Существуют пять основных факторов развития территориальных образований, объединенные в три группы: натуральные факторы; ресурсные факторы; управленческие факторы.

Натуральные факторы предполагают определенное пространство (территорию), а также население. *Территория* являет собой участок земли, контролируемый местным сообществом, более или менее обеспечивающий базовые аспекты его жизнедеятельности. Главным условием здесь выступает соответствие ландшафта и его ресурсов хозяйственной деятельности, а также эстетическим предпочтениям жителей. Такого рода территории, как правило, стабильны и долговременны, а административно-территориальное деление обычно закрепляет сложившиеся исторически границы.

Все же территория не всегда имеет определенные границы и собственные ресурсы в достаточном объеме, что в этом случае ограничивает развитие самоуправления, актуализируя необходимость внешнего управленческого вмешательства. Достаточность ресурсов для жизнедеятельности воспроизводства и развития — прерогатива обычно сельских районов, пространственно изолированных в значительной степени.

Следующий фактор — *население* обычно представляет местное сообщество, обладающее признаками спонтанной общественной организации. Подобная естественность определяется отношениями родства, свойства (браки, кумовство), а также уровнем местной солидарности. Подобные признаки «общинности» выступают изолирующими факторами по определению.

Среди *ресурсных факторов* акцент сделан на два особых источника. Речь идет, во-первых, о местных природных ресурсах, непосредственно определяющих хозяйственную деятельность; во-вторых, о внешнем финансировании, обеспечивающем хозяйственную деятельность муниципалитета и социальные потребности. Местные природные ресурсы выступают в качестве двигателя самоуправления в случае их публичного использования, что стимулирует общественную активность. Интересно, что развитие самоуправления может послужить и нехватка ресурсов, что обычно играет роль стимула. Подобная ситуация побуждает местное сообщество либо к поиску иных источников, либо к самоорганизации для защиты утрачиваемых ресурсов. А вот внешние

финансовые ресурсы рассматриваются автором больше в качестве отрицательного фактора, который не столько развивает, сколько работает на ограничение самоуправления. Обычно в финансово поддерживаемых муниципалитетах крупных городов низовая самоорганизация не поднимается выше территориального общественного самоуправления.

Кадровые ресурсы в основном обеспечивают качественную составляющую местных управленческих институтов. Отсюда актуализируется необходимость воспроизводства и повышения кадровой квалификации. Решающими условиями здесь выступают профессионализм и отсутствие корыстных интересов у местного руководителя и членов его «команды». При отсутствии высокого профессионализма и соответствующих нравственных качеств местное сообщество вряд ли станет котироваться в качестве примера самоорганизации и самоуправления.

Ю. М. Плюсниным указывается на неоднозначность для России государственной политики как фактора развития местного самоуправления. Если в европейских странах с 70-х годов государство делегирует собственные функции и полномочия на местный уровень, подкрепляя это ресурсообеспеченностью, в России же совершенно обратная ситуация, а именно жесткая зависимость от государственных распределений большей части регионов и местных сообществ, что ведет к их взаимной жесткой конкуренции за получение государственной поддержки. Государство, в свою очередь, занимаясь распределением ресурсов, жестко контролирует их потребление, тогда как объект этой помощи — местное сообщество, напротив, заинтересовано в снижении контроля. Минимум получаемых от вышестоящих властей ресурсов предполагает и минимальный контроль с их стороны, что благоприятствует развитию самоуправления на местах.

Отсюда констатируется серьезное внутривластное противоречие между развитием местного самоуправления и государством, сохраняющим ресурсно-распределительный характер. Таким образом, между степенью изоляции и уровнем развития местной власти имеется прямо пропорциональная зависимость, что, с точки зрения Ю. М. Плюснина, актуализирует вопрос о локальных разнообразиях [24]. А вот Р. Ф. Туровский, наоборот, отталкивается от факта тесного взаимодействия местных и государственных структур, стараясь вывести из этого некие универсальные принципы и правила, способствующие установлению баланса.

Сравнение позиций Р. Ф. Туровского и Ю. М. Плюснина позволяет быстро определить их методологическую приверженность. «Государственник» Р. Ф. Туровский руководствуется логикой, предлагаемой общей теорией политогенеза, где делается упор на эволюционное развитие государственных институтов, сопровождающейся большей взаимной «подгонкой» государства и общества. В результате таких процессов современное государство интерпретируется как органическая форма политической организации, без которой общество в принципе существовать не может [25]. В рамках данной логики местные проявления власти носят явно подчиненный вторичный характер. В силу соприкосновения с государством некоторая внутренняя стихийность местного самоуправления, исходящего от «низовых» импульсов социума, сменяется рациональным регулированием при посредничестве неких универсальных форм. Прямая демократия избирания наиболее компетентных и порядочных людей из местного сообщества теперь сменяется значительно более ограниченным выбором из круга профессио-

налов, обычно навязываемых вышестоящими властями. Наконец, рамки субъектности местных властей практически целиком и полностью определяются государственными структурами, формирующими волонтаристски пространство властно-подчиненных отношений. Концепция Р. Ф. Туровского выдвигает на первый план фактор государства, который действительно в современных, а тем более отечественных условиях обычно имеет решающее значение. Подобный подход более адекватен для анализа проблематики самоуправления в рамках крупных городов, а также в регионах с высокой плотностью населения.

Принципиально иной методологический посыл содержит концепция общественника Ю. М. Плюснина, который предпочитает исходить из факта формирования управленческих структур на местах с целью организации здешнего населения для эффективной реализации его потребностей и интересов. Здесь на первый план выходят местные географические, культурно-этнические, исторические особенности. В рамках данной логики государство видится скорее как препятствующее управленческой самобытности обстоятельство. Закономерно, что сформировавшиеся сами по себе структуры местного самоуправления отнюдь не всегда однородны государственным формам, вопреки утверждению С. Ю. Витте, и могут существенно с ними расходиться. Такой подход акцентирует внимание на локальных особенностях, и в этом его несомненная сильная сторона, хотя чрезмерное предпочтение локальности может привести к недооценке государственного фактора, имеющего сейчас самодовлеющий смысл. В то же время множество фрагментов российской реальности (регионы с низкой плотностью населения, глубинка) удобно анализировать именно с предложенных Ю. М. Плюсниным позиций.

Выводы

Методологический дуализм пронизывает фактически весь период развития теоретического феномена местного самоуправления. Его корни следует искать в философских постулатах Просвещения, продуктом которого считается либеральная парадигма. Обозначившиеся с середины XIX века подходы «государственников» и *общественников* вытекают из различных аспектов либерального мышления, выдвигавшихся на первый план в различные исторические периоды. Например, «государственники» исходят из примата национальной государственной системы, активно используя правовые категории, что стало особенно присуще либеральным разработкам XIX века. А вот общественники методологически ближе к классике либерализма, упирая на свободное самовыражение волевых стремлений «на местах». Кроме того, здесь либеральные постулаты синтезируются с идеями Э. Берка, который считал необходимым сохранение спонтанных общественных коллективов. Изначально, подход государственников имел отчетливый политико-правовой смысл, тогда как общественники мыслили более в социокультурном русле.

Фактором поддержания методологического дуализма выступала дискуссионность в определении отношений местного самоуправления с государственной властью. Взаимодействиям местных и государственных структур присущи если и не постоянные, то весьма частые колебания. Здесь приходится наблюдать перечень непростых и

зачастую несимметричных взаимодействий между формирующимися «снизу» инициативами и практиками, а также исторически сложившейся масштабной и сложной административной системой со своей национальной спецификой. Проблематика отношений местного самоуправления и государственной власти никогда не теряла актуальности в российских условиях в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств. Неопределенность отношений государственных и местных управленческих структур проявляется, например, в декларативности многих официальных шагов государства, продиктованных как объективной необходимостью, так идеологическими соображениями, которые на практике часто приводят к иным, а порой, противоположным результатам.

Методологический дуализм в настоящий момент приобретает для российского обществознания еще более непримиримый характер. Это может объясняться как различными методологическими посылами, от которых отталкиваются сторонники государственников и общественников, противоположными оценочными позициями по поводу ситуации, сложившейся в политико-административной сфере. При этом мы не исключаем, что оба эти обстоятельства могут коррелироваться. Однако следует признать, что российская социальная реальность весьма дифференцирована с точки зрения управленческих условий, потому отдельные ее фрагменты адекватны государственническому подходу, тогда как другие — общественному. Во второй случай как нельзя лучше вписываются отдаленные поселения, где «изоляция» выступает фактором, способствующим развитию подлинного самобытного самоуправления.

Библиографический список

- [1] Баранов, Н. И. Современная демократия : эволюционный подход : [монография] / Н. И. Баранов; Министерство образования и науки Российской Федерации, Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д. Ф. Устинова. – Санкт-Петербург : Балтийский государственный технический ун-т «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, 2007. – 205 с. – Текст : непосредственный.
- [2] Иванов, В. В. Теория государства / В. В. Иванов ; Институт политики и государственного права. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Территория будущего, 2010. – 269 с. – Текст : непосредственный.
- [3] Тихонов, Д. А. Политические традиции местного самоуправления в отечественной истории / Д. А. Тихонов. – DOI 10.30570/2078-5089-2004-34-3-72-97. – Текст : непосредственный // Полития. – 2004. – Т. 34, № 3. – С. 72–97.
- [4] Актуальные проблемы устойчивого развития сельских территорий : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции (25 ноября 2019 г.) / Отв. за выпуск А. А. Хагуров, под редакцией П. П. Великого, Г. С. Широкаловой, Ш. С. Асланова. – Краснодар : КубГАУ, 2019. – 197 с.
- [5] Туровский, Р. Ф. Местное самоуправление : к организации эффективной власти / Р. Ф. Туровский. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2005. – № 6. – С. 68–79.
- [6] Гринин, Л. Е. Государство и исторический процесс. Эволюция государственности : от раннего государства к зрелому. – Москва : Комкнига, 2007. – 368 с. – Текст : непосредственный.

- [7] Спиридонова, В. И. Западные теории бюрократии и российская действительность / В. И. Спиридонова. – Текст : непосредственный // Бюрократия в современном мире : теория и реалии жизни : монография / [В. И. Спиридонова и др. ; отв. ред. В. Н. Шевченко] ; Российская академия наук, Институт философии. – Москва : ИФ РАН, 2008. – С. 7–62.
- [8] Яковлева, Е. В. Право и общественная структура : динамический аспект взаимодействия / Е. В. Яковлева. – Текст : непосредственный // Актуальные тенденции и инновации в развитии российской науки : сборник научных статей. Ч. 2 / Науч. ред. Г. Р. Искандарова. – Москва : Перо, 2018. – С. 154–157.
- [9] Шустов, В. Г. Теории местного самоуправления : политологический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 : Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2013. – С. 244–250. – Текст : непосредственный.
- [10] Градовский, А. Д. Собрание сочинений А. Д. Градовского. Том 2 : История местного управления в России ; Уезд Московского государства / А. Д. Градовский. – Санкт-Петербург, 1899. – 492 с.
- [11] Корнаухова, Н. В. Государственная теория местного самоуправления А. Градовского / Н. В. Корнаухова. – Текст : непосредственный // Вестник Тамбовского университета. Серия : гуманитарные науки. – 2009. – № 8 (76). – С. 357–361.
- [12] Муниципальная наука : теория, методология, практика / Гладышев А. Г., Иванов В. Н., Патрушев В. И. [и др.]. – Москва : Муниципальный мир, 2003. – 284 с. – Текст : непосредственный.
- [13] Скирбекк, Г. История философии : учебное пособие / Г. Скирбекк, Н. Гилье ; пер. с англ. В. И. Кузнецова, под редакцией С. Б. Крымского. – Москва : ВЛАДОС, 2000. – 800 с. – Текст : непосредственный.
- [14] Васильчиков, А. И. Русское самоуправление / А. И. Васильчиков. – Москва : Институт русской цивилизации, 2013. – 951 с. – Текст : непосредственный.
- [15] Выдрин, И. В. Местное самоуправление в трудах русских ученых-юристов дореволюционной поры / И. В. Выдрин. – Текст : непосредственный // Муниципалитет : экономика и управление. – 2017. – № 4 (21). – С. 86–93.
- [16] Велихов, Л. А. Основы городского хозяйства : общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства / Л. А. Велихов. – Москва : Наука, 1996. – 466 с. – Текст : непосредственный.
- [17] Ленин, В. И. Местное самоуправление, как оплот против реакции. Июнь 1907 — март 1908 гг. – Текст : электронный. – URL: <http://sovcol.ru/articles/52463>.
- [18] Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Том 40 / В. И. Ленин. – Москва : Издательство политической литературы, 1967. – 674 с. – Текст : непосредственный.
- [19] Лепешкин, А. И. Советский федерализм (теория и практика) / А. И. Лепешкин. – Москва : Юридическая литература, 1977. – 319 с. – Текст : непосредственный.
- [20] Тамбиянц, Ю. Г. Современная общественная динамика : теория и практика : монография / Ю. Г. Тамбиянц, М. В. Гринь, В. В. Кулинченко. – Краснодар : Кубанский институт социэкономии и права (филиал) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений». – 2014. – 452 с. – Текст : непосредственный.

- [21] Поляников, Т. Л. Национализм в (пост)современном мире / Т. Л. Поляников. – DOI 10.30570/2078-5089-2006-42-3-67-95 – Текст : непосредственный // *Полития*. – 2006. – Т. 42, № 3. – С. 67–95.
- [22] Брэбан, Г. Французское административное право / Г. Брэбан ; пер. с фр. Д. И. Васильева, В. Д. Карповича, под редакцией и со вступ. ст. С. В. Боботова. – Москва : Прогресс, 1988. – 488 с. – Текст : непосредственный.
- [23] Туровский, Р. Ф. Местное самоуправление : к организации эффективной власти / Р. Ф. Туровский. – Текст : непосредственный // *Общественные науки и современность*. – 2005. – № 6. – С. 68–79.
- [24] Плюснин, Ю. М. Факторы развития местного самоуправления. Оценка значения изоляции и изоляционизма / Ю. М. Плюснин. – Текст : непосредственный // *Вопросы государственного и муниципального управления*. – 2008. – № 3. – С. 38–50.
- [25] Гринин, Л. Е. О стадиях эволюции государства. Проблемы теории / Л. Е. Гринин. – Текст : непосредственный // *История и современность*. – 2006. – № 1. – С. 3–45.

References

- [1] Baranov, N. I. (2007). *Sovremennaya demokratiya: evolyutsionnyy podkhod*. St. Petersburg, Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D. F. Ustinov Publ., 205 p. (In Russian).
- [2] Ivanov V. V. (2010). *Teoriya gosudarstva*. 2nd edition, emendated and expanded. – Moscow, *Territoriya budushchego* Publ., 269 p. (In Russian).
- [3] Tikhonov, D. (2004). Political Traditions of Local Self-Government in Russian history. *Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 34(3), pp. 72-97. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2004-34-3-72-97
- [4] Khagurov, A. A. (2019). *Aktual'nye problemy ustoychivogo razvitiya sel'skikh territoriy : sbornik statey po materialam vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (November, 25). Krasnodar, Kuban State Agrarian University Publ. 229 p. (In Russian).
- [5] Turovsky, R. F. (2005). *Mestnoe samoupravlenie : k organizatsii effektivnoy vlasti. Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, (6), pp. 68-79. (In Russian).
- [6] Grinin, L. E. (2007). *Gosudarstvo i istoricheskiy protsess. Evolyutsiya gosudarstvennosti: ot rannego gosudarstva k zreloму*. Moscow, *Komkniga* Publ., 368 p. (In Russian).
- [7] Spiridonova, V. I. (2008). *Zapadnye teorii byurokratii i rossiyskaya deystvitel'nost'. Byurokratiya v sovremennom mire : teoriya i realii zhizni*. Moscow, *IF RAN* Publ., pp. 7-62. (In Russian).
- [8] Yakovleva, E. V. (2018). *Pravo i obshchestvennaya struktura: dinamicheskiy aspekt vzaimodeystviya. Aktual'nye tendentsii i innovatsii v razvitii rossiyskoy nauki*. Moscow, *Pero* Publ., pp. 154-157. (In Russian).
- [9] Shustov, V. G. (2013). *Theory of local government : a politological context*. *The Bulletin of Adyghe State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies*, pp. 244-250. (In Russian).
- [10] Gradovskiy, A. D. (1899). *Sobranie sochineniy A. D. Gradovskogo. Tom 2: Istoriya mestnogo upravleniya v Rossii; Uezd Moskovskogo gosudarstva*. St. Petersburg, 492 p. (In Russian).

- [11] Kornaukhova, N. V. (2009). The state theory of local government by A. D. Gradovsky. *Tambov University Review. Series: Humanities*, (8(76)), pp. 357-361. (In Russian).
- [12] Gladyshev, A. G., Ivanov, V. N., Patrushev, V. I., Avdeeva, T. T., Mel'nikov, S. B., Filippov, Yu. V.,... Savchenko, E. S. (2003). *Munitsipal'naya nauka: teoriya, metodologiya, praktika*. Moscow, Munitsipal'nyy mir Publ., 284 p. (In Russian).
- [13] Skirbekk, G., & Gilje, N. (1996). *History of Philosophy an Introduction to the Philosophical Roots of Modernity*. Scandinavian University Press, Oslo. (In English).
- [14] Vasil'chikov, A. I. (2013). *Russkoe samoupravlenie*. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 951 p. (In Russian).
- [15] Vydrin, I. V. (2017). Local self-government in the works of Russian scientists-lawyers of the pre-revolution period. *Municipality: economy and management*, (4(21)), pp. 86-93. (In Russian).
- [16] Velikhov, L. A. (1996). *Osnovy gorodskogo khozyaystva: obshchee uchenie o gorode, ego upravlenii, finansakh i metodakh khozyaystva*. Moscow, Nauka Publ., 466 p. (In Russian).
- [17] Lenin, V. I. Local self-government as a bulwark against reaction. June 1907 - March 1908. (In Russian). Available at: <http://sovcol.ru/articles/52463>.
- [18] Lenin, V. I. (1967). *sobranie sochineniy*. Tom 40. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 674 p. (In Russian).
- [19] Lepeshkin, A. I. (1977). *Sovetskiy federalizm (teoriya i praktika)*. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 319 p. (In Russian).
- [20] Tambiyants, Y. G., Grin, M. V., & Kulinchenko, V. V. (2014). *Sovremennaya obshchestvennaya dinamika: teoriya i praktika*. Krasnodar, Kubanskiy institut sotsioekonomiki i prava (filial) Obrazovatel'nogo uchrezhdeniya profsoyuzov vysshego obrazovaniya "Akademiya truda i sotsial'nykh otnosheniy" Publ., 452 p. (In Russian).
- [21] Polyannikov, T. L. (2006). Nationalism in (post) modern world. «surprises» of the post-bipolar world: nationalism, separatism and inter-ethnic conflicts. *Politeia*, 42(3), pp. 67-95. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2006-42-3-67-95
- [22] Braibant, G. (1992). *Le droit administratif français*. 3. éd. rev. et mise à jour. Paris, Presses de la Fond. nat. des sciences polit., Dalloz, 547 p. (In French).
- [23] Turovsky, R. F. (2005). *Mestnoe samoupravlenie : k organizatsii effektivnoy vlasti*. *Social Sciences and contemporary world*, (6), pp. 68-79. (In Russian).
- [24] Plyusnin, Yu. M. (2008). *Faktory razvitiya mestnogo samoupravleniya. Otsenka znacheniya izolyatsii i izolyatsionizma*. *Public administration issues*, (3), pp. 38-50. (In Russian).
- [25] Grinin, L. E. (2006). *O stadiyakh evolyutsii gosudarstva. Problemy teorii. Istoriya i sovremennost'*, (1), pp. 3-45.

Получена / Submitted: 18/01/2021

Доработана / Revised: 06/02/2021

Принята к публикации / Accepted: 10/02/2021

УДК 316.35

Социальные практики здоровьесбережения и модели поведения студентов в условиях инфодемии COVID-19

Лариса Сергеевна Ковальжина

Кафедра менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты исследования социальных практик здоровьесбережения студентов города Тюмени во время распространения COVID-19 в 2020 году. Обсуждаются вопросы распространенности заболевания и отношения к ней студентов; акцентируется внимание на проблемах возникшей инфодемии в условиях пандемии COVID-19; приведены результаты анализа распространенных типов дезинформации по COVID-19 и влияния инфодемии на социальные группы. Для оценки социальных практик здоровьесбережения использованы фокус-групповые исследования студентов очной формы обучения, экспертный опрос и наблюдения за поведением студентов в отношении соблюдения мер индивидуальной защиты в образовательном процессе и после него, а также в торговых и развлекательных организациях. Рассмотрены мнения молодых людей относительно риска здоровью в условиях распространения COVID-19, приведен анализ используемых мер профилактики и отношения к ним. Обсуждаются классифицированные относительно оценки опасности вируса для здоровья и социальных практик здоровьесбережения, следующие модели группового поведения студентов: «профилактикоориентированные», «Осторожно-тревожные (Информированные и Мнительные)», «Демонстративные нарушители», «Ковид-диссиденты» и «Безразличные». Актуализирована важность семейного воспитания и влияния различных институций на социальные практики здоровьесбережения студентов.

Ключевые слова: социальные практики, здоровьесбережение, инфодемия, COVID-19, студенты, модели поведения.

Social Health-Saving Practices and Students' Behavior Patterns in the COVID-19 Infodemic

Larisa S. Kovalzhina

Department of Management in the Branches of the Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. The article presents the results of a study of social health-saving practices of students in Tyumen during the spread of the COVID-19 in 2020. Much attention is given to the issues of prevalence of the disease and the attitude of students towards it; it is specially noted the problems of the emerging infodemic in the COVID-19 pandemic. The article provides the results of an analysis of

common types of the COVID-19 misinformation and the impact of the infodemic on social groups. To assess social practices of health preservation, the author of the article used focus group studies of intramural students, an expert survey and observation of students' behavior in respect of compliance with personal protective measures in the educational process and after it, as well as in trade and entertainment organizations. The opinions of young people regarding the health risk in the context of the spread of the COVID-19 are considered, an analysis of the preventive measures used and the attitude towards them is given. The students were divided into groups according to their model of behavior, depending on the assessment of the danger of the virus to health and social practices of health preservation: "Cautious-Anxious (Informed and Suspicious)", "Demonstrative offenders", "Covid-dissidents" and "Indifferent". It is especially noted the importance of updating family education and the influence of various institutions on social practices of students' health preservation.

Keywords: social practices, health protection, infodemic, COVID-19, students, behavior patterns.

Введение

Сохранение здоровья населения является актуальной задачей для любого общества. Появление новых заболеваний, особенно вирусных, влияет на уклад жизни людей, меняет сложившиеся социальные практики, актуализирует не только экономические и инфраструктурные проблемы, но и приводит к возникновению новых форм коммуникационных паттернов и информационных феноменов.

Ценность здоровья относится к терминальным ценностям. Так, М. Рокич выделял ценность здоровья наравне с ценностью активной жизнедеятельности и жизненной мудрости. По его оценке, ценности культурно обусловлены и присущи обществу в целом, в различной степени индивидам и социальным группам, прослеживаются в социальных институтах и феноменах. Исследователь описывал «ценности как разновидность устойчивого убеждения, что некая цель или способ существования предпочтительнее, чем иной» [1]. При этом терминальные ценности описаны «как убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования (например, счастливая семейная жизнь, мир во всем мире) с личной и общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться» [1]. Идеализированная трактовка термина «здоровье» задекларирована в миссии Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) следующим образом: «здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов. Обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав всякого человека без различия расы, религии, политических убеждений, экономического или социального положения...» [2]. Таким образом, здоровье представляется одной из высших ценностей, а его формирование и сохранение, особенно среди молодого поколения, является актуальной общественной задачей.

Исследование социальных практик в социологии получило импульс развития с трудами П. Бурдьё, Э. Гидденса, Г. Гарфинкеля и др. В современной социологии под социальной практикой в дискурсе повседневности представляется «совокупность конкретных опривыченных (рутинных) повторяющихся действий индивидов, групп, общностей, организаций в реальном времени и пространстве, обеспечивающая устойчивое

функционирование социальных институтов» [3]. Согласно П. Бурдье, социальные практики и социальная среда взаимообусловлены — детерминируются средой и, одновременно воздействуя на нее, изменяют ее структуру [4]. Социальные практики здоровьесбережения представляют собой виды деятельности индивида, выполняемые привычно, повторяемые действия, направленные на сохранение здоровья, избегание или снижение риска возникновения, развития заболевания (травмы или отклонения от состояния здоровья).

В 2019 году мировая общественность столкнулась с новым вирусом. Впервые 31 декабря 2019 года ВОЗ зарегистрировала пневмонию неизвестного происхождения в г. Ухань Китайской Народной Республики (КНР), а уже 7 января 2020 года было установлено, что возбудителем заболевания является новый коронавирус (ранее не выявлявшийся у людей), получивший временное название «2019-nCoV», впоследствии названный «COVID-19» [5; 6]. Появление заболевания и возникший риск утраты здоровья и жизни привели к изменению привычного уклада жизни населения большинства стран мира. Учитывая стремительный рост числа заболеваний за пределами Китая, 11 марта 2020 года, генеральный директор ВОЗ охарактеризовал вспышку COVID-19 как пандемию (были зарегистрированы 118 000 случаев заболевания в 114 странах, смертность составила 4 291 человек) [6].

Одновременно с ростом заболеваемости в мире был отмечен стремительный рост информационных сообщений, как официальных источников, так и неофициальных публикаций в социальных сетях, содержащих ложные, недоказанные аргументы («фейки») об источниках инфекции и путях заражения ею, методах и инструментах профилактики, лечения. Возникший «информационный шум» усложнял поиск достоверной информации и стимулировал повышение тревожности среди населения [7]. Всемирная организация здравоохранения 2 февраля 2020 года назвала это явление «инфодемия», подразумевая под термином совокупность текстов, информационных материалов в любых формах и источниках информации, которые сопровождают пандемию. Генеральный директор ВОЗ Т. А. Гебрейесус предупредил об угрозе инфодемии — переизбытка информации, которая может нанести вред здоровью людей, так как затрудняет поиск точной, основанной на фактических данных информации и рекомендаций в области общественного здравоохранения; способствуют возникновению беспокойства и других проблем с психическим здоровьем из-за его количества, доступности и видимости повсюду; побуждает людей принимать вводящие в заблуждение или даже опасные советы; вызывает утомление, безразличие и враждебность по отношению к сообщениям общественного здравоохранения; поощряет ксенофобию, ненависть и изоляцию [7]. В сложившейся ситуации наибольшему влиянию оказалась подвержена молодежь, тесно взаимодействующая с цифровой реальностью, ежедневно потребляющая и создающая цифровой контент.

Исследовательское понимание значительного влияния пандемии в совокупности с инфодемией на социальные практики здоровьесбережения обусловили исследовательский интерес к моделям здоровьесберегающего поведения студентов в условиях инфодемии COVID-19.

Материалы и методы

Для исследования социальных практик здоровьесбережения студентов г. Тюмени до начала и во время противоэпидемических мероприятий по COVID-19 в 2020 году были проведены 10 фокус-групп, участниками которых стали студенты очной формы обучения бакалавриата и магистратуры (очно — февраль, март, сентябрь, октябрь; онлайн, с использованием программного продукта Zoom, — апрель, май, июнь), экспертный опрос (профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, руководители структур Роспотребнадзора; N = 14) и наблюдения за поведением студентов в отношении соблюдения мер индивидуальной защиты в образовательном процессе и после него, а также в торговых и развлекательных организациях.

Первая фокус-группа в феврале 2020 года была инициирована по причине госпитализации с подтвержденной коронавирусной инфекцией COVID-19 студентки университета, вернувшейся с каникул из Китайской Народной Республики (из дома). Участниками фокус-группы стали студенты, проживающие в общежитии в соседних комнатах с госпитализированной девушкой, а также студенты, постоянно проживающие с родителями (семьей) дома.

Параллельно проводился анализ статистических данных различных организаций по распространенности COVID-19 и медийных сообщений о заболеваемости и мерах профилактики.

В статье представлен фрагмент результатов мониторинга социальных практик здоровьесбережения, проводимого в период распространения коронавирусной инфекции на территории региона.

Результаты и обсуждение

В 2019 году экспертами ВОЗ была проведена регистрация случаев заболеваний пневмонией неизвестного происхождения (г. Ухань, КНР) [5]. Уже в марте 2020 года заболевание получило статус пандемии, а возбудитель заболевания получил название «COVID-19». Анализ развития пандемии COVID-19 показал, что к середине марта 2020 года эпицентром пандемии являлся Европейский регион, где было зарегистрировано более 40 % от общего числа мировых подтвержденных случаев, а к 28 апреля 2020 г. приходилось 63 % от общего числа смертей, вызванных COVID-19. В начале октября 2020 года в мире уже было зарегистрировано 37 423 660 подтвержденных случаев COVID-19, включая 1 074 817 случаев смерти.

Динамика числа подтвержденных случаев заражения и умерших от заболеваний, вызванных COVID-19, представлены на рисунках 1 и 2 [8]. По данным ВОЗ, в структуре заболевания с начала апреля лидируют Северная и Южная Америка, ранее — страны Европейского континента. По числу летальных исходов страны Европы значительно лидировали до начала апреля, затем смертность удалось сократить.

В структуре числа подтвержденных случаев заболеваний COVID-19 (на 12.10.2020) по странам мира Российская Федерация занимает 4-е место среди стран по числу подтвержденных случаев (рис. 3) [8].

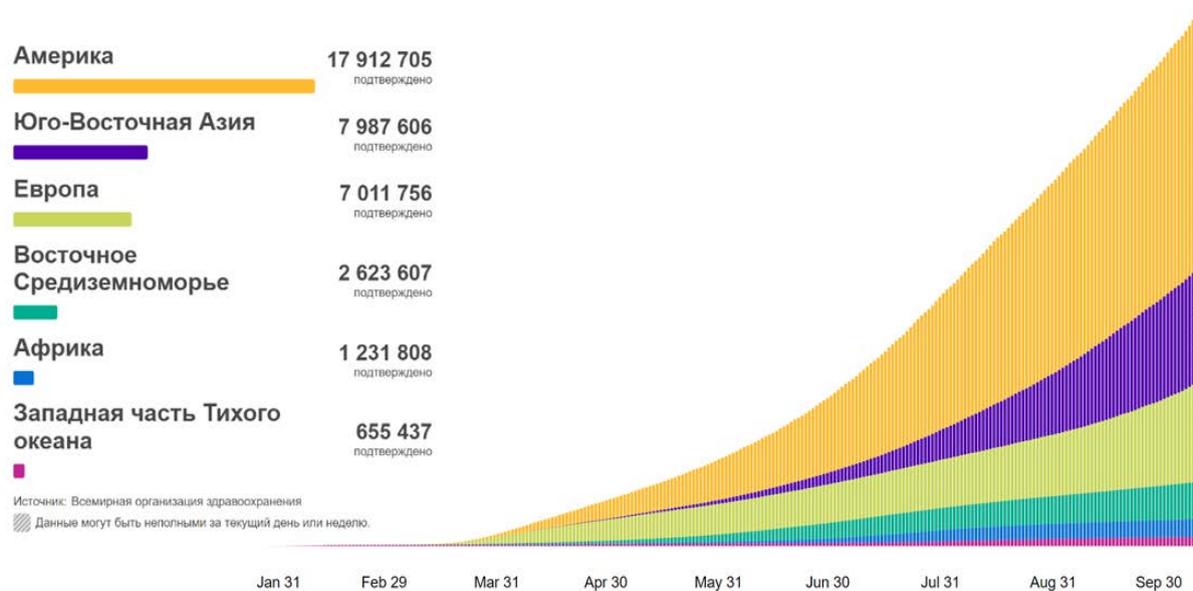

Рисунок 1. Динамика роста подтвержденных случаев заболеваний COVID-19 в мире в разрезе регионов, чел. [8]

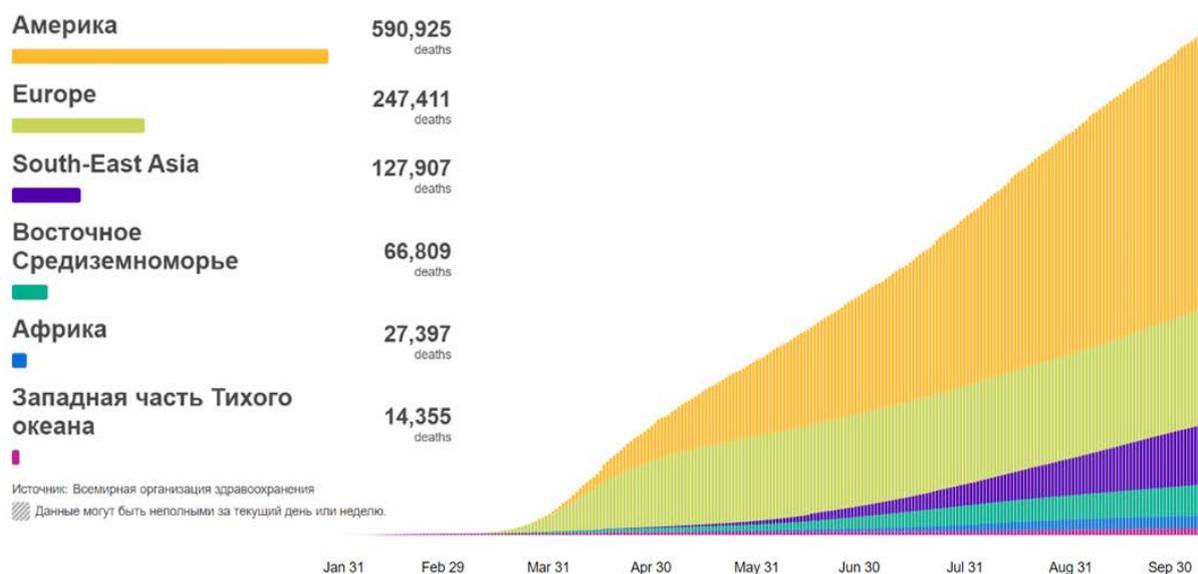

Рисунок 2. Динамика числа летальных исходов вследствие COVID-19 в мире в разрезе регионов, чел. [8]

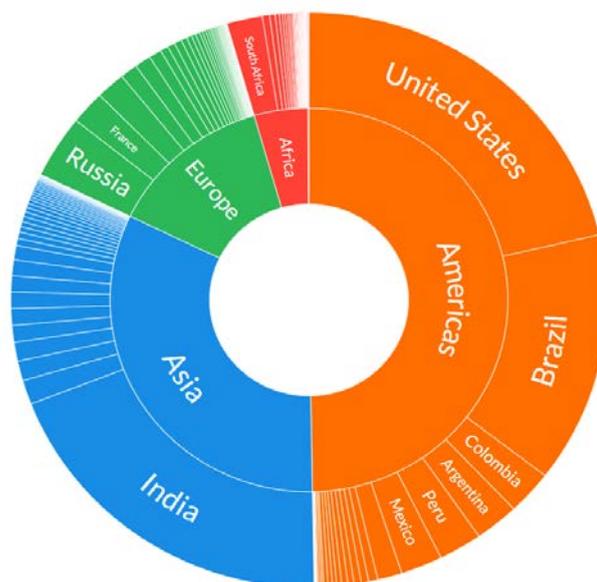

Рисунок 3. Структура числа подтвержденных случаев заболеваний COVID-19 по странам мира

В Российской Федерации на протяжении 2020 года наблюдался стабильный прирост числа заболевших и умерших вследствие COVID-19 (рис. 4) [8]. Наибольший прирост числа зарегистрированных заболевших отмечен в первой неделе мая и конце сентября 2020 года. График летальных исходов демонстрирует сохраняющиеся высокие показатели с мая 2020 года, кратковременно снижающиеся в августе. Сохранение динамики роста числа заболевших и умерших вследствие коронавирусной инфекции особо актуализируют важность соблюдения населением мер профилактики.

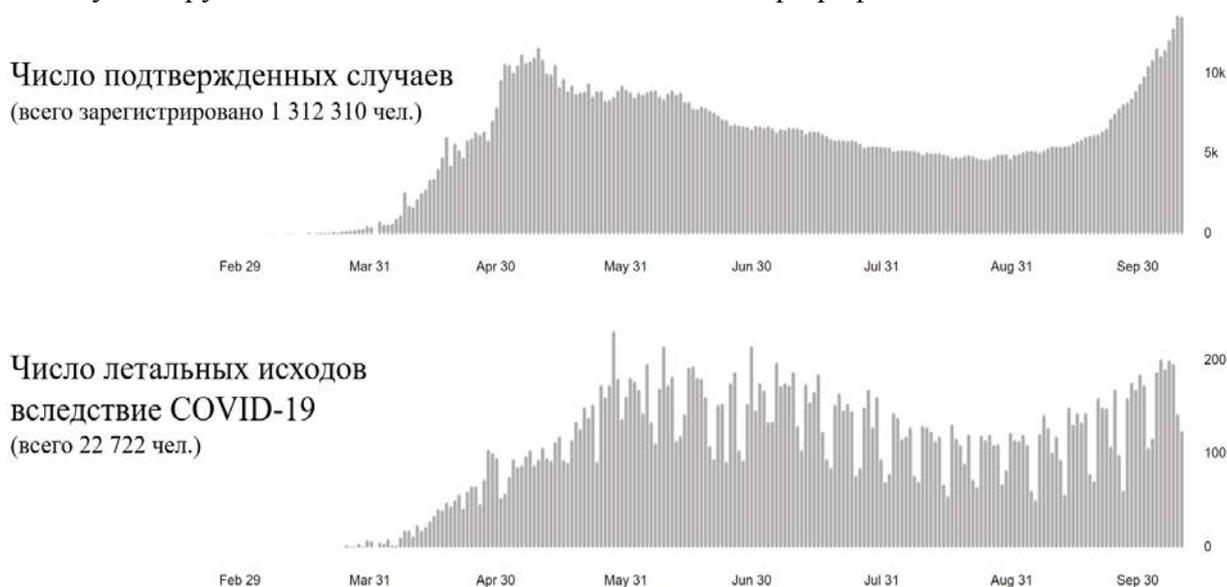

Рисунок 4. Динамика числа подтвержденных случаев заболеваний COVID-19 и летальных исходов в Российской Федерации, чел. [8]

В Тюменской области пиковым периодом числа подтвержденных случаев заболеваний COVID-19 был июль, и отмечен стремительный рост с сентября — начала очного обучения в школах и профессиональных учебных заведениях региона (рис. 5).

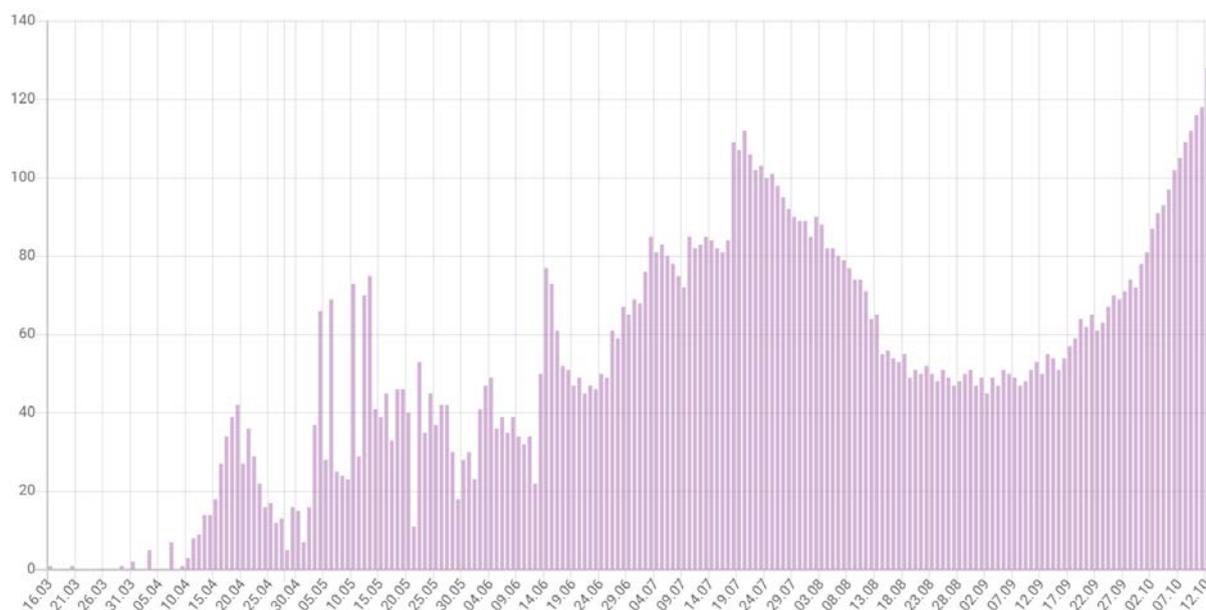

Рисунок. 5. Динамика числа подтвержденных случаев заболеваний COVID-19 в Тюменской области, чел. [9]

Основные рекомендации для населения по профилактике COVID-19 были представлены на сайтах ВОЗ, Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Министерства здравоохранения РФ и официальном профильном сайте www.stopkoronavirus.rf и др. [10–12]. Среди общих рекомендаций отмечаются важность регулярного мытья рук с мылом или использование дезинфицирующего геля; следование принципам социального дистанцирования; избегание касания глаз, носа и рта, а также соблюдение респираторной гигиены (прикрытие носа и рта при чихании и т. д.); важность обращения за медицинской помощью при появлении симптомов и ограничение возможных контактов с потенциальными носителями COVID-19.

Анализ результатов исследования лаборатории социальных сетей Университета Райерсона показал 12 наиболее распространенных типов дезинформации по COVID-19 (на основе обзора тысяч опровергнутых заявлений, содержащих ключевые слова «COVID» или «Coronavirus», по данным Google Fact Check Tools с 22 января 2020 г.) [13].

1. Претензии, относящиеся к стране или региону. Примеры включают предполагаемые действия выборных должностных лиц и других органов государственной власти или предоставление статистических данных о количестве дел в конкретном районе, городе, регионе.

2. Диагностика, профилактика, лечение: заявления о нелегализованных тестах на COVID-19, домашних средствах и натуральной медицине, представленные как «лекарство» или «профилактическая» мера от заражения вирусом.

3. Предположение о происхождении и прогнозировании: утверждения и обсуждения различных теорий о происхождении вируса (например, сообщения включают такие формулировки, как «вирус был создан в лаборатории» или «технология 5G вызвала или способствовала пандемии»; отчеты о прогнозах известных (обычно мертвых) людей, которые якобы предсказали пандемию).

4. Преувеличение серьезности вируса: утверждения, что серьезность вируса преувеличивается — либо снижается его серьезность, либо повышается его серьезность (например: «это всего лишь грипп или ОРВИ»; фотографии массовых захоронений или тел, лежащих на улице).

5. Раса, этническая принадлежность, религия и идентичность: утверждения со ссылкой на чью-либо личность, включая расу, пол, сексуальную ориентацию, идеологию, религию, национальность и т. д. Примеры включают связь или обвинение людей определенной религии или этнической принадлежности в преднамеренном или непреднамеренном распространении вируса.

6. Передача: утверждения о том, как вирус распространяется (например, через еду, путешествия, одежду), как долго он сохраняется на различных поверхностях или передается по воздуху. В эту категорию также входят сообщения о передаче вируса между видами и о случаях, когда люди намеренно или непреднамеренно распространяют вирус в общественных местах.

7. Общественные деятели: слухи о публичных фигурах (например, политиках, знаменитостях, бизнес-лидерах, влиятельных лицах социальных сетей), заразившихся вирусом или умирающих из-за него (например, ложное заявление о смерти премьер-министра Великобритании Б. Джонсона).

8. Бизнес и экономика: заявления о том, как вирус повлиял на фондовые рынки, состояние экономики или финансовые перспективы страны или мира. В эту категорию также входят претензии, связанные с конкретными предприятиями и тем, как на них влияет пандемия (например, «продажи пива Corona резко упали из-за опасений по поводу коронавируса» или что якобы «Netflix раздает бесплатную подписку»).

9. Симптомы или медицинские процедуры: претензии, связанные или демонстрирующие симптомы или влияние вируса на человеческое тело, или контент (например, видео, фотографии), демонстрирующий предполагаемые медицинские процедуры или лечение, проводимые медицинскими работниками или в клинических условиях.

10. Природа и окружающая среда: отчеты и наблюдения, связывающие пандемию с изменениями, наблюдаемыми в погоде, климате или природе. Примеры включают заявления о наблюдениях дикой природы в городских районах из-за изоляции, сокращения или увеличения загрязнения из-за пандемии.

11. Мошенничество: обманное использование фактов и историй о COVID-19 для того, чтобы кого-то обмануть. Примеры включают в себя заманивание людей на поддельные веб-сайты с обещанием лечения от вирусов или государственных пособий

с целью кражи личной информации людей или убеждение людей делать пожертвования на поддельные благотворительные кампании.

12. Другое: претензии без категорий или претензии, не соответствующие другим категориям.

Анализ источников средств массовой информации (онлайн и оффлайн), социальных сетей, данных конференции ВОЗ позволили выделить следующие риски инфодемии для населения (возникшей вследствие COVID-19), а также изменения в образе жизни и социальных практиках здоровьесбережения:

1) избыток информации, во многом недостоверной, оказал значительное влияние на психическое состояние людей и влиял на изменение моделей здоровьесберегающего поведения;

2) в ситуации, когда доверие к официальным институтам снижается, отмечается рост панических историй, а население совершает иррациональные социальные практики здоровьесбережения;

3) рост доверия непроверенным источникам информации, поддерживающим привычный образ жизни, вопреки рекомендациям медицинского сообщества (ношение индивидуальных средств защиты, гигиена рук и т. д).

Анализ экспертных мнений показывает, что многие исследователи и медицинские работники относятся к инфодемии как к серьезному социально-психологическому заболеванию общества, способному усложнять борьбу с коронавирусной инфекцией и профилактику этого заболевания (и других инфекционных заболеваний в последующем). Эксперты отмечают рост числа информационных «фэйков» о рисках, причинности возникновения инфекции, вероятности заражения и тяжести последствий COVID-19. При этом они отмечают, что студенты являются группой населения, наиболее восприимчивой к инфодемии, активно включающейся в процесс трансляции «фейков» и их обсуждение, что косвенно влияет на повышение числа нарушений мер индивидуальной защиты.

Мониторинг социальных практик здоровьесбережения наблюдаемых групп, проводимый на протяжении периода распространения коронавирусной инфекции на территории региона, позволил выделить следующие особенности социальных практик студентов.

1. С ростом числа государственных противоэпидемических мероприятий, направленных на ограничение физического контакта населения (перевод учебных заведений на дистанционное обучение, закрытие предприятий общественного питания и развлекательных учреждений, торговых и досуговых организаций, в том числе являющихся центрами времяпрепровождения молодежи), среди ценностных установок молодых людей в отношении собственного здоровья наблюдалось смещение от инструментальных к терминальным ценностям (более сильное среди студентов, проживающих с родителями, чем среди проживающих в студенческом общежитии). Однако к концу семестра студенты акцентировали внимание на накопившейся усталости и демонстрировали значительную готовность нарушения режима самоизоляции и социального дистанцирования. Описывая ценность сохранения здоровья, молодые люди, аргументируя личное соблюдение профилактических мер, в

большинстве случаев ссылались на старших родственников (бабушек, дедушек), нежели на себя, из-за стремления сохранить здоровье родственникам (чем себе).

2. Молодые люди отмечали накопившуюся усталость к концу семестра и выражали намерение нарушить требования профилактики, особенно социального дистанцирования, несмотря на рост в регионе числа зараженных COVID-19. Большинство выразили намерение в каникулы «отдохнуть как следует», игнорируя ограничения.

3. Анализ оценочных суждений об эпидемии COVID-19 показывает наличие у молодежи сомнений в опасности коронавируса для жизни, при этом отмечается знание многих «фэйков» (информации, не подтвержденной официальными источниками).

4. Рассматривая позиции молодых людей относительно оценки опасности вируса для здоровья и наличия социальных практик здоровьесбережения (соблюдение социальной дистанции, использование средств индивидуальной защиты и др.), можно их классифицировать следующим образом: «Профилактикоориентированные», «Осторожно-тревожные. Информированные», «Осторожно-тревожные. Мнительные», «Демонстративные нарушители», «Ковид-десиденты», «Безразличные». Рассмотрим особенности моделей поведения и социальных практик здоровьесбережения групп студентов.

1. «Профилактикоориентированные» характеризуются следующими особенностями:

- высоко информированные о профилактике, рисках, лечении, исходах COVID-19;
- информацию ищут, проверяют, транслируют;
- используют средства индивидуальной защиты (СИЗ);
- стремятся соблюдать практики здорового образа жизни;
- чаще получают информацию из официальных СМИ, доверяют им;
- ориентированы на личную и общественную безопасность;
- участвуют в волонтерских мероприятиях.

Представители этой группы наиболее информированы, чаще стремятся соблюдать практики здорового образа жизни, чаще получают информацию из официальных СМИ и верят их мнению. Студенты, проживающие с родителями и соблюдающие режим самоизоляции, в речи демонстрировали отсылку к мнениям родителей и их требованиям к самосохранительному поведению (преобладали фразы «родители запретили», «мама говорит», «я делаю как мама» и т. д.), при этом большинство из них в апреле 2020 года отмечали свое следование мнениям и указаниям родителей (в отношении соблюдения мер профилактики), а в мае их число уменьшилось, хотя доля их по-прежнему осталась высока. Следовательно, значимость воспитательной роли родителей в трансляции ценностных ориентаций и убеждений

относительно здоровьесберегающих практик высока, что в целом влияет на формирование социальных представлений о здоровье, рисках и методах его сохранения.

2. «Осторожно-тревожные. Информированные»:
 - высокая тревожность;
 - хорошо знают, описывают «фэйки», но проверяют их;
 - замечают худшие события и сообщения о COVID-19;
 - склонны транслировать в соцсетях проверенную информацию наряду с «фейками»;
 - СИЗ используют в большинстве случаев.
3. «Осторожно-тревожные. Мнительные»:
 - высокая тревожность;
 - высказывают большое число опасений и описывают «фэйки»;
 - склонны верить непроверенной информации о худших событиях по COVID-19;
 - зачастую транслируют в соцсетях негативную информацию и «фейки»;
 - СИЗ используют в большинстве случаев для личной безопасности.
4. «Демонстративные нарушители»:
 - не верят в опасность вируса для здоровья;
 - не оценивают риск угрозы своей (или чужой) жизни;
 - меры профилактики не соблюдают и активно призывают следовать их мнению и позиции;
 - СИЗ не используют;
 - при социальном принуждении к использованию СИЗ демонстративно избегают, высказывают пренебрежение.
5. «Ковид-диссиденты»:
6. «Безразличные»:
 - о вирусе не думают, не ищут и не читают информацию;
 - избегают информации о коронавирусе;
 - СИЗ используют всегда при социальном принуждении;
 - высказывают безразличие о вероятности заражения себя и других.

Представители этой группы отмечают избегание информации о коронавирусе, не соотносят с собой вероятность заражения. Меры профилактики иногда используют.

Выводы

В условиях высокого риска для здоровья усиливается влияние родителей на детей, в том числе на студентов (проживающих совместно с родителями), что стимулирует групповое здоровьесберегающее поведение и актуализирует важность социального института семьи в сохранении здоровья и в передаче ценностей, трансляции моделей поведения и социальных практик здоровьесбережения.

- Молодежь является группой населения, наиболее восприимчивой к инфодемии, активно включающейся в процесс трансляции информации, не подтвержденной официальными источниками («фейков»), и ее обсуждение, что косвенно влияет на повышение числа нарушений мер профилактики, самоизоляции и ковид-дессидентства.

Актуально увеличение экспертного присутствия в социальных медиа целевых молодежных групп. Понимание взаимосвязи между здоровьем, информацией, коммуникациями и технологиями становится одним из наиболее важных аспектов ответных мер общественного здравоохранения на пандемию.

- Актуально развитие у студентов навыков проверки информации для противостояния дезинформации.
- Необходимы стимулирование и изучение цифровой культуры молодежи (инструменты и источники информации; условия цифрового участия; доверие и прозрачность; медиа и информационная грамотность; санитарная грамотность — все это элементы, которые влияют на устойчивость к неверной информации).
- Инфодемический аспект следует рассматривать как основу интегративного подхода к общественному здравоохранению в сложных обществах знаний. Требуется осмысление научнообоснованных подходов к управлению инфодемией.
- Вовлечение родителей в экспертные сообщества может быть эффективным инструментом в преодолении инфодемии. Распространение достоверной профилактической информации в широком спектре онлайн — СМИ позволит различным группам населения осуществить выбор верных мер профилактики и способствовать формированию социальных практик здоровьесбережения.

Библиографический список

- [1] Исследование ценностных ориентаций М. Рокича. – Текст : электронный. – URL: <https://psychojournal.ru/tests/479-issledovanie-cennostnyh-orientaciy-mrokicha.html> (дата обращения 30.10.2020). – Дата публикации: 22 октября 2015.
- [2] Устав (конституция) Всемирной организации здравоохранения. – Текст : электронный. – URL: https://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf (дата обращения: 30.10.2020).
- [3] Шугальский, С. С. Социальные практики : интерпретация понятия / С. С. Шугальский. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 276–280.
- [4] Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые ; общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 562 с. – (Gallicinium). – Текст : непосредственный.
- [5] Коронавирус COVID-19. – Текст : электронный. – URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019%E2%80%8E> (дата обращения: 30.10.2020).
- [6] Пандемия коронавирусного заболевания (COVID-19). – Текст : электронный. – URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/novel-coronavirus-2019-ncov> (дата обращения: 30.10.2020).
- [7] 1-я конференция ВОЗ по инфодемиологии. 30 июня — 16 июля 2020 г. – Текст : электронный. – URL: <https://www.who.int/news-room/events/detail/2020/06/30/default-calendar/1st-who-infodemiology-conference> (дата обращения: 30.10.2020).
- [8] Панель управления ВОЗ коронавирусной болезнью (COVID-19). – Текст : электронный. – URL: <https://covid19.who.int/> (дата обращения: 30.10.2020).
- [9] Coronavirus (COVID-19). – Текст : электронный. – URL: <https://coronavirus-monitor.ru/coronavirus-v-tyumenskoj-oblasti/> (дата обращения: 30.10.2020).

- [10] Рекомендации ВОЗ для населения в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19). – Текст : электронный. – URL: <http://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public> (дата обращения 30.10.2020).
- [11] Правила профилактики коронавирусной инфекции. – Текст : электронный. – URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/region/korono_virus/koron_pnk.php?clear_cache=Y (дата обращения 30.10.2020).
- [12] Все о коронавирусе. – Текст : электронный. – URL: <https://стопкоронавирус.рф/about-covid/#prevention> (дата обращения 30.10.2020).
- [13] Грузд, А. Схема кодирования типов дезинформации COVID-19, версия 2.0. Лаборатория социальных сетей, Торонто, Университет Райерсона / А. Грузд, П. Май. – Текст : электронный. – URL: <https://covid19misinfo.org/misinfowatch> (дата обращения 30.10.2020).

References

- [1] Issledovanie tsennostnykh orientatsiy M. Rokicha. (2015). Available at: <https://psychojournal.ru/tests/479-issledovanie-cennostnyh-orientatsiy-mrokicha.html>. (In Russian).
- [2] Constitution (constitution) of the World health organization. Available at: https://www.who.int/governance/eb/who_constitution_en.pdf.
- [3] Shugalsky, S. S. (2012). Social practices: an interpretation of the concept. Knowledge. Understanding. Skill, (2), pp. 276-280. (In Russian).
- [4] Bourdieu, P. (1980). Le Sens Pratique. Les Editions de Minuit, Paris. (In French).
- [5] Coronavirus disease (COVID-19) pandemic. (In English). Available at: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019%E2%80%8E>
- [6] Coronavirus disease (COVID-19) pandemic. (In English). Available at: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/novel-coronavirus-2019-ncov>
- [7] 1st WHO Conference on Infodemiology. (In English). Available at: <https://www.who.int/news-room/events/detail/2020/06/30/default-calendar/1st-who-infodemiology-conference>.
- [8] WHO Coronavirus Disease Control Panel (COVID-19). (In English). Available at: <https://covid19.who.int/>
- [9] Coronavirus (COVID-19). (In English). Available at: <https://coronavirus-monitor.ru/coronavirus-v-tyumenskoj-oblasti/>
- [10] WHO recommendations for the population in connection with the spread of coronavirus infection (COVID-19). (In English). Available at: <http://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public>
- [11] Coronavirus prevention rules. (In English). Available at: https://www.rospotrebnadzor.ru/region/korono_virus/koron_pnk.php?clear_cache=Y
- [12] All about the coronavirus. (In English). Available at: <https://стопкоронавирус.рф/about-covid/#prevention>

- [13] Gruzd, A., & May, P. COVID-19 Disinformation Type Coding Scheme, Version 2.0. Social Media Lab, Toronto, Ryerson University. (In English). Available at: <https://covid19misinfo.org/misinfowatch>

Получена / Submitted: 21/01/2021

Доработана / Revised: 25/01/2021

Принята к публикации / Accepted: 01/02/2021

УДК 316.472.4

Возраст пользователя и самораскрытие в профиле социальной сети «ВКонтакте»

Ирина Валерьевна Сапон¹, Дмитрий Евгеньевич Леденев²

¹*Кафедра социологии, политологии и психологии, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск, Россия*

²*Факультет информатики и вычислительной техники, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск, Россия*

Аннотация. Самораскрытие является важным элементом социального взаимодействия, однако с приходом социальных сетей оно претерпело существенные изменения. В связи с этим возникает необходимость в изучении его особенностей в новой среде. Весьма спорным на данный момент остается вопрос о наличии связи между демографическими характеристиками пользователя и уровнем его самораскрытия. Цель данной статьи — выявить, оказывает ли влияние возраст пользователя на частоту раскрытия различных типов информации в профиле социальной сети «ВКонтакте». Теоретической основой работы является теория управления приватностью в коммуникации Сандры Петронио, которая рассматривает самораскрытие как часть процесса управления границами приватности. Мы проверяем предположение теории о том, что с возрастом границы приватности людей могут изменяться. В качестве метода исследования был выбран контент-анализ личных страниц социальной сети «ВКонтакте», который позволил выявить частоту раскрытия по 27 типам информации у 1 658 пользователей в возрасте от 22 до 42 лет. Было обнаружено, что возраст оказывает влияние на раскрытие 17 из 27 типов личных данных в профиле. Полученные результаты вносят вклад в понимание того, как пользователи управляют приватностью своих данных в таком уникальном пространстве, как профиль социальной сети.

Ключевые слова: приватность, персональные данные, теория управления приватностью.

Age differences in self-disclosure on the profile of a social network site: a case of VKontakte

Irina V. Sapon¹, Dmitry E. Ledenev²

¹*Department of the Faculty of Humanities, Siberian State University of Telecommunications and Informatics, Novosibirsk, Russia*

²*Faculty of Information Science and Computer Engineering, Siberian State University of Telecommunications and Informatics, Novosibirsk, Russia*

Abstract. Self-disclosure is an important element of social interaction, but it has undergone significant changes with the spread of social network sites. It is therefore necessary to study the characteristics of self-disclosure in this context and to identify the factors influencing it. At the moment, it remains unclear what is the relationship between the user's demographic characteristics and the self-disclosure process. The aim of the article is to determine how user's age influences the disclosure of information in the profile of VKontakte. The study was based on Sandra Petronio's Communication Privacy Management theory, which considers the self-disclosure process from the point of view of managing the privacy boundaries. In this article, we test the theoretical assumption that the metaphorical privacy boundaries change with age. We used content analysis personal pages on VKontakte as a method of investigation to identify the disclosure frequency of 27 information types in 1 658 users aged 22 to 42 years old. Age has been found to influence the disclosure of 17 of the 27 possible information types in profile. These results contribute to the understanding of privacy in such a unique space as a social network site profile.

Keywords: privacy, personal data, communication privacy management theory.

Введение

В эпоху социальных сетей проблема приватности личных данных становится одной из важнейших проблем современности. Социальные сети, являясь наиболее популярными и удобными платформами для общения, способствуют распространению большого количества личных данных пользователей [1]. Они позволяют моментально, почти «в один клик» поделиться информацией о себе с любым количеством людей. Одним из таких способов является заполнение личного профиля — публичного пространства социальной сети, где можно разместить почти всю информацию о себе: город проживания, личные фото, электронную почту, номер телефона, мировоззрение, предпочтения в музыке, книгах или фильмах. Заполненный профиль играет важную роль в создании благоприятного образа и увеличивает доверие к персоне владельца. Раскрытие информации в профиле может помочь в поиске единомышленников: схожие интересы создают предпосылки к успешной коммуникации и развитию отношений [2].

Акцентируя внимание на преимуществах раскрытия личных данных, пользователи нередко публикуют гораздо больше информации о себе, чем они изначально планировали [3]. Однако наличие в сети большого количества персональных данных может таить в себе определенную угрозу. Пользователь может подвергнуться шантажу и мошенничеству, на основе его данных составляется психологический портрет личности для предложения микротаргентинговой рекламы. Изучение самораскрытия в профиле и факторов, оказывающих на него влияние, поможет приблизиться к пониманию поведения пользователей в социальных сетях и пролить свет на проблему распространения и использования персональных данных в современном мире.

На данный момент некоторые аспекты онлайн-самораскрытия изучены достаточно хорошо. За более чем 15 лет зарубежными социологами было приложено немало усилий к осмыслению данного феномена. Изучались типы раскрываемой информации в профиле [4; 5], культурные различия в онлайн-самораскрытии между пользователями разных стран [6; 7], мотивы самораскрытия в социальных сетях [8–10]. Тем не менее

существующих эмпирических исследований, которые рассматривают, как демографические характеристики пользователей влияют на количество и тип раскрываемой в профиле информации, недостаточно. Проведенное нами ранее исследование показало, что гендер оказывает определенное влияние на типы раскрываемой информации в профиле социальной сети «ВКонтакте». Статистически значимая разница наблюдалась в раскрытии 18 из 27 категорий информации, при этом большинство полей в профиле мужчины заполняли чаще женщин (особенно это касалось «Мировоззрения», «Музыкальных» и «Политических предпочтений») [11].

Являясь одной из основных демографических переменных, возраст пользователя также может оказывать значительное влияние на самораскрытие, что может быть обусловлено различиями в использовании интернет-пространства у людей разных возрастов, к примеру, разным отношением к формированию онлайн-идентичности [12].

Таким образом, цель настоящего исследования — проверить, оказывает ли возраст пользователя влияние на количество и тип раскрываемой информации в профиле российской социальной сети «ВКонтакте». Для этого мы сравним самораскрытие в профиле пользователей разных возрастов и оценим статистическую значимость выявленных различий. Полученные результаты могут быть интересны исследователям, изучающим вопросы приватности и поведение людей в онлайн-пространстве.

Обзор литературы

В отечественной литературе тема влияния возраста на самораскрытие в профиле социальной сети представлена недостаточно. Исследователи, которые затрагивают проблему раскрытия персональных данных в социальных сетях, зачастую не акцентируют внимание на профиле или не рассматривают влияние возраста [13; 14].

Одной из последних работ, наиболее близких к этой теме, можно назвать работу Я. Е. Синявской. В ней изучалась приватность пользователей различных поколений в социальных сетях. Показатели приватности рассчитывались на основе данных о количестве личной информации, которую сообщил о себе респондент в социальной сети для разных по степени «близости» категорий людей [15].

Несомненным достоинством работы является использование в качестве метода исследования контент-анализа личных страниц, который, по сравнению с опросом, позволяет объективнее изучить степень раскрытия личной информации в профиле. Минусом работы можно считать недостаточный, на наш взгляд, размер выборки — 188 пользователей социальной сети «ВКонтакте» в возрасте от 14 до 88 лет. Были выделены три поколения (по возрасту): 14–23; 24–50; 51–88 лет, куда вошли 92, 70 и 26 человек соответственно. При данном размере выборки, изучая частоту раскрытия различных типов информации, можно столкнуться с ситуацией, когда количество человек, заполнивших то или иное «поле» в профиле, меньше десятка или вовсе близко к нулю, что негативно сказывается на качестве анализа и выявлении возрастных различий в самораскрытии.

В зарубежных исследованиях последних лет, изучающих влияние возраста на самораскрытие в социальной сети, чаще всего рассматриваются записи на стене или статусы на личной странице. Результаты таких исследований противоречивы: в ряде работ отмечается, что возраст оказывает отрицательное влияние на степень саморас-

крытия [16; 17]; в других же обнаруживается, что с возрастом пользователи, наоборот, более склонны к раскрытию информации в социальных сетях [5].

В контексте самораскрытия в профиле следует выделить менее современную работу (2010 года), в которой рассматривалось влияние возраста на раскрытие определенных типов информации в профиле Facebook [18]. Контент-анализ включил в себя личную информацию 301 пользователя в возрасте от 19 до 47 лет. Данные были разделены на три категории: идентификационная информация (пол, возраст, город, фотография профиля), приватная информация (электронная почта, работодатель, должность, список подарков и список друзей) и потенциально стигматизирующая информация (религиозные и политические взгляды, интересы, деятельность). Результаты линейной регрессии показали, что возраст оказывал значимое влияние на частоту указания всех категорий информации. Плюсом данной работы является использование контент-анализа в качестве метода сбора данных и применение статистических методов анализа (линейной регрессии), что может говорить о высоком уровне представленных научных результатов.

В целом на данный момент исследований, которые изучали бы влияние возраста на самораскрытие в профиле социальной сети, недостаточно, как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Наша работа направлена на то, чтобы заполнить данный пробел.

Одной из важных теоретических основ данной работы является теория управления приватностью (ТУП) Сандры Петронио (Communication privacy management theory). Как показал проведенный нами в 2018 году обзор эмпирических исследований, данная теория помогает наиболее системно объяснить самораскрытие в социальных сетях [19]. К тому же ТУП высоко оценивают многие зарубежные исследователи [20; 21]. Она оказалась созвучной времени: определение приватности Сандры Петронио совпадает с актуальным в эпоху социальных медиа понятием информационной приватности и понимается как управление потоком личной информации, то есть способность человека контролировать, какая информация и при каких условиях станет известна другим или останется в тайне.

Теория рассматривает самораскрытие с точки зрения управления границами приватности (границами между частной и общественной информацией). Фундаментальным положением ТУП является утверждение о том, что люди обладают правом собственности на частную информацию, то есть считают, что владеют ею и могут решать: предоставлять другим доступ или отказывать им в праве владения.

Теория также дает наиболее широкое представление о факторах, влияющих на самораскрытие. Так, она постулирует, что границы приватности могут расширяться или сжиматься на разных этапах жизни человека [22]. Например, у подростков и взрослых существует тенденция расширения границ приватности, поскольку данные жизненные этапы характеризуются активным развитием новых отношений. А у пожилых людей наоборот границы приватности начинают сужаться, и они выражают большую обеспокоенность по поводу сохранения конфиденциальности информации [23].

Как известно, самораскрытие является важным структурным элементом построения взаимоотношений как в онлайн-, так и в оффлайн-пространстве. Согласно теории социального проникновения (Social penetration theory), близкие отношения между людьми выстраиваются в ходе их поочередного и последовательного самораскрытия [24]. Учитывая все вышесказанное, можно предположить, что молодые люди, находящиеся в процессе поиска и развития социальных отношений [25], являющиеся при этом

наиболее активными пользователями социальных медиа [26], раскрывают бóльшее количество сведений о себе на страницах социальных сетей, чем пользователи других возрастов.

Таким образом, в рамках данной статьи на примере раскрытия личных данных в профиле социальной сети «ВКонтакте» мы выявим, какое влияние оказывает возраст на онлайн-самораскрытие пользователя. Мы проверим следующие гипотезы:

1. Возраст пользователя оказывает влияние на раскрытие информации в профиле.
2. Молодые люди раскрывают бóльшее количество различных типов информации в профиле социальной сети, чем пользователи более зрелого возраста.

Материалы и методы

В июле 2018 года был проведен контент-анализ персональных страниц участников социальной сети «ВКонтакте» (входящих в список друзей одного из авторов) с целью определить, оказывает ли возраст пользователя влияние на его самораскрытие. С помощью автоматизированной системы сбора и обработки данных, реализованной на языке программирования Python, были получены данные 2 122 личных страниц пользователей социальной сети «ВКонтакте», добровольно раскрытые ими в публичном пространстве сети.

Рисунок 1. Возрастной состав 2 122 пользователей социальной сети «ВКонтакте»

Из полученного массива (рис. 1) для дальнейшего анализа были отобраны аккаунты пользователей в возрасте от 22 до 42 лет (в этом диапазоне количество человек одного возраста было представлено в достаточной мере, что позволяло проводить статистический анализ и делать обоснованные выводы). Выбор данного возрастного диапазона можно также объяснить тем, что именно эта категория людей является наиболее активной аудиторией социальной сети «ВКонтакте», что подтверждается результатами ежемесячного мониторинга активности пользователей, проводимого компанией Brand Analytics [27].

Итоговый массив данных включил 1 658 пользователей. Средний возраст составил 31,2 года ($SD = 4,69$), мужчин было несколько больше, чем женщин (856 против 802).

Далее мы проанализировали самораскрытие пользователей по 27 типам информации в профиле. В рамках нашего исследования учитывалась лишь частота раскрытия данных: наличие (1) или отсутствие (0) сведений в соответствующем поле; но не рассматривался объем самораскрытия (например, количество указанных слов) или его содержание (семантическое наполнение полей личной страницы).

Для оценки статистической значимости влияния возраста на самораскрытие использовался критерий хи-квадрат Пирсона (χ^2) для таблиц сопряженности. Мы разделили всех пользователей на 3 равные возрастные категории: 22–28; 29–35; 36–42 года, в которые вошли 490, 864 и 304 человек соответственно. Далее мы сравнили эти группы по средней частоте раскрытия каждого из 27 типов информации в профиле (было построено 27 таблиц сопряженности). Если вычисленное значение критерия хи-квадрат Пирсона по каждому типу информации превышало критическое (например, χ^2 критическое, равное 4,605 при $p = 0,1$ и $df = 2$), то гипотеза о независимости переменных отвергалась, а выявленные различия считались существенными на данном уровне статистической значимости. Это позволяло сделать вывод о существовании некоторой связи между переменными «возраст» и «самораскрытие».

Результаты и обсуждение

В социальной сети «ВКонтакте» пользователи могут раскрывать различные типы личной информации в профиле: интересы, образование, семейное положение, номер телефона. Для удобства предоставления данных мы разделили все типы информации на несколько категорий, согласно тому, как близко они находятся в интерфейсе данной социальной сети.

Так, категория «Основная информация» (табл. 1) включила в себя демографическую и контактную информацию пользователя, а также фотографию профиля и текущий «Статус».

Результаты проведенного анализа с применением критерия хи-квадрат Пирсона показали, что между рассмотренными возрастными группами пользователей существует значимая разница в частоте раскрытия трех типов информации: «Возраст», «Статус» и «Ссылки на другие соцсети». Но если частота публикации «Статуса» с возрастом увеличивается, то частота указания «Возраста», наоборот, уменьшается.

Таблица 1

Частота раскрытия категории «Основная информация», %

Единица анализа	22–28	29–35	36–42	Значение χ^2
Возраст	39,0	32,0	28,0	11,7***
Ссылки на другие соцсети	39,0	31,0	32,0	9,6***
Статус	57,0	63,0	67,0	8,8**
Город	83,0	86,0	87,0	2,5
Семейное положение	38,0	39,0	42,0	1,6
Аватар	78,0	76,0	77,0	1,1
Образование	69,0	68,0	70,0	0,5
Номер телефона	35,0	35,0	36,0	0,1

Примечание. *, **, *** — значимость на 10, 5 и 1 %-м уровнях соответственно ($df = 2$).

На данном этапе исследования этому сложно найти очевидное объяснение. Можем лишь выдвинуть некоторые предположения. Как показало одно из наших предыдущих исследований [28], поле «Статус» может содержать немалую долю рекламной информации (например, сведений о товарах и услугах). Предполагаем, что пользователи постарше чаще используют данную социальную сеть для профессиональной самопрезентации [29], в силу чего чаще заполняют графу «Статус» для рекламы товаров и услуг. Однако это утверждение требует проверки в будущих исследованиях.

Более редкое указание взрослыми пользователями (категория «36–42») своих данных в профиле в поле «Возраст», можно с некоторой осторожностью связать с темами эйджизма и возрастной идентичности. Учитывая, что «возрастная самопрезентация зависит от социального и исторического контекста» [30], а контекст социальных сетей все же предполагает молодежную среду, вероятно, что взрослые пользователи могут стараться избегать указания своей даты рождения. По крайней мере нам известны случаи, когда несовершеннолетние при ответах на вопросы анкеты или при заполнении полей профиля социальной сети намеренно завышали свой возраст, считая такую самопрезентацию более престижной и выгодной [29]. Аналогично этому предполагаем, что и пользователи постарше могут скрывать свой возраст в социальных сетях для того, чтобы соответствовать более «молодежному» социальному контексту данной онлайн-среды. Это утверждение также может стать гипотезой для проверки в последующих работах.

Как можно заметить, пользователи в возрасте 22–28 лет чаще других размещают в своем профиле «Ссылки на другие социальные сети». По нашему предположению, это может быть связано с тем, что молодежь, являясь самой активной аудиторией Интернета, по всей видимости, использует большее количество социальных сетей [26]. Вполне возможно, что повышенный интерес к различным социальным ресурсам у молодого поколения сопровождается и более частым указанием перекрестных ссылок на аккаунты в других социальных сетях.

Перейдем к следующим типам личных данных в профиле. В категорию «Жизненная позиция» вошла информация, отражающая взгляды и мировоззрение пользователя (табл. 2).

Таблица 2

Частота раскрытия категории «Жизненная позиция», %

Единица анализа	22–28	29–35	36–42	Значение χ^2
Мировоззрение	25,3	28,2	37,5	14,1***
Главное в людях	28,0	21,6	27,0	8,0**
Политические предпочтения	17,6	21,2	25,3	7,0**
Источники вдохновения	21,8	18,4	25,0	6,6**
Главное в жизни	29,0	23,1	28,0	6,5**
Отношение к курению	23,1	21,2	27,3	4,8*
Отношение к алкоголю	22,2	21,2	27,0	4,4

Примечание. *, **, *** — значимость на 10, 5 и 1 %-м уровнях соответственно ($df = 2$).

Наибольшая разница между тремя возрастными группами наблюдалась в раскрытии почти всех типов информации данной категории. Особенно заметно влияние возраста было на раскрытие таких типов информации, как «Мировоззрение», «Главное в людях», «Политические предпочтения». Чем это может быть обусловлено?

Заполнение полей «Мировоззрение» и «Политические предпочтения» в социальной сети «ВКонтакте» представляет собой раскрытие религиозных и политических взглядов. Для этого пользователь должен выбрать подходящий вариант из представленного списка (рис. 2) или указать собственный.

Рисунок 2. Варианты заполнения полей «Мировоззрение» и «Политические предпочтения» в социальной сети «ВКонтакте»

Как можно заметить, «Мировоззрение» и «Политические предпочтения» чаще указываются более зрелыми пользователями (категория «36–42»). Возможно, к этому возрасту индивиды уже точно определились со своими жизненными приоритетами, поэтому охотнее раскрывают данные типы информации. К тому же есть все основания полагать, что с возрастом у людей меняется отношение к политике и религии. В нескольких российских исследованиях было показано, что возраст положительно влияет на интерес к религиозной [31] и политической сферам жизни [32].

В следующую категорию «Интересы» вошла информация о предпочтениях пользователя в музыке, фильмах, играх и книгах. Также тут размещены сведения о роде деятельности и краткое описание себя (табл. 3).

Таблица 3

Частота раскрытия категории «Интересы», %

Единица анализа	22–28	29–35	36–42	Значение χ^2
О себе	24,5	33,7	37,8	18,6***
Деятельность	32,7	38,3	43,4	9,7***
Интересы	32,0	37,7	42,4	9,2***
Любимые книги	22,2	24,2	30,6	7,4**
Любимая музыка	25,7	28,4	34,2	6,7**
Любимые фильмы	23,1	26,5	28,3	3,1
Любимые цитаты	32,2	35,6	38,2	3,1
Любимые игры	17,3	20,0	21,4	2,3

Примечание. *, **, *** — значимость на 10, 5 и 1 %-м уровнях соответственно ($df = 2$).

Как можно заметить, статистически значимая разница была обнаружена в пяти типах информации данной категории. Особенно заметные отличия наблюдались при заполнении полей «О себе», «Деятельность» и «Интересы». Чем старше пользователь, тем в большей степени он был склонен раскрывать эти данные.

Надо сказать, что указанные поля, в отличие от других, требуют от пользователя больших временных и когнитивных затрат, так как заполняются им вручную (без выпадающего списка предлагаемых вариантов). То есть пользователи старшей возрастной категории готовы были потратить большее количество времени на заполнение данных полей. А для этого нужна была определенная мотивация.

Как было показано в одном из отечественных исследований, «полнота самораскрытия личности связана с широтой ее Я-концепции» [33]. С возрастом у человека утверждается система представлений о собственной личности [34], расширяется Я-концепция [33] и очерчивается круг интересов. Поэтому, вполне возможно, взрослые

пользователи, лучше понимая себя и свои интересы, имели больше возможностей и стимулов для самоописания. И данные поля профиля позволили им более подробно и точно рассказать о себе, своих интересах и деятельности.

Перейдем к последней категории данных, которая представляет собой контент, накопленный пользователем в процессе использования социальной сети (табл. 4). Доступ к каждому типу контента в профиле «ВКонтакте» регулируется отдельной настройкой приватности. К примеру, пользователь может предоставить доступ к «Фотографиям», на которых он был отмечен, или к списку своих «Подарков». Самораскрытие по данным типам информации рассматривается нами как наличие контента и одновременно предоставление сетевым друзьям права доступа к нему.

Таблица 4

Частота предоставления доступа к категории «Медиаконтент», %

Единица анализа	22–28	29–35	36–42	Значение χ^2
Список групп	41,8	52,8	57,9	23,2***
Фото с пользователем	44,3	49,7	59,5	17,5***
Список аудиозаписей	70,0	75,5	77,6	7,1**
Список подарков	59,4	62,6	65,5	3,1

Примечание. *, **, *** — значимость на 10, 5 и 1 %-м уровнях соответственно ($df = 2$).

Можно заметить, что более зрелые пользователи чаще других предоставляют доступ к своему медиаконтенту («Список групп», «Фото с пользователем», «Список аудиозаписей»). При этом в каждой последующей возрастной группе частота раскрытия увеличивается. Вероятно, молодые пользователи либо реже добавляют данный контент на свою страницу, либо чаще скрывают его настройками приватности.

Объяснить подобное поведение на данном этапе исследования сложно. Можно лишь предположить, что все три типа контента могут нести в себе опасность стигматизации. А, как известно, молодые люди в целом чаще используют настройки приватности в социальных сетях [15; 23]. Так, по нашему предположению, пользователи старшей возрастной категории («36–42») в большей степени готовы предоставлять доступ к «Фото с пользователем», так как у взрослых людей на фотографиях чаще могут быть изображены социально приемлемые темы (например, семья). В то время как молодые пользователи могут чаще закрывать доступ к данной информации: предпочитая «шумные компании», они могут опасаться того, что в сеть попадут не вполне приемлемые фотографии. По такой же причине молодые люди могут чаще скрывать «Список групп», где могут преобладать неформальные или стигматизирующие сообщества. Аналогичная ситуация может быть и со «Списком аудиозаписей»: в данный перечень зачастую могут попадать записи, наличие которых не хотелось бы показывать взрослым и значимым фигурам [35].

Выводы

В данной работе была предпринята попытка подтвердить предположение теории управления приватностью Сандры Петронио о том, что с возрастом у людей изменяются границы приватности. Для этого мы рассмотрели влияние возраста пользователя на количество и тип раскрываемой информации в профиле социальной сети «ВКонтакте». Мы установили, что возраст пользователя оказывает влияние на раскрытие 17 из 27 типов данных в профиле. Наибольшая разница между возрастными группами проявлялась в частоте заполнения полей: «Возраст», «Список групп», «О себе», «Фото с пользователем», «Мировоззрение». При этом, чем старше пользователи, тем в большей степени они склонны были раскрыть большинство категорий личных данных в профиле (исключение составили «Возраст» и «Ссылки на другие соцсети»: раскрытие данных типов информации более характерно для младших пользователей нашей выборки). Таким образом, можно сделать вывод, что с возрастом у людей действительно изменяются границы приватности, в частности, по отношению к некоторым типам информации в профиле социальной сети.

Однако, на наш взгляд, влияние возраста пользователя на самораскрытие в профиле может быть связано не только с тем, как с возрастом меняются интересы человека и его социальные потребности, но и с тем, как изменяется мода на приватность.

Взрослые пользователи из нашей выборки, скорее всего, зарегистрировались на начальном этапе становления данной социальной сети (в 2007–2008 годах), когда самораскрытие в профиле, так сказать, «вошло в моду». Как отмечали пользователи «ВКонтакте» в ходе проведенного нами ранее интервью, именно на этапе появления данной сети заполнять профиль было интересно. Молодые люди массово регистрировались и активно раскрывали информацию на личных страницах. Их интерес подогревался не только модой, но и техническим стимулом — системой рейтинга: заполненный профиль получал высокие баллы, и это давало пользователю определенные преимущества в данной сети. При этом, как отмечали многие респонденты, заполненный на начальном этапе становления сети профиль с течением времени редко подвергался изменениям, поэтому объем самораскрытия сохранился в нем почти в первоначальном виде [35].

Так как в социальной сети «ВКонтакте» существует минимальный возрастной порог вхождения (14 лет), можем предположить, что часть пользователей из возрастной группы 22–28 зарегистрировались и заполнили профиль не на начальном этапе появления данной сети, а несколько позже, когда пик популярности сети несколько снизился, а рейтинг аккаунтов был устранен (в 2010–2012 годах). Соответственно, у зарегистрировавшихся позже пользователей было меньше стимулов для заполнения информации в профиле.

Таким образом, вероятно, найденная нами разница в самораскрытии пользователей обусловлена также временем вхождения в сеть и соответствующей модой на приватность, существовавшей в данной онлайн-среде на момент регистрации пользователей.

Сравнивая полученные результаты с результатами зарубежных исследований, можно увидеть противоречия. Так в одной из работ, в которой рассматривалось самораскрытие в профиле Facebook, отмечалось: чем старше пользователь, тем в целом он меньше склонен раскрывать личную информацию и в большей степени проявляет обеспокоенность вопросами приватности [16; 18]. Возможно, отличия в полученных результа-

тах обусловлены тем, что в работах анализировались различные социальные сети в разные периоды их существования, а в выборку входили пользователи из разных географических и культурных областей. А, как известно, самораскрытие может сильно меняться в зависимости от культурной среды и контекста, в котором происходит коммуникация [22].

В данной работе можно выделить следующие ограничения.

Во-первых, неслучайная выборка: рассматривались пользователи, входящие в список друзей одного из авторов. Это затрудняет интерпретацию и не позволяет распространить полученные результаты на всех пользователей «ВКонтакте». Однако это позволило нам проанализировать наибольшее количество информации в профиле пользователей, так как она не была скрыта настройками приватности. К тому же такой подход помог нам исключить из выборки «ненастоящие» страницы, так как автор в той или иной степени был знаком со всеми пользователями, вошедшими в выборку.

Во-вторых, в силу того, что выборка включала только друзей автора, в нее попал ограниченный диапазон возрастов (22–42 года). Тем не менее данный диапазон охватил наиболее многочисленную возрастную группу пользователей социальной сети «ВКонтакте» [27].

Несмотря на приведенные недостатки, данное исследование может внести определенный вклад в изучение влияния возраста на самораскрытие в профиле и привлечь внимание к проблеме приватности личных данных в онлайн-пространстве.

В будущих исследованиях необходимо учесть вышеперечисленные недостатки и проанализировать влияние возраста на случайной выборке. Фактор случайности может обеспечить присутствие всех возрастных диапазонов, а полученные результаты можно будет распространить на всех пользователей социальной сети «ВКонтакте».

В дальнейших работах также важно применять не только количественные, но и качественные методы исследования. Это необходимо для изучения мотивов и особенностей самораскрытия пользователей разных возрастных категорий. Также стоит рассмотреть влияние на данный процесс и других факторов, таких как проведенное в сети время, цель использования социальной сети, семейное положение пользователя. Все это будет способствовать наиболее полному и глубокому пониманию процесса самораскрытия в профиле социальной сети и в онлайн-пространстве в целом.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках научного проекта № 19-411-543002 «Исследование самораскрытия в профиле на примере социальной сети “ВКонтакте”».

Библиографический список

- [1] Cheung, C. Self-disclosure in social networking sites : The role of perceived cost, perceived benefits and social influence / C. Cheung, Z. W. Y. Lee, T. K. H. Chan. – DOI 10.1108/IntR-09-2013-0192. – Текст : непосредственный // Internet Research. – 2015. – Vol. 25, Issue 2. – P. 279–299.

- [2] Baym, N. K. Socially mediated publicness : An introduction / N. K. Baym, D. Boyd. – DOI 10.1080/08838151.2012.705200. – Текст : непосредственный // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. – 2012. – Vol. 56, Issue 3. – P. 320–329.
- [3] Schouten, A. P. An experimental Test of Processes Underlying Self-Disclosure in Computer-Mediated Communication / A. P. Schouten, P. M. Valkenburg, J. Peter. – Текст : электронный // *Cyberpsychology : Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. – 2009. – Vol. 3, Issue 2. – URL: <https://cyberpsychology.eu/article/view/4227>.
- [4] Bevan-Dye, A. L. South African Generation Y students' self-disclosure on Facebook / A. L. Bevan-Dye, U. Akpojivi. – DOI 10.1177/0081246315602645. – Текст : непосредственный // *South African Journal of Psychology*. – 2016. – Vol. 46, Issue 1. – P. 114–129.
- [5] Wang, Y. C. Modeling Self-Disclosure in Social Networking Sites / Y. C. Wang, M. Burke, R. Kraut. – DOI 10.1145/2818048.2820010. – Текст : непосредственный // *Proceedings of the 19th ACM conference on Computer-Supported Cooperative Work & Social Computing*. – 2016. – P. 74–85.
- [6] Trepte, S. Cultural differences in social media use, privacy, and self-disclosure : research report on a multicultural study / S. Trepte, P. K. Masur. – 2016. – Текст : электронный. – URL: <http://opus.uni-hohenheim.de/volltexte/2016/1218/>.
- [7] Themes of Facebook Status Updates and Levels of Online Disclosure : The Case of University Students / S. Aljasir, A. Bajnaid, T. Elyas, M. Alnawasrah. – DOI 10.5430/ijba.v8n7p80. – Текст : непосредственный // *International Journal of Business Administration*. – 2017. – Vol. 8, Issue 7. – P. 80–97.
- [8] Febriawan, I. M. Convenient for Positive Expression : Role of Expressivity and Internet Use Motives to Online Self-disclosure / I. M. Febriawan. – Текст : непосредственный // *International Conference on Psychology and Multiculturalism 2017*. – Atma Jaya Catholic University of Indonesia (November, 2017). – P. 147–157.
- [9] Al-Kandari, A. Needs and Motives of Instagram Users that Predict Self-disclosure Use : A Case Study of Young Adults in Kuwait / A. Al-Kandari, S. R. Melkote, A. Sharif. – DOI 10.1177/0973258616644808. – Текст : непосредственный // *Journal of Creative Communications*. – 2016. – Vol. 11, Issue 2. – P. 85–101.
- [10] Crabtree, M. A. Extending the Dual Factor Model of Facebook Use: Social motives and network density predict Facebook use through impression management and open self-disclosure / M. A. Crabtree, D. R. Pillow. – DOI 10.1016/j.paid.2017.06.017. – Текст : непосредственный // *Personality and Individual Differences*. – 2018. – Vol. 133. – P. 34–40.
- [11] Сапон, И. В. Раскрытие личной информации в профиле социальной сети «ВКонтакте» / И. В. Сапон, Д. Е. Леденев. – Текст : непосредственный // *Устойчивое развитие науки и образования*. – 2018. – № 9. – С. 207–214.
- [12] Online and offline social networks : Use of social networking sites by emerging adults / K. Subrahmanyam, S. M. Reich, N. Waechter, G. Espinoza – DOI 10.1016/j.appdev.2008.07.003. – Текст : непосредственный // *Journal of applied developmental psychology*. – 2008. – Vol. 29, Issue 6. – P. 420–433.

- [13] Солдатова, Г. У. Персональные данные и дети : вопросы безопасности / Г. У. Солдатова, О. И. Теславская. – DOI: 10.1555/2409-3203-2017-0-12-92-102. – Текст : непосредственный // Эпоха науки. – 2017. – № 12. – С. 92–102.
- [14] Ефимова, Г. З. Влияние социальных сетей на личность / Г. З. Ефимова, Е. В. Зюбан. – Текст : электронный // Мир науки. Педагогика и психология. – 2016. – Т. 4, № 5. – URL: <https://mir-nauki.com/vol4-5.html>. – Дата публикации: 7 ноября 2016.
- [15] Синявская, Я. Э. Отношение к приватности в социальных сетях у людей разных поколений : специальность 030300 «Психология», основная образовательная программа «Социальная психология» : диссертация на соискание степени магистра. – Санкт-Петербург, 2016. – 129 с. – Текст : непосредственный.
- [16] Age differences in privacy attitudes, literacy and privacy management on Facebook / M. Kezer, B. Sevi, Z. Cemalcilar, L. Baruh. – Текст : электронный // Cyberpsychology : Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. – 2016. – Vol. 10, Issue 1. – URL: <https://doi.org/10.5817/cp2016-1-2>.
- [17] Li, K. An empirical analysis of users' privacy disclosure behaviors on social network sites / K. Li, Z. Lin, X. Wang. – DOI 10.1016/j.im.2015.07.006. – Текст : непосредственный // Information & Management. – 2015. – Vol. 52, Issue 7. – P. 882–891.
- [18] Nosko, A. All about me : Disclosure in online social networking profiles : The case of FACEBOOK / A. Nosko, E. Wood, S. Molema. – DOI 10.1016/j.chb.2009.11.012. – Текст : непосредственный // Computers in Human Behavior. – 2010. – Vol. 26, Issue 3. – P. 406–418.
- [19] Сапон, И. В. Самораскрытие пользователей в социальных сетях : теоретический обзор / И. В. Сапон, Д. Е. Леденев. – Текст : непосредственный // Вестник НГУЭУ. – 2018. – № 3. – С. 267–288.
- [20] Margulis, S. T. Three Theories of Privacy : An Overview / S. T. Margulis. – DOI 10.1007/978-3-642-21521-6_2. – Текст : непосредственный // Privacy Online : Perspectives on Privacy and Self-Disclosure in the Social Web / Edited by S. Trepte, L. Reinecke. – Springer, Berlin, Heidelberg, 2011. – P. 9–17.
- [21] Masur, P. K. Situational Privacy and Self-Disclosure : Communication processes in online environments / P. K. Masur. – DOI 10.1007/978-3-319-78884-5. – Springer, 2018. – 394 p. – Текст : непосредственный.
- [22] Petronio, S. Boundaries of Privacy : Dialectics of Disclosure / S. Petronio. – State University of New York Press, Albany, 2002. – 231 p. – Текст : непосредственный.
- [23] Litt, E. Understanding social network site users' privacy tool use / E. Litt. – DOI 10.1016/j.chb.2013.01.049. – Текст : непосредственный // Computers in Human Behavior. – 2013. – Vol. 29, Issue 4. – P. 1649–1656.
- [24] Altman, I. Social penetration : the development of interpersonal relationships / I. Altman, D. Taylor. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1973. – 212 p. – Текст : непосредственный.
- [25] Van den Broeck, E. Older and Wiser? Facebook Use, Privacy Concern, and Privacy Protection in the Life Stages of Emerging, Young, and Middle Adulthood / E. Van den Broeck, K. Poels, M. Walrave. – Текст : электронный // Social Media + Society. – 2015. – Vol. 1, Issue 2. – URL: <https://doi.org/10.1177/2056305115616149>.

- [26] Волков, Д. Российский медиа-ландшафт 2019 : телевидение, пресса, интернет и социальные сети / Д. Волков, С. Гончаров. – Текст : электронный. – URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/08/LevadaMedia2019-1.pdf> (дата обращения: 30.11.2020). – Дата публикации: 1 августа 2019.
- [27] Brand Analytics. Статистика социальных сетей. – Текст : электронный. – URL: <https://br-analytics.ru/statistics/author/> (дата обращения: 30.11.2020).
- [28] Сапон, И. В. Виртуальная личность: сетевой эффект самораскрытия / И. В. Сапон, Д. Е. Леденев. – DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-3. – Текст : непосредственный // Научный результат. Социология и управление. – 2020. – Т. 6, №. 2. – С. 36–50.
- [29] Сапон, И. В. Особенности самораскрытия в профиле социальной сети у пользователей различных поколений (X, Y, Z) / И. В. Сапон, Д. Е. Леденев. – Текст : непосредственный // Психология человека и общества. – 2020. – № 3 (20). – С. 33–40.
- [30] Григорьева, И. А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера / И. А. Григорьева. – DOI 10.21064/WinRS.2018.1.1. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе. – 2018. – №. 1. – С. 5–18.
- [31] Нусхаева, Б. Б. Религия : по рождению или сознательный выбор? / Б. Б. Нусхаева. – DOI: 10.22162/2500-1523-2017-11-206-215. – Текст : непосредственный // Монголоведение (Монгол судлал). – 2017. – № 11 (11). – С. 206–215.
- [32] ФОМ. Интерес к событиям в политике. Какие события политической жизни обсуждают россияне в последнее время? – Текст : электронный. – URL: <https://fom.ru/Politika/13668> (дата обращения: 30.11.2020). – Дата публикации: 29 августа 2017.
- [33] Перепелица, Н. В. Самораскрытие взрослых людей и его связь с Я-концепцией : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Перепелица Наталья Валерьевна. – Ростов-на-Дону, 2003. – 222 с. – Текст : непосредственный.
- [34] Блохина, Т. С. Соотношение понятий «Я-концепция» и «образ Я» / Т. С. Блохина. – Текст : непосредственный // Акмеология. – 2017. – № 3 (63). – С. 23–28.
- [35] Сапон, И. В. Приватность данных в профиле социальной сети : интервью с пользователями «ВКонтакте» / И. В. Сапон, Д. Е. Леденев. – Текст : непосредственный // Психология человека и общества. – 2020. – №. 2. – С. 23–28.

References

- [1] Cheung, C., Lee, Z. W. Y., & Chan, T. K. H. (2015). Self-disclosure in social networking sites: The role of perceived cost, perceived benefits and social influence. *Internet Research*, 25(2), pp. 279-299. (In English). DOI: 10.1108/IntR-09-2013-0192
- [2] Baym, N. K., & Boyd, D. (2012). Socially mediated publicness: An introduction. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 56(3), pp. 320-329. (In English). DOI: 10.1080/08838151.2012.705200

- [3] Schouten, A. P., Valkenburg, P. M., & Peter, J. (2009). An experimental Test of Processes Underlying Self-Disclosure in Computer-Mediated Communication. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 3(2). (In English). Available at: <https://cyberpsychology.eu/article/view/4227>
- [4] Bevan-Dye, A. L., & Akpojivi, U. (2016). South African Generation Y students' self-disclosure on Facebook. *South African Journal of Psychology*, 46(1), pp. 114-129. (In English). DOI: 10.1177/0081246315602645
- [5] Wang, Y. C., Burke M., & Kraut, R. (2016). Modeling self-disclosure in social networking sites. *Proceedings of the 19th ACM Conference on Computer-Supported Cooperative Work & Social Computing*, pp. 74–85. (In English). DOI: 10.1145/2818048.2820010
- [6] Trepte, S., & Masur P. K. (2016). Cultural differences in social media use, privacy, and self-disclosure : research report on a multicultural study. (In English). Available at: <http://opus.uni-hohenheim.de/volltexte/2016/1218/>
- [7] Aljasir, S., Bajnaid, A., Elyas, T., & Alnawasrah, M. (2017). Themes of Facebook Status Updates and Levels of Online Disclosure: The Case of University Students. *International Journal of Business Administration*, 8(7), pp. 80-97. (In English). DOI: 10.5430/ijba.v8n7p80
- [8] Febriawan I. M. (2017). Convenient for Positive Expression: Role of Expressivity and Internet Use Motives to Online Self-disclosure. *International Conference on Psychology and Multiculturalism 2017*. Atma Jaya Catholic University of Indonesia (November, 2017), pp. 147–157. (In English).
- [9] Al-Kandari, A., Melkote, S. R., & Sharif, A. (2016). Needs and Motives of Instagram Users that Predict Self-disclosure Use: A Case Study of Young Adults in Kuwait. *Journal of Creative Communications*, 11(2), pp. 85-101. (In English). DOI: 10.1177/0973258616644808
- [10] Crabtree, M. A., & Pillow, D. R. (2018). Extending the Dual Factor Model of Facebook Use: Social motives and network density predict Facebook use through impression management and open self-disclosure. *Personality and Individual Differences*, 133, pp. 34-40. (In English). DOI: 10.1016/j.paid.2017.06.017
- [11] Sapon, I. V., & Ledenev, D. E. (2018). Self-disclosure in the social network VKontakte. *Sustainable development of science and education*, (9), pp. 207-214. (In English).
- [12] Subrahmanyam, K., Reich, S. M., Waechter, N., & Espinoza, G. (2008). Online and offline social networks: Use of social networking sites by emerging adults. *Journal of applied developmental psychology*, 29(6), pp. 420-433. (In English). DOI: 10.1016/j.appdev.2008.07.003
- [13] Soldatova, G. U., & Teslavskaya, O. I. (2017). Personal data and children: issues of safety. *Era of science*, (12), pp. 92-102. (In Russian). DOI: 10.1555/2409-3203-2017-0-12-92-102
- [14] Efimova, G. Z., & Zyuban, E. V. (2016). Impact of the social networks on the individual. *World of science: Pedagogy and psychology*, (4(5)). (In Russian). Available at: <https://mir-nauki.com/vol4-5.html>
- [15] Sinyavskaya, Ya. E. (2016). Otnoshenie k privatnosti v sotsial'nykh setyakh u lyudey raznykh pokoleniy. Diss. ... master's degree. St. Petersburg, 129 p. (In Russian).

- [16] Kezer, M., Sevi, B., Cemalcilar, Z., & Baruh, L. (2016). Age differences in privacy attitudes, literacy and privacy management on Facebook. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 10(1). (In English). Available at: <https://doi.org/10.5817/cp2016-1-2>
- [17] Li, K., Lin, Z., & Wang, X. (2016). An empirical analysis of users' privacy disclosure behaviors on social network sites. *Information & management*, 52(7), pp. 882-891. (In English). DOI: 10.1016/j.im.2015.07.006
- [18] Nosko, A., Wood, E., & Molema, S. (2010). All about me: Disclosure in online social networking profiles: The case of Facebook. *Computers in Human Behavior*, 26(3), pp. 406-418. (In English). DOI: 10.1016/j.chb.2009.11.012
- [19] Sapon, I. V., & Ledenev, D. E. (2018). Self-disclosure on social network sites: A theoretical review. *Vestnik NSUEM*, 3, pp. 261-288. (In Russian).
- [20] Margulis, S. T. (2011). *Three Theories of Privacy: An Overview. Privacy Online: Perspectives on Privacy and Self-Disclosure in the Social Web*. Springer, Berlin, Heidelberg, pp. 9-17. (In English). DOI 10.1007/978-3-642-21521-6_2.
- [21] Masur, P. K. (2018). *Situational Privacy and Self-Disclosure: Communication processes in online environments*. Springer, 394 p. (In English). DOI: 10.1007/978-3-319-78884-5
- [22] Petronio, S. (2002). *Boundaries of Privacy: Dialectics of Disclosure*. State University of New York Press, Albany, 231 p. (In English).
- [23] Litt E. (2013). Understanding social network site users' privacy tool use. *Computers in Human Behavior*, pp. 1649-1656. (In English). DOI: 10.1016/j.chb.2013.01.049
- [24] Altman, I., & Taylor, D. (1973). *Social penetration: the development of interpersonal relationships*. New York, Holt, Rinehart & Winston, 212 p. (In English).
- [25] Van den Broeck, E., Poels, K., & Walrave, M. (2015). Older and Wiser? Facebook Use, Privacy Concern, and Privacy Protection in the Life Stages of Emerging, Young, and Middle Adulthood. *Social Media + Society*, 1(2). (In English). Available at: <https://doi.org/10.1177/2056305115616149>
- [26] Volkov, D., & Goncharov, S. (2019). Russian media landscape 2019: television, press, Internet and social network sites. (In Russian). Available at: <https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2019/08/LevadaMedia2019-1.pdf>
- [27] Brand Analytics. The statistics of social networks. (In Russian). Available at: <https://brand-analytics.ru/statistics/author/>
- [28] Sapon, I. V., & Ledenev, D. E. (2020). Virtual Identity: The Network Effect of Self-Disclosure. *Research Result. Sociology and management*, 6(2), pp. 36-50. (In Russian). DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-3
- [29] Sapon, I. V., & Ledenev, D. E. (2020). Features of self-disclosure in the social network profile of users of different generations (X, Y, Z). *The psychology of human behaviour and society*, (3), pp. 33-40. (In Russian).
- [30] Grigorieva, I. A. (2018). Elderly women: over the hill - age-and gender-wise. *Women in Russian society*, (1), pp. 5-18. (In Russian). DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.1
- [31] Nuskhaeva, B. B. (2017). Religion: the One by Birth or a Conscious Choice? *Mongol studies*, (11(11)), pp. 206-215. (In Russian). DOI: 10.22162/2500-1523-2017-11-206-215

- [32] FOM. Interes k sobytiyam v politike. Kakie sobytiya politicheskoy zhizni obsuzhdayut rossiyanе v poslednee vremya? (In Russian). Available at: <https://fom.ru/Politika/13668>
- [33] Perepelitsa, N. V. (2003). Samoraskrytie vzroslykh lyudey i ego svyaz' s YA-kontseptsiey. Diss. ... kand. psikholog. nauk. Rostov on Don, 222 p. (In Russian).
- [34] Blokhina, T. S. (2017). The interrelationship between "Self-conception" and "Self-image" concepts. *Akmeologiya*, (3(63)), pp. 23-28. (In Russian).
- [35] Sapon, I. V., & Ledenev, D. E. (2020). Privacy of data in a social network profile: interviews with V Kontakte users. *Psychology of human and society*, (2), pp. 23-28. (In Russian).

Получена / Submitted: 11/06/2020

Доработана / Revised: 30/11/2020

Принята к публикации / Accepted: 09/12/2020

УДК 394:314.15

Развитие регионального бизнес-сообщества в период пандемии COVID-19: корректировка или смена парадигмы?

Сергей Геннадьевич Симонов

Кафедра экономики и организации производства, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Дана характеристика региональному бизнес-сообществу и его элементам — крупному бизнесу, местному бизнес-сообществу и этническому бизнесу. Раскрыто содержание двух основных стратегий развития регионального бизнес-сообщества в условиях пандемии коронавируса: стратегии, основанной на динамической устойчивости, и стратегии выживания. Сформулированы гипотезы, верификация которых осуществлялась в рамках проведенного исследования. Выявлены особенности протекания первой волны пандемии COVID-19 в российских регионах. Представлены результаты социологического исследования 2020 года в рамках научного сообщества «Социальная ответственность бизнеса» (г. Тюмень). В исследовании приняли участие субъекты регионального бизнес-сообщества, местных органов власти Тюменской области, региональный социум, а также представители диаспор региона. Предпринята попытка оценить потери среднего и малого бизнеса и сравнить их с потерями крупных ретейлеров. Определены факторы, повлиявшие на состояние бизнеса в ретейле в условиях первой волны пандемии коронавируса, и ранг их значимости. Проанализирован дефицит работников из числа трудовых мигрантов, вынужденных вернуться на родину в силу эпидемиологической ситуации в российских регионах и ужесточения законодательных мер. Дана оценка ограничительным мерам по работе ретейлерских компаний в период COVID-19. Изучены изменения потребительского поведения российского социума в условиях пандемии коронавируса. Рассмотрены стратегические пути оптимизации потерь, понесенных в период первой волны пандемии COVID-19. Обоснованы бизнес-процессы, нуждающиеся в перестройке, подобраны адекватные каждому из них наборы инструментов. Указаны важнейшие социально-экономические эффекты преодоления субъектами регионального бизнес-сообщества негативных последствий первой волны пандемии коронавируса.

Ключевые слова: крупный, средний и малый бизнес, региональное бизнес-сообщество, этнический бизнес, местное бизнес-сообщество, ретейлеры, потребительский рынок, трудовые мигранты, пандемия коронавируса.

Development of the regional business community during the COVID-19 pandemic: adjustment or change of the paradigm?

Sergey G. Simonov

Department of Economics and Organization of Production, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. The article deals with the characteristics of the regional business community and its elements - big business, local business community and ethnic business. The text gives valuable information on two main strategies for the development of the regional business community in the coronavirus pandemic: a strategy based on dynamic resilience and a survival strategy. Hypotheses were formulated, the verification of which was carried out within the framework of the study. The features of the course of the first wave of the COVID-19 pandemic in Russian regions have been identified. The results of sociological research in 2020 within the framework of the scientific community "Social Responsible Business" (Tyumen) are presented. The study involved subjects of the regional business community, local authorities of Tyumen region, regional society, as well as representatives of the region's diasporas. An attempt was made to assess the losses of medium and small businesses and compare them with the losses of large retailers. The factors that influenced the state of the retail business during the first wave of the coronavirus pandemic and the rank of their significance were determined. The article analyzes the shortage of workers from among labor migrants forced to return to their homeland due to the epidemiological situation in Russian regions and tightening of legislative measures. The assessment of restrictive measures for the work of retailers during the period of COVID-19 is given. Changes in consumer behavior of the Russian society in coronavirus pandemic have been studied. Strategic ways to optimize losses incurred during the first wave of the COVID-19 pandemic are considered. Business processes that need restructuring have been substantiated, and sets of tools adequate to each of them have been selected. The author of the article indicates the most important socio-economic effects of overcoming the negative consequences of the first wave of the coronavirus pandemic by the subjects of the regional business community.

Keywords: large, medium and small business, regional business community, ethnic business, local business community, retailers, consumer market, labor migrants, coronavirus pandemic.

Введение

В настоящее время экономическое пространство на уровне региона представляет собой территорию конкурентного взаимодействия бизнеса крупного, среднего и малого форматов, вместе образующих региональное бизнес-сообщество. Строго говоря, функционал крупного бизнеса не вписывается в рамки отдельно взятого региона. Однако его интересы могут быть связаны с территорией последнего, в силу чего становятся неизбежными разного рода взаимодействия со средним и малым бизнесом.

Известно, что «вотчиной» среднего и малого бизнеса или, как часто его называют, бизнеса «второго эшелона» [1; 2], является региональное пространство. Именно здесь он чувствует себя вполне уверенно и готов конкурировать даже с крупными бизнес-структурами. Сегодня на уровне региона бизнес «второго эшелона» в основном представлен предприятиями местного бизнес-сообщества и этнического бизнеса.

В современной трактовке местное бизнес-сообщество объединяет субъектов малых и средних форм хозяйствования, индивидуальных предпринимателей и даже определенный сегмент экономически неактивного населения (самозанятых, представителей домохозяйств, личных и подсобных хозяйств и т. п.) и характеризуется целым рядом специфических черт, дополняющих общий социальный портрет данного феномена:

- местное бизнес-сообщество наднационально, то есть его представителями могут быть люди любой национальности, этнической принадлежности;
- местное бизнес-сообщество обладает своей сложившейся региональной (местной) культурой заключения сделок, взаимоотношения с потребителями, делового общения на уровне входящих в сообщество бизнес-структур и пр.;
- местное бизнес-сообщество за годы становления выработало свои правила поведения с региональными и муниципальными органами власти и обладает определенным уровнем доверия последних;
- местное бизнес-сообщество во взаимоотношениях с крупным бизнесом, функционирующим на данном потребительском рынке региона, использует две стратегии обеспечения экономической безопасности в зависимости от сложившейся рыночной ситуации: стратегию адекватного ответа и стратегию «удочерения» [3].

Что касается этнического бизнеса, то по своей структуре он представлен двумя группами субъектов.

- Первую из них образуют внешние мигранты (в основном выходцы из стран Средней Азии и Китая). Их появление в регионе обусловило возникновение этнического диссонанса, связанного с плохим знанием русского языка, обычаев и культуры коренных народов территории пребывания, с невосприятием хозяйствующих субъектов ввиду их религиозных убеждений или конфессиональной принадлежности и даже с личной неприязнью.
- Вторую группу формируют внутренние мигранты (в большинстве выходцы из республик Северного Кавказа). Данным хозяйствующим субъектам присущи чуть ли не генетически заложенная коммерческая жилка, знание рыночных рисков и правильная их оценка, межэтническая солидарность, способность эффективно работать с наличкой и пр.

Добавим, что этнический бизнес, функционирующий в условиях неопределенности и высокого риска, не имеет большой возможности реально себя позиционировать в ходе конкурентной борьбы с местными и прочими предпринимателями. По нашему мнению, подобное способствует тому, что в большинстве регионов страны он присутствует не только в легальном, но и теневом секторах экономики, ибо по своим масштабам представлен средними, малыми и микропредприятиями, деятельность которых не столь прозрачна, как деятельность крупных компаний. Как известно, специфика теневого сектора такова, что деятельность представленных здесь бизнес-структур легитимна, однако получаемые доходы последние частично или полностью скрывают. Такие возможности субъектов этнического бизнеса действовать в «тени» связаны с распылением хозяйственной деятельности на основе мобильной торговой инфраструктуры, начиная от дискаунтеров, павильонов и киосков по продаже овощей и фруктов и заканчивая разъездной торговлей, торговыми палатками и даже уличной торговлей.

Представляется, что для обеспечения безопасности своей хозяйственной деятельности этническим бизнес-структурам необходима консолидация с представителями других групп регионального социума, а также поиск рыночных ниш для диверсификации своего бизнеса [4].

До начала пандемии коронавируса стратегия развития регионального бизнес-сообщества в целом была направлена на обретение им на потребительских рынках региона *динамической устойчивости*, находящей свое выражение в успешном противостоянии «чужим» (недавно появившимся здесь) ретейлерским компаниям, известной защищенности традиционных для субъектов хозяйствования данного региона рыночных сегментов, лояльности местного населения и органов власти на местах, стабильном наличии хозяйственных ниш для тактического маневра (временного ухода в «тень», «удочерения» более успешной бизнес-структурой и пр.).

Лавинообразный характер протекания первой волны COVID-19 в корне изменил рыночную ситуацию на всем региональном пространстве. Пандемия коронавируса уже к середине апреля 2020 года вышла за рамки сугубо медицинской проблемы и повлекла за собой огромные потери российского бизнеса. Особенно, на наш взгляд, пострадал бизнес «второго эшелона», который не обладает необходимой на случай форс-мажора финансовой «подушкой безопасности», более болезненно реагирует на неожиданные, а порой и радикальные меры эпидемиологического и правового характера со стороны государства (карантин, запрет на въезд — выезд трудовых мигрантов, ограничения на бизнес-деятельность в сфере торговли, бытового обслуживания, «индустрии досуга» и т. д.), менее активен в использовании режима on-line при продажах, в работе с клиентами и поставщиками, в применении инновационных инструментов управления персоналом (аутсорсинга персонала, аутстаффинга рабочей силы, кадрового лизинга, коучинга работников, коворкинга и пр.) [5–7].

Материалы и методы

В создавшихся условиях объективно необходимыми становятся изменения существующей стратегии развития регионального бизнес-сообщества. Однако неясно, насколько *кардинальными* они должны быть. Иначе говоря, вопрос стоит так: требуется смена (хотя бы временная) парадигмы развития бизнеса на уровне региона как переход от стратегии динамической устойчивости к стратегии выживания, или достаточно будет системы корректирующих мер?

Для прояснения подобной дилеммы потребовались в период пандемии COVID-19 постановка и решение ряда исследовательских задач, в числе которых в первую очередь можно назвать анализ динамики выручки бизнес-структур крупного, среднего и малого форматов, определение факторов, повлиявших на состояние регионального бизнес-сообщества, оценку ретейлерами качества влияния COVID-19 на хозяйственную деятельность предприятий, выяснение «антикоронавирусных» мер, установление приоритетных бизнес-процессов, требующих перестройки в условиях пандемии, изучение инструментария для «наладки» наиболее важных бизнес-процессов, обоснование положительных социально-экономических эффектов оптимизации приоритетных бизнес-процессов в период коронавируса и др.

В качестве гипотез, верификация которых осуществлялась в рамках исследования, нами заявлено следующее:

- в развитии регионального бизнес-сообщества возможны две главные стратегии — стратегия динамической устойчивости и стратегия выживания;
- на уровне региона в условиях пандемии COVID-19 бизнес-структуры «второго эшелона» используют стратегию развития, отличную от стратегии развития крупных ритейлерских компаний;
- волнообразный и затяжной характер пандемии коронавируса в регионах страны обусловил тенденцию постепенного перехода среднего и малого бизнеса от стратегии динамической устойчивости к стратегии выживания; однако темпы этого перехода у этнических бизнес-структур выше, чем у предприятий местного бизнес-сообщества.

Результаты и обсуждение

В 2020 году нами было проведено исследование развития бизнес-сообщества Тюменской области в условиях пандемии коронавируса, в котором приняли участие свыше 300 представителей крупного бизнеса, этнического бизнеса и местного бизнес-сообщества.

Прежде всего была предпринята попытка оценить потери среднего и малого бизнеса и сравнить их с потерями крупных ритейлеров. Как показали наши исследования и исследования других ученых, за период первой волны пандемии COVID-19 выручка сократилась: у крупных бизнес-структур на 42 %, у бизнес-структур «второго эшелона» на 56 %, в том числе у этнических предприятий на 60 % и у предприятий местного бизнес-сообщества на 52 % [8].

По мнению опрошенных предпринимателей, это во многом обусловлено остановкой большинства предприятий розничной торговли (за исключением продажи продуктов питания и предметов первой необходимости) на 1,5–3 месяца в связи с карантином и последующими ограничениями эпидемиологического и правового характера.

Важно отметить, что сокращение выручки в ретейле не было тотальным, оно коснулось 3/4 числа крупных компаний и около 84 % всех бизнес-структур среднего и малого форматов. Отсюда и разноплановые ощущения предпринимателей влияния первой волны пандемии коронавируса на их хозяйственную деятельность (табл. 1).

Таблица 1

Качественная оценка влияния COVID-19 на бизнес-деятельность в ретейле

Наименование показателя оценки влияния COVID-19	Крупный бизнес (%)	Местное бизнес-сообщество (%)	Этнический бизнес (%)
Негативное влияние	71,6	81,0	85,6
Позитивное влияние	21,3	10,5	8,9
Не ощутил влияния	4,5	5,3	1,7
Затрудняюсь с ответом	2,6	3,2	3,8

Как свидетельствуют данные таблицы 1, местное бизнес-сообщество и этнический бизнес в гораздо большей степени ощущают негативное влияние на свою хозяйственную деятельность пандемии коронавируса, чем крупный бизнес. Кроме того, среди них вдвое меньше тех предпринимателей, кто видит позитив в ситуации с COVID-19.

В связи с этим известный интерес представляет определение факторов, повлиявших на состояние бизнеса в ретейле в условиях первой волны пандемии коронавируса (табл. 2).

Таблица 2

Факторы, влияющие на состояние бизнеса в ретейле в условиях первой волны пандемии коронавируса

Наименование факторов влияния на бизнес	Значение факторов влияния на бизнес в разрезе его видов (в %)		
	Крупный бизнес	Местное бизнес-сообщество	Этнический бизнес
Падение курса рубля	58,0	34,4	28,8
Ограничительные меры по работе компаний	32,1	59,8	63,7
Дефицит рабочей силы, представленной внешними трудовыми мигрантами	29,5	62,1	66,6
Снижение платежеспособного спроса экономически активного населения на потребительские товары и услуги	52,3	54,9	55,5
Изменения потребительского поведения российского социума в целом в условиях COVID-19	61,5	56,0	59,9

Из данных таблицы 2 видно, что ранг значимости факторов, повлиявших на состояние ретейлерских компаний в условиях первой волны пандемии коронавируса, серьезно дифференцируется в зависимости от формата бизнеса. Если для крупных бизнес-структур приоритетными факторами являются изменения потребительского поведения российского социума в целом в условиях COVID-19 и падение курса рубля, то для предприятий среднего и малого бизнеса — дефицит рабочей силы на предприятиях бизнеса «второго эшелона», представленной внешними трудовыми мигрантами (прежде всего, из республик Средней Азии и Казахстана), которые вынуждены вернуться на родину в силу эпидемиологической ситуации в РФ и ужесточения в связи с этим законодательных мер, а также ограничительные меры по работе компаний вплоть до их закрытия на карантин. Остановимся на них подробнее.

Согласно экспертной оценке, *важнейшим* фактором, повлиявшим на состояние регионального бизнес-сообщества в период первой волны пандемии коронавируса, вы-

стует дефицит работников из числа трудовых мигрантов, вынужденных вернуться на родину в силу эпидемиологической ситуации в российских регионах и ужесточения законодательных мер. Статистика утверждает, что за последние два года из общей «утечки мозгов» из России, превысившей 10 млн человек, 2/3 приходится на трудовых мигрантов [9].

Некоторые ученые и специалисты убеждены в том, что проблема дефицита рабочей силы, вызванного оттоком гастарбайтеров к себе на родину, может быть решена за счет обедневших россиян, жителей провинции или сельской местности. В их представлении отечественная резервная армия труда достаточно конкурентоспособна и может заместить покинувших страну иммигрантов [10]. Однако на практике сделать это далеко не просто в силу целого ряда причин:

- в отличие от гастарбайтеров большинство наших соотечественников не готовы продолжительно и интенсивно трудиться, находиться в сложных и часто экстремальных производственных условиях;
- местную рабочую силу, замещающую в условиях COVID-19 трудовых мигрантов, как правило, не устраивает размер получаемой заработной платы; неслучайно сами предприниматели в качестве главного преимущества найма гастарбайтеров называют их готовность работать за меньшие деньги, чем граждане нашей страны;
- несмотря на ощутимый отток из России иностранной рабочей силы, многие трудовые мигранты остаются здесь, поскольку у себя в стране найти относительно достойно оплачиваемую работу крайне затруднительно. На фоне роста уровня безработицы в российских регионах они стараются не уступать свои рабочие места даже под угрозой оказаться в условиях второй волны пандемии коронавируса в теневом секторе экономики.

Нельзя не отметить обнаружившую себя в условиях COVID-19 способность гастарбайтеров к высокой мобилизации ресурсов мигрантских сообществ, солидарности и взаимопомощи по этнической линии. Это нашло свое воплощение в появлении в мегаполисах и крупных регионах-донорах нашей страны этнических анклавов, являющихся местами притяжения и концентрации множества трудовых мигрантов и их семей. Классическим примером является сегодня Москва, где этнические анклавы географически сформировались в шести ее районах: Гольяново, Капотня, Люблино, Метрогородок, Солнцево и Старое Марьино.

Как показали результаты проведенного нами исследования, жизненные устремления самих граждан России по заполнению освободившихся рабочих мест после возвращения иностранных работников на свою родину далеко не однозначны (рис. 1). Так, 40,8 % россиян рассматривают замещение трудовых мигрантов в бизнес-структурах «второго эшелона» как крайний случай, если не найдут для себя более подходящую работу. 31,0 % представителей местной рабочей силы, находящихся в поиске работы, вообще не берут во внимание рабочие места, вакантные после отъезда гастарбайтеров из России. И лишь 24,5 % российских граждан готовы к заполнению образовавшихся в период пандемии коронавируса ниш на рынках труда регионов.

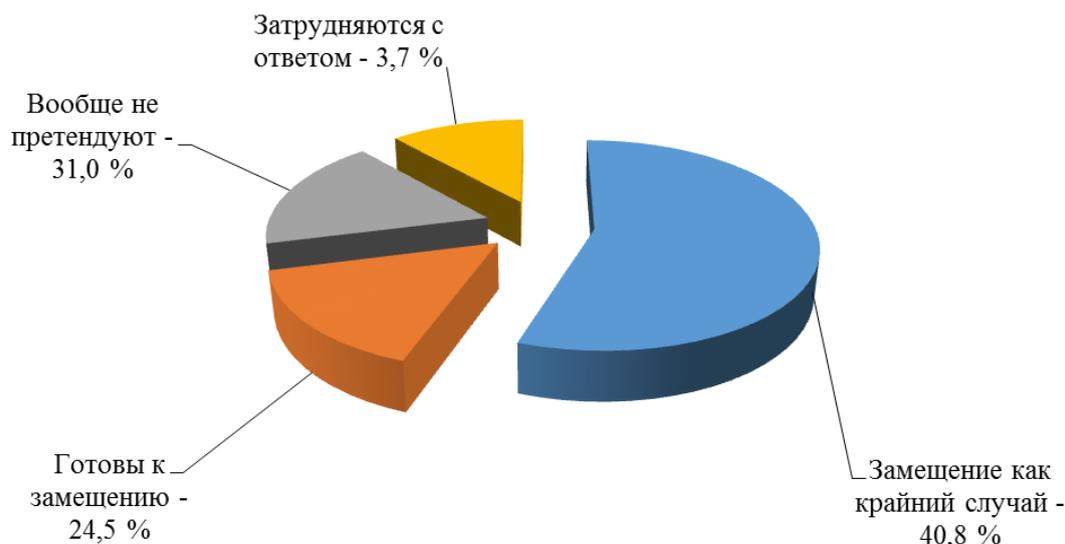

Рисунок 1. Жизненные устремления россиян по заполнению освободившихся рабочих мест после отбытия трудовых мигрантов к себе на родину

Другим значимым фактором, повлиявшим на состояние регионального бизнес-сообщества в условиях пандемии коронавируса, предприниматели указали ограничительные меры по работе ретейлерских компаний. Диапазон этих мер достаточно широк — от контроля за перемещением сотрудников и ужесточения графика работы до полного запрета деятельности бизнес-структур. В период первой волны COVID-19 закрытыми оказались ТРЦ (за исключением находящихся там продуктовых маркетов), магазины одежды и обуви, парикмахерские, салоны красоты и барбершопы, рестораны, кафе и бары, цветочные салоны и т. д.

Уже к началу осени 2020 года часть указанных сегментов бизнеса среднего и малого форматов прекратила свое существование вследствие понесенных убытков, которые достигали 30 % выручки [11]. Так, исследования, проведенные в Тюменской области, свидетельствуют о том, что из-за пандемии коронавируса в регионе сократилось число ресторанов, кафе и баров на 19,4 %, кофеен и кондитерских — на 13,1 %, павильонов и палаток по продаже фруктов и овощей — на 10,6 %, фитнес-центров — на 8,8 %, цветочных салонов — на 7,0 %, магазинов одежды и обуви — на 4,2 %, парикмахерских, салонов красоты и барбершопов — на 3,5 %, праздничных мероприятий и семейных торжеств — на 3,1 % [12; 13].

В известной мере тяжесть влияния ограничительных мер на деятельность регионального бизнес-сообщества компенсировалась, на наш взгляд, за счет поддержки со стороны государства и местных органов власти. В качестве подобных компенсаторов можно назвать такие, как отсрочка арендной платы за использование муниципального и государственного имущества, введение моратория на налоговые и таможенные проверки, налоговые каникулы, предоставляемые не всем бизнес-структурам, а лишь функци-

онирующим в области авиаперевозок, спорта, искусства и культуры, беспроцентный кредит на выплату заработной платы наемным работникам и др.

Однако приходится констатировать, что в целом подобная поддержка «сверху» является не только недостаточной с экономической точки зрения, но и фрагментарной по времени и «косметической» по глубине исполнения.

В качестве *важного* фактора, повлиявшего на состояние регионального бизнес-сообщества в период пандемии COVID-19, респонденты отметили изменения потребительского поведения российского социума.

Изменения потребительского поведения населения в российских регионах проявляются в отказе россиян от ряда доступных до пандемии коронавируса услуг (туристических поездок за рубеж, частых посещений театров, выставок и музеев, участия в корпоративных мероприятиях, меньше стали ездить на такси и т. п.); в уменьшении в бюджете отечественного потребителя доли затрат на непродовольственные товары и, соответственно, увеличении доли затрат на продукты питания и средства гигиены; в повышении удельного веса в части потребительского бюджета, представленной продовольственными товарами, более дешевых, а значит, и более низкого качества продуктов питания; на уровне домохозяйств — в строгом ведении финансовой отчетности, постоянном отслеживании потребительских цен, отказе от спонтанных покупок, увеличенных затратах времени и сил на садовых участках и огородах и т. д.

Можно утверждать, что в период первой волны COVID-19 российский социум массово перешел к потребительской модели В. Зомбарта, в основе которой лежат повышенная экономия, бережливость и рациональность ведения домохозяйства [14].

В условиях пандемии коронавируса интегральные потери регионального бизнес-сообщества, вызванные негативным влиянием перечисленных выше факторов, становятся весьма ощутимыми. Это актуализирует проблему выбора стратегических путей их (потерь) оптимизации. Оптимизацию нельзя сводить только к экономии, рациональному и бережному расходованию средств. Она может выражаться в упреждении угроз внутренней и внешней бизнес-среды, снижении хозяйственных и социальных рисков, диверсификации продаж, реструктуризации долгов, управлении дебиторской задолженностью и пр.

Отметим также, что само понятие стратегического пути подразумевает не разовое и кратковременное организационно-экономическое действие, а протяженную систему мер и шагов, рассчитанных на положительный и достаточно длительный по времени результат.

При выборе стратегического пути оптимизации потерь любая предпринимательская структура, представляющая региональное бизнес-сообщество, исходит из своих финансовых и производственных возможностей, состояния внутренней бизнес-среды, характера взаимоотношений с местными органами власти и населением, макроэкономической ситуации в стране и т. д. В ходе проводимого исследования предпринимательскому корпусу Тюменской области был задан вопрос: «Какой из предложенных стратегических путей оптимизации потерь, понесенных в период первой волны пандемии COVID-19, Вы можете использовать, исходя из своих реальных возможностей?» (рис. 2).

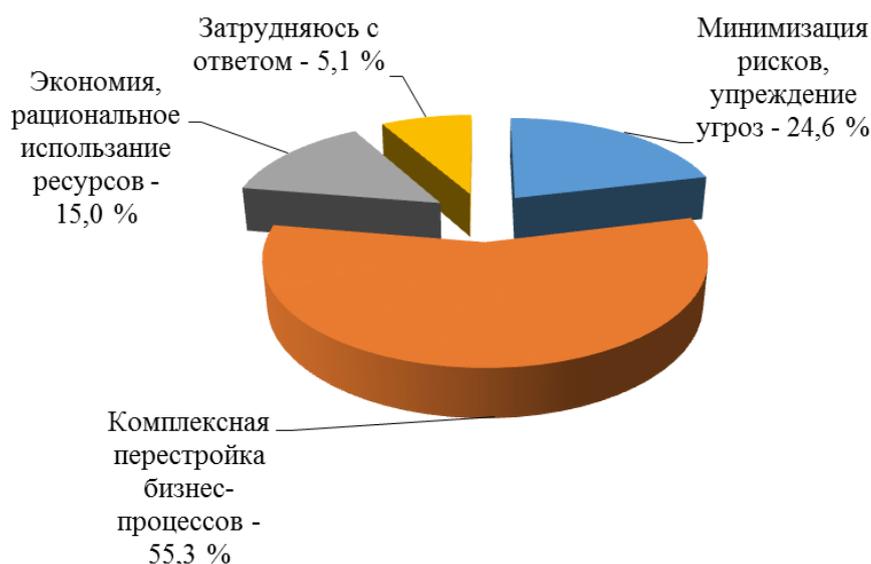

Рисунок 2. Какой из предложенных стратегических путей оптимизации потерь, понесенных в период первой волны пандемии COVID-19, Вы можете использовать, исходя из своих реальных возможностей?

Ответы представителей регионального бизнес-сообщества дают основания говорить об их прагматичном подходе к выбору стратегического пути оптимизации понесенных потерь в условиях пандемии коронавируса. Ориентация на *экономия и рациональное использование всех видов ресурсов*, о чем заявили 15,0 % субъектов хозяйствования региона, внешне проста, доступна и, надо признать, способна в известной степени улучшить финансово-хозяйственное состояние бизнес-структуры.

Детализация данного стратегического пути оптимизации потерь свидетельствует о том, что его предпочитают многие этнические предприятия среднего и малого формата, а также незначительная доля местного бизнес-сообщества в части малых предприятий и микропредприятий. Специфика здесь, на наш взгляд, состоит в том, что реализация его на практике осуществляется предпринимателями полностью за счет своих средств. Что касается перевода в практическую плоскость использования стратегического пути, ориентированного на экономию и рациональное использование финансовых, материальных и человеческих ресурсов, то он предполагает:

- закрытие низкоприбыльных торговых точек;
- снижение заработной платы сотрудникам предприятия;
- адресный перевод персонала на «удаленку» и гибкий график работы с целью экономии на издержках;
- сокращение работников предприятия;
- частичный отказ от офисов, аренды крупных производственных и торговых площадей;
- экономию на складских помещениях за счет лучшего управления товарными запасами;

- переход в on-line при работе с поставщиками и клиентами;
- оптимизацию ассортимента и др.

Стратегический путь оптимизации понесенных в условиях COVID-19 потерь, берущий за основу *минимизацию рисков и упреждение угроз внутренней и внешней бизнес-среды*, предпочла четверть представителей регионального бизнес-сообщества (24,6 %). Его практикуют большинство средних и малых предприятий местного бизнес-сообщества и незначительный сегмент этнических бизнес-структур среднего формата.

Такой стратегический путь оптимизации потерь, понесенных в период пандемии коронавируса, отличается от первого участием в его реализации государства и органов власти на местах. Необходимость такого участия в значительной степени объясняется оттоком активно задействованных на предприятиях бизнеса «второго эшелона» трудовых мигрантов к себе на родину, а также нехваткой корпоративных средств решения проблемы. Как считают сами представители регионального бизнес-сообщества, с помощью поддержки федеральной и местной власти удастся привлечь внешних трудовых мигрантов обратно в нашу страну, а также минимизировать риски хозяйственной деятельности:

- создать организационно-правовые условия для перехода от «маятниковой» миграции (въезд в Россию весной и возвращение на родину осенью) к долгосрочной миграции (работа и проживание в РФ со своей семьей несколько лет);
- обеспечить возможность работы в России целыми семейными бригадами и открытия здесь своего дела;
- стимулировать полную миграцию с получением российского гражданства и перспективами регулярных связей с территорией исхода;
- перейти к поэтапному освобождению от оплаты трудового патента (50–60 тыс. руб.) не только для граждан стран-членов Евразийского экономического союза, но и граждан других дружественных России стран;
- поощрять среди трудовых мигрантов знание русского языка и опыта общения с русскоязычным населением у себя в стране;
- пролонгировать Государственную программу добровольного переселения из ближнего и дальнего зарубежья соотечественников, численность которых, по данным пресс-службы УФМС РФ, лишь за период 2018–2019 гг. составила почти 120 тыс. чел. Из них приходится на Казахстан — 54,6 %, на Таджикистан — 10,6 %, на Молдову — 10,1 %, на Узбекистан — 7,9 %, на Армению — 6,4 %, на остальные страны мира — 10,4 % [15];
- предоставить трудовым мигрантам права на получение пособия по безработице в случае потери работы на период пандемии коронавируса;
- ориентировать на отечественных поставщиков товаров;
- активизировать деятельность по получению субсидий и налоговых льгот от государства;
- совершенствовать местное законодательство в целях поддержки среднего и малого бизнеса и т. д.

Свыше половины всех респондентов из числа субъектов регионального бизнес-сообщества (55,3 %), исходя из своих реальных возможностей, считают *комплексную перестройку бизнес-процессов* наиболее эффективным стратегическим путем оптимизации потерь, понесенных в условиях COVID-19. Согласно их позиции, использование первых двух стратегических путей не способно кардинально решить проблему преодоления негативных последствий пандемии коронавируса, а лишь продлевает агонию бизнеса региона во времени.

Вместе с тем большинство представителей регионального бизнес-сообщества отдает себе отчет в том, что использовать стратегический путь оптимизации понесенных от потерь COVID-19, базирующийся на комплексной перестройке бизнес-процессов, далеко не всем по карману. Нужны надежная финансовая «подушка безопасности», эффективный менеджмент, научно-методический инструментарий и социальное партнерство с органами власти на местах [16]. Поэтому третий стратегический путь — это прерогатива, прежде всего, крупного бизнеса и небольшого числа успешных средних предприятий местного бизнес-сообщества.

Методика комплексной перестройки бизнес-процессов была разработана «РБК Исследования рынков» совместно с компанией SAP CIS на основе анализа деятельности свыше 150 крупных предприятий, включая ритейлерские [17]. Согласно ей, вначале определяются бизнес-процессы, которые подлежат «ремонту и ревизии» в первую очередь. Для этого опрошенным представителям регионального бизнес-сообщества было предложено указать приоритетные с точки зрения перестройки бизнес-процессы (табл. 3).

Таблица 3

Распределение результатов ответа на вопрос «Какие бизнес-процессы нуждаются, на Ваш взгляд, в перестройке в первую очередь в целях оптимизации потерь, понесенных региональным бизнес-сообществом от первой волны пандемии коронавируса?»

Наименование приоритетных бизнес-процессов	Распределение приоритетных бизнес-процессов в порядке убывания удельных весов респондентов (в %)
Продажи on-line	75
Маркетинг	62
Бизнес-планирование	58
Менеджмент персонала	57
Закупки товаров	49
Продажи off-line	38
Управление клиентской базой	22
Логистика и перевозка грузов	19
Цепи поставок	17
Финансовый учет	11

После определения первоочередных для перестройки бизнес-процессов, в соответствии с данной методикой, были подобраны адекватные каждому из них наборы инструментов. Например, для таких бизнес-процессов, как on-line продажи, маркетинг, бизнес-планирование, off-line продажи, эффективно, на наш взгляд, использовать инструменты цифровизации бизнеса. В числе последних digital-маркетинг (продвижение в цифровой сфере), способный стать ключевым фактором роста бизнеса; маркетплейсы — платформы электронной коммерции, позволяющие расширить клиентскую базу и максимизировать гибкость по отношению к потребителю, не затрачивая усилия на продвижение товара и имея возможность акцентировать внимание на основных компетенциях бизнеса; модернизация IT-инфраструктуры и автоматизация бизнес-процессов с помощью CRM; качественный информативный сайт, дающий возможность не только реализовывать продукцию, но и на базе применения маркетинговых технологий получать огромный массив необходимой для дальнейшего развития бизнес-структуры информации о ее потенциальных потребителях, их возможностях и интересах; расширение применения сформированных стандартизированных облачных решений, которые расширят возможности предприятий разных форматов, но не повлекут за собой слишком больших финансовых затрат; персонализация предложений и расширение возможностей рассылок на основе анализа информации о клиентах по меткам, изначально заложенным в программе; точечное применение новейших технологий автоматизации ключевых операций и модернизации сервисов в зависимости от того, какая задача реализуется в конкретный момент времени и др. [18].

Ранжирование нуждающихся в перестройке бизнес-процессов по рангу значимости, а также адресный подбор инструментария дают возможность получения целого ряда социально-экономических эффектов преодоления субъектами регионального бизнес-сообщества негативных последствий первой волны пандемии COVID-19. Наиболее важными из них, по нашему мнению, можно назвать:

- усовершенствование бизнес-модели посредством программных решений (автоматизации) в период пандемии коронавируса;
- диверсификацию хозяйственной деятельности средних и малых предприятий в форме открытия новых направлений развития бизнеса;
- оптимизацию ассортиментного состава и улучшение качества маркетинга путем применения аналитики больших данных в ретейле бизнес-структур разных форматов;
- совершенствование схемы удаленности работы части персонала бизнес-структуры, чьи обязанности напрямую не связаны с постоянным пребыванием в точке продажи, офисе, на складе и т. п.;
- формирование финансовой «подушки безопасности» у субъектов регионального бизнес-сообщества на случай второй волны пандемии COVID-19;
- сокращение сроков выхода предприятий региона на докризисные показатели выручки;
- улучшение качества работы с клиентами;
- подбор оптимальных в период пандемии коронавируса видов и форматов торговой инфраструктуры на потребительском рынке региона и пр.

Выводы

Результаты проведенного исследования развития регионального бизнес-сообщества в условиях пандемии COVID-19 дают основания для следующих выводов.

1. Наличие финансовой «подушки безопасности», известных монополистических мотивов и богатого арсенала инструментов, с помощью которых осуществляется перестройка приоритетных бизнес-процессов, позволяют крупному бизнесу, используя тактику системной корректировки, сохранить стратегию развития, основанную на динамической устойчивости.

2. Значительная часть предприятий местного бизнес-сообщества в период первой волны пандемии COVID-19 смогла минимизировать предпринимательские риски и получить определенную экономическую и организационно-правовую поддержку от государства и органов власти на местах. Более того, им удалось добиться частичной перестройки бизнес-процессов, что породило надежду на сохранение стратегии развития, опирающейся на динамическую устойчивость. Однако, как показали последние четыре месяца 2020 года, комплексно изменить в лучшую сторону все бизнес-процессы, происходящие на предприятиях местного бизнес-сообщества, не удалось. В итоге наметилась тенденция к постепенному сползанию в сторону стратегии выживания.

3. Недостаточность принимаемых «антикоронавирусных» мер финансового, организационного, технико-технологического, информационного и инвестиционного характера не позволяет этническим бизнес-структурам придерживаться стратегии развития, базирующейся на динамической устойчивости, и в условиях надвигающейся второй волны пандемии COVID-19 объективно требует ускоренного перехода к стратегии выживания.

Библиографический список

- [1] Симонов, С. Г. Оценка социально-экономической безопасности субъектов предпринимательства «второго эшелона» / С. Г. Симонов, М. А. Хаматханова, – Текст : непосредственный // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 11–2(52). – С. 906–911.
- [2] Симонов, С. Г. Социальная направленность безопасности казахстанского предпринимательства «второго эшелона» / С. Г. Симонов, Н. К. Карашаш, О. С. Макарова. – Текст : непосредственный // Академический вестник. – 2015. – № 1 (31). – С. 144–151.
- [3] Этническое предпринимательство и местное бизнес-сообщество : опыт взаимодействия на потребительском рынке региона / С. Г. Симонов, О. В. Ямова, М. А. Хаматханова, З. А. Арынова. – DOI 10.24147/1812-3988.2020.18(1).162-171. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2020. – Т. 18, № 1. – С.162–172.
- [4] Симонов, С. Г. Этническое предпринимательство и население региона : опыт социального взаимодействия / С. Г. Симонов, М. А. Хаматханова, О. В. Ямова. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2019. – № 4. – С. 115–125.

- [5] Gallwey, W. T. Работа как внутренняя игра / W. T. Gallwey. – Москва : ИНФРА-М. – 2009. – 276 с. – Текст : непосредственный.
- [6] Дауни, М. Эффективный коучинг. – Москва : Инфра-М. – 2010. – 328 с. – Текст : непосредственный.
- [7] Как открыть коворкинг-центр : подробное руководство. – Текст : электронный. – URL: <https://habr.com/ru/post/150712/>. – Дата публикации : 4 сентября 2012.
- [8] Абдуллина, П. Опыт пандемии : положение компаний с оборотом от 3 до 100 млрд руб. / П. Абдуллина, П. Молчанова. – Текст : электронный. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/12/2020>.
- [9] Информация о социально-экономическом положении России (январь – сентябрь 2020 года) / ФСГС (Росстат). – Текст : электронный. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>.
- [10] Работающих россиян задумали заменить адаптированными мигрантами. – Текст : электронный. URL: <https://www.lenta.ru/news/2019/10/08/trud/>. – Дата публикации: 8 октября 2019.
- [11] Старостина, Ю. Эксперты Moody's предсказали рост миграции внутри России из-за пандемии. Какие регионы рискуют потерять население / Ю. Старостина. – Текст : электронный. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/05/2020/5ebae4779a7947937ee59d01/>. – Дата публикации: 20 мая 2020.
- [12] Газета РБК, 3 июля 2020 года. – Текст : электронный. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/07/2020/>.
- [13] Газета РБК, 3 августа 2020 года. – Текст : электронный. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/08/2020/>.
- [14] Зомбарт, В. Буржуа : этюды по истории духовного развития современного экономического человека / В. Зомбарт ; пер. с нем. Ал. З. – Москва : Наука. – 1994. 442 с. – (Социологическое наследие). – Текст : непосредственный.
- [15] В Тульскую область переселились более пяти тысяч соотечественников. – Текст : электронный. – URL: https://tula.aif.ru/society/v_tulskuyu_oblast_pereselilis_bole_pyat_tysyach_sootechestvennikov. – Дата публикации: 12 февраля 2020.
- [16] Simonov, S. G. Development of structural and functional model of interaction of authorities, society and ethnic business at the regional level / S. G. Simonov, M. A. Khamatkhanova, I. V. Lysenko. – Текст : непосредственный // Journal of Social Sciences Research. – 2018. – Special Issue 3. – P. 334–339.
- [17] ПРОПВЕМСЯ! Как вернуть бизнес к росту? – Текст : электронный. – URL: <https://www.sapmybiz.rbc.ru/article/2>.
- [18] Средний и малый бизнес Тюменской области : сущность, становление, современные тенденции развития : монография / С. Г. Симонов, Л. Н. Руднева, Е. А. Корякина [и др.] ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский индустриальный университет. – Тюмень : ТИУ. – 2020. – 195 с. – Текст : непосредственный.

References

- [1] Simonov, S. G., & Khamatkhanova, M. A. (2014). Assessment of the socio-economic security of business entities of the "second echelon". *Economy and Entrepreneurship*, (11-2(52)), pp. 906-911. (In Russian).
- [2] Simonov, S. G., Karashash, N. K., & Makarova, O. S. (2015). The social orientation of the Kazakh business' security of "second tier" entrepreneurship. *Academic Bulletin*, (1(31)), pp. 144-152. (In Russian).
- [3] Simonov, S. G., Yamova, O. V., Khamatkhanova, M. A., & Arynova, Z. A. (2020). Ethnic entrepreneurship and local business community: experience of interaction in the consumer market in the region. *Herald of Omsk university. Series: Economics*, 18(1), pp.162-172. (In Russian). DOI: 10.24147/1812-3988.2020.18(1).162-171
- [4] Simonov, S. G., Khamatkhanova, M. A., & Yamova, O. V. (2019). Ethnic business and population of the region: experience of social interaction. *Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 115–125. (In Russian).
- [5] Gallwey, W. T. (2001). *The inner game of work. Focus, learning, pleasure and mobility in the workplace*. New York, Random House Trade Paperbacks, 256 p. (In English).
- [6] Downey, M. (1999). *Effective coaching. Lessons from the coaches' coach*. Thomson, Texere. (In English).
- [7] Kak otkryt' kovorking-tsentr: podrobnoe rukovodstvo. (In Russian). Available at: <https://habr.com/ru/post/150712/>
- [8] Abdullina, P., & Molchanova, P. Opyt pandemii: polozhenie kompaniy s oborotom ot 3 do 100 milliardov rubley. (In Russian). Available at: <https://www.rbc.ru/economics/03/12/2020>
- [9] Information on the socio-economic situation in Russia (January - September 2020). (In Russian). Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>
- [10] Rabotayushchikh rossiyan zadumali zamenit' adaptirovannymi migrantami. (In Russian). Available at: <https://www.lenta.ru/news/2019/10/08/trud>
- [11] Starostina, Yu. (2020). Eksperty Moody's predskazali rost migratsii vnutri Rossii iz-za pandemii. Kakie regiony riskuyut poteryat' naselenie. (In Russian). Available at: <https://www.rbc.ru/economics/20/05/2020/5ebae4779a7947937ee59d01>
- [12] RBC newspaper, July 3, 2020. (In Russian). Available at: <https://www.rbc.ru/economics/03/07/2020/>
- [13] RBC newspaper, August 3, 2020. (In Russian). Available at: <https://www.rbc.ru/economics/03/08/2020/>
- [14] Sombart, W. (1924). *Der Bourgeois. Zur Geistesgeschichte des modernen Wirtschaftsmenschen*. (In German).
- [15] V Tul'skuyu oblast' pereselilis' bolee pyati tysyach sootchestvennikov. (In Russian). Available at: https://tula.aif.ru/society/v_tulskuyu_oblast_pereselilis_bolee_pyati_tysyach_sootchestvennikov.
- [16] Simonov, S. G., Khamatkhanova, M. A., & Lysenko, I. V. (2018). Development of structural and functional model of interaction of authorities, society and ethnic business at the regional level. *Journal of Social Sciences Research*, (3), pp. 334-339. (In English).

- [17] PRORVEMSYA! Kak vernut' biznes k rostu? (In Russian). Available at: <https://www.sapmybiz.rbc.ru/article/2>
- [18] Simonov, S. G., Rudneva, L. N., Koryakina, E. A. (2020). Sredniy i malyy biznes Tyumenskoй oblasti: sushchnost', stanovlenie, sovremennyye tendentsii razvitiya. Tyumen, Industrial University of Tyumen Publ., 195 p. (In Russian).

Получена / Submitted: 13/12/2020

Доработана / Revised: 17/12/2020

Принята к публикации / Accepted: 25/01/2021

УДК 316.485.2

Социальный конфликт и напряженность в обществе в условиях реализации проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город»

Владимир Геннадьевич Степанов¹, Елена Андреевна Колесник²

¹*Нефтегазовое отделение им. Ю. Г. Эрвье, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия*

²*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия*

Аннотация. В ближайшей перспективе развитие российского государства предопределяется формированием цифрового пространства и направленностью экономики на цифровизацию социально-экономического пространства. Внедрение в жизнь различных социально и экономически значимых проектов, направленных на цифровую трансформацию России, обуславливает не только качественные преобразования значимых социально-экономических сфер, но и существенные изменения в социальной структуре и связях. При этом несогласие общества с некоторыми из них, предполагаемое ущемление прав и свобод человека и др. формируют в обществе напряженность, порождают социальный конфликт. В статье проведен анализ подходов к пониманию сущности и природы социальных конфликтов, выделяемых на разных этапах формирования западной философско-социологической мысли и обоснованных российскими исследователями. Было определено, что социальный конфликт — это не только форма взаимодействия между реальными или мнимыми сторонами конфликта из-за несовместимости интересов, позиций и целей, но и обострение противоречий, проявляющихся в форме несогласия или борьбы, как открытой, так и скрытой. В статье сделан упор на проблематику формирования социального конфликта при внедрении и реализации одного из проектов — проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город». Подобное сужение объекта исследования позволило выявить ключевые точки в формировании напряженности и социального конфликта, детализировать социальные аспекты цифрового неравенства, показать разность в понимании социальных противоречий при внедрении данной технологии с позиции респондентов различных возрастных групп (30–54 года, 55 лет и более); это позволило выявить разность поколенческого видения природы социального конфликта в условиях цифровизации.

Ключевые слова: цифровая экономика, проект «Умный город», социальный конфликт, напряженность, общество.

Social conflict and tension in society in the context of the implementation of the "Smart city" urban digitalization project

Vladimir G. Stepanov¹, Elena A. Kolesnik²

¹*Oil and Gas Department named after Y. G. Ervier, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*

²*Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*

Abstract. In the near future, the development of the Russian state is determined by the formation of the digital space and the orientation of its economy towards the digitalization of the socio-economic space. The implementation of various socially and economically significant projects aimed at the digital transformation of Russia causes not only qualitative transformations of significant socio-economic spheres, but also significant changes in the social structure and relationships. At the same time, the society's disagreement with some of them, the alleged infringement of human rights and freedoms, etc. creates tension in society, creates social conflict. The article analyzes the approaches to understanding the essence and nature of social conflicts identified at different stages of the formation of Western philosophical and sociological thought and justified by Russian researchers. It was determined that social conflict is not only a form of interaction between real or imaginary parties to the conflict due to incompatibility of interests, positions and goals, but also the aggravation of contradictions that manifest themselves in the form of disagreement or struggle, both open and hidden. The article focuses on the problem of forming a social conflict in the implementation of the "Smart city" urban digitalization project. This narrowing of the research object allowed us to identify key points in the formation of tension and social conflict, to detail the social aspects of digital inequality, and to show the difference in understanding of social contradictions when implementing this technology from the perspective of respondents of different age groups (from 33 to 54 years old; 55 years or more); this made it possible to identify the difference in the generational vision of the nature of social conflict in the context of digitalization.

Keywords: digital economy, Smart city project, social conflict, tension, society.

Введение

Постепенный переход России к экономике иного типа — цифровой экономике — открывает возможности для нового способа производства и образа жизни, основанного на широком применении искусственного интеллекта и информационных технологий. Цифровая экономика, решая технологические задачи, направлена на формирование новых трендов в экономике и промышленном производстве, технико-технологической и социальной сферах и иных областях жизнедеятельности общества. Притом качество жизни населения России — это отправная точка российской программы развития цифровой экономики, которая основывается на применении новых технологий, в том числе и *blockchain*, в системах государственного управления и регулирования, здравоохранения, информационной безопасности, в сферах исследований и разработок, в кадрах и образовании, в формировании информационной инфраструктуры и Умного города. Широкое их применение будет способствовать [1; 2]:

- совершенствованию системы управления имеющимися экономическими активами и формированию качественно иной их структуры, которая бы полностью соответствовала экономическим приоритетам цифровой экономики;
- созданию новой системы обеспечения национальной безопасности, соответствующей потребностям цифровой экономики;
- формированию иных способов организации отраслей (производство, торговля и др.) и сфер (услуги, образование и др.) с учетом достижений цифровой экономики;

- развитию доверия к цифровой среде, активному вниманию и деятельному участию российского и зарубежного бизнес-сообществ и гражданского населения в развитии пространства цифровой экономики;
- модификации структуры, состава и качества предоставления населению социальных услуг, формированию новых возможностей и площадок для бизнеса и трудовой деятельности с целью повышения уровня и улучшения качества жизни в стране.

В научных публикациях последних лет мы находим различные точки зрения на последствия массированного перехода России к цифровой экономике и скрывающиеся за этим риски:

1) национальная безопасность находится в прямой взаимозависимости от уровня информационной безопасности; являясь фактором суверенитета, государственной безопасности, обороноспособности, экономической и социальной эффективности, информационная безопасность становится источником угроз на глобальном, национальном и региональном уровнях (Т. В. Мусиенко, Е. А. Дмитрикова);

2) отсутствие действенного правового поля для обеспечения информационной безопасности, трансграничный оборот информации в противоправных и военно-политических целях для дестабилизации безопасности на международном уровне и образования стратегической нестабильности в российском обществе (В. Н. Лукин) [3];

3) широкое применение цифровых технологий для манипуляции общественным мнением обесценивает общественные институты (О. А. Игнатьева);

4) отсутствие четких ориентиров развития образования в эпоху цифровой экономики — это болевая точка сферы образования и науки (Д. Г. Шкаев, А. П. Добрынин, А. Ж. Кусжанова);

5) цифровая экономика не меняет общественную парадигму, а влияет на смену инструментария, ускоряет процессы и делает их более наглядными (С. П. Иваненков, П. И. Смирнов, Е. Н. Васецкая);

6) в информационном обществе на всех уровнях социального взаимодействия наличествует значительное число социальных противоречий (Е. А. Трофимова) [4].

Таким образом, переход к цифровой экономике и ее прогнозное влияние на образ будущего России вызывают научную дискуссию, при этом рассмотрение данного вопроса ограничивается узкой проблематикой научных исследований, отсутствием системности и комплексного анализа. Стоит отметить, что различные вопросы природы социального конфликта в цифровой реальности, его формирование, развитие и последствия в определенной степени освещаются в научных исследованиях последних лет, но целостного исследования мы не находим. Неясность представления о социальном конфликте при переходе к цифровой экономике связана и с ограниченностью теоретической базы.

В связи с вышеизложенным целью данного исследования является изучение природы социального конфликта и напряженности в обществе при реализации проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город» как одного из элементов российской программы развития цифровой экономики.

Материалы и методы

Рассмотрение представленной проблематики предполагает изучение общественного мнения. Исследование проводилось посредством анкетного опроса, целью которого являлось определение мнения респондентов в вопросе формирования социального конфликта и напряженности в обществе в условиях реализации программы цифровизации городского хозяйства «Умный город».

В опросе участие приняли лица следующих возрастных групп: молодежь — 18–29 лет, лица среднего возраста — 30–54 года, лица старшего возраста — от 55 лет. Распределяя респондентов по возрастному критерию именно таким образом, мы исходили из данных *GfK Group* по градации российской интернет-аудитории. В рамках данного исследования именно такое возрастное ранжирование нам видится наиболее правильным, так как глобальная информационная система используется разными возрастными категориями населения с различной целью и с разной степенью активности. Согласно нашему видению данная возрастная градация учитывает и этапы психологической и социальной зрелости респондентов, что, безусловно, отображается на понимании самой сути социальных конфликтов, степени восприимчивости к ним.

Результаты и обсуждение

Теория социального конфликта, имея значительный научный базис, находится в постоянном закономерном развитии, предопределяемом особенностями формирования общества и взаимоотношений в нем в определенный период социально-экономического развития. Общество без конфликтов развиваться не может, так как конфликт — это один из основных источников общественных изменений. «В социуме конфликт является неизбежным», — писал немецкий социолог Г. Зиммель. При этом он отмечал, что конфликт — это не только социальные разногласия, но и сила, способная объединить и социализировать общество [5]. Под влиянием конфликта общество становится более гибким, мобильным, восприимчивым к новым нормам и правилам и предлагаемым ему преобразованиям; это обеспечивает ему дальнейшее стабильное развитие в новых социальных, экономических, технологических и иных условиях. В то же время степень изменения происходящих преобразований и их темп напрямую зависят от мощи и весомости для общества социального конфликта.

Конфликт как социальное явление представляет собой противостояние, порождаемое противоположностью интересов, взглядов, ценностей, мировоззрений и др. Данные различия могут быть существенными и являться источником противоречий и противостояний. Конфликт характеризуется многообразием, проявляясь во многих сферах общественной жизни через разные механизмы и формы. Он может быть разорван во времени и иметь множество причин и следствий, благодаря чему он неоднозначно оценивается и определяется.

Источники социального конфликта не статичны, а являются динамичными единицами, которые формируются соразмерно изменениям в развитии общества. По этой при-

чине, каждая века, например, технологического развития общества, сопровождалась конфликтами, порождаемыми этой эпохой. Ведь «на каждом из новых витков своего исторического развития система, стремящаяся сохранить себя, должна обнаружить в себе необходимые ресурсы для адекватных темпов изменений и обновлений», — отмечают М. М. Алдаганов и В. Ф. Безуглый [6]. Таким образом, общество в своем стремлении к существованию в динамично развивающейся системе постоянно претерпевает изменения и подвергается конфликту. «Конфликт — это клеточка социальной жизни», — писал известный англо-германский социолог и политолог Р. Дарендорф [7]. При этом конфликту присуща некая предопределенность, которая почти всегда приводит к последствиям, провоцируя социальные изменения. В то же время общество, лишенное конфликтности, обречено на стагнацию и постепенное прекращение своего существования.

Система взглядов на причины, формирующие конфликтные настроения и провоцирующие конфликты, эволюционировали соразмерно этапам технологических, социально-экономических, политических изменений, сопровождающих нации и народности на всем периоде их существования. На рисунке 1 представлено обобщение подходов к выделению причин возникновения социальных конфликтов, обозначаемых на разных этапах формирования западной философско-социологической мысли.

У истоков отечественной социологической теории конфликта стояли П. А. Сорокин, Н. К. Михайловский, П. Л. Лавров, М. М. Ковалевский, Е. В. Роберти, Я. Л. Юделевский, А. С. Звоницкая и другие исследователи.

Конфликт ими рассматривался как противостояние, кроющееся в разном понимании норм поведения (П. А. Сорокин), в антогонизме, лежащем в биологической (расовые, национальные, половые, возрастные) и социальной (разность социальных интересов) плоскостях (Я. Л. Юделевский), в разрыве социальных связей вследствие нарушения императивных норм (А. С. Звоницкая).

Стоит отметить, в основе изучения конфликта отечественными авторами было положено политическое противостояние двух идеологий — капиталистической и коммунистической. В связи с этим А. С. Звоницкой было предложено рассматривать социальный конфликт как разрыв в социальных связях. Данный разрыв может сопровождать любую сферу; в политической он может принять крайнюю форму — кризис. Данная позиция была поддержана и П. А. Сорокиным.

В современной теории конфликта сформирован определенный категориальный и методологический аппарат к определению сущности и разновидностям конфликта, особенностей протекания его различных видов по сферам конфликта, методов и технологий управления ими и др. Изучению конфликта и его моделированию посвящено значительное число эмпирических исследований, в том числе узкоспециализированных и отраслевых. При этом авторами природа социального конфликта видится по-разному. В таблице 1 представлено обобщение природы социальных конфликтов, выделяемой российскими исследователями.

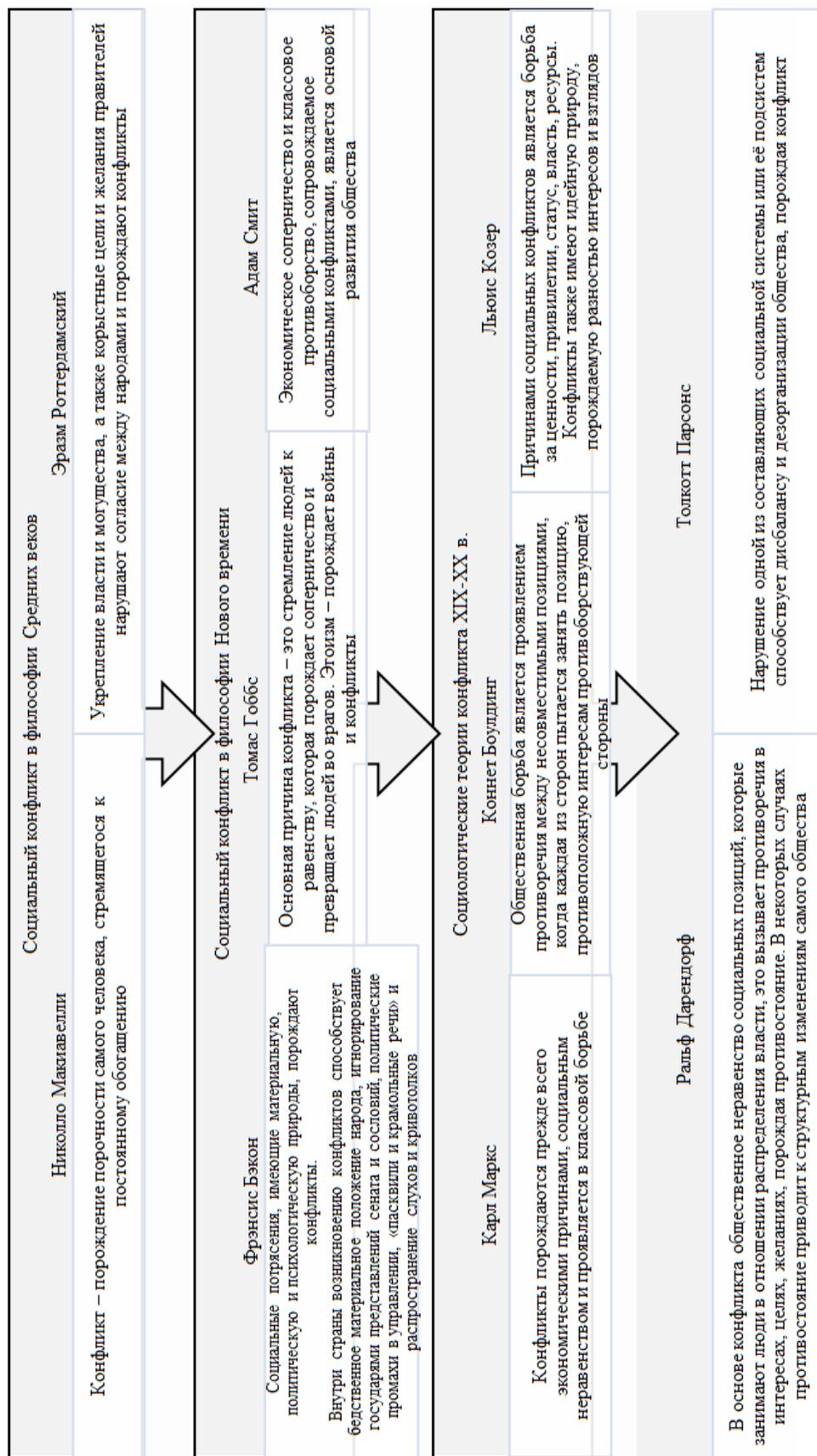

Рисунок 1. Подходы к пониманию природы социальных конфликтов, выделяемые на разных этапах формирования западной философско-социологической мысли

Таблица 1

**Типологизация природы социальных конфликтов,
выделяемая российскими исследователями**

Автор	Основные причины возникновения социальных конфликтов в обществе
Ю. Г. Запрудский	Особенности материальной и духовной культуры общества, исторические и политические традиции, нормы организации общественной и политической жизни [8]
Л. И. Никовская	«Пространство сложносоставных конфликтов образуется пересечением полей разнотипных моноконфликтов — политических, экономических, социокультурных и т. п., образуя подвижную структуру конфликтного взаимодействия» [9]
В. Г. Осипов	Сложившаяся в обществе ситуация, уровень оппозиционности, проводимая властями политика, степень удовлетворенности населения своим положением, реализацией потребностей, притязаний и т. д. [10]
В. М. Кириллина	Существенные различия в интересах социальных групп, обострение социальных противоречий, неравенство в распределении материальных и духовных благ, несправедливость в оплате труда и предоставлении социальных услуг, необоснованные привилегии для определенного круга лиц [11]
А. С. Хохлов	Функциональная (нарушение взаимодействия между государством и обществом), структурная (изменения в технике, технологическом способе и структуре производства, и в социально-классовой структуре общества) и системная (разрушена системообразующая связь между государством и обществом) природа социальных конфликтов [12]
Ф. И. Шарков, В. И. Сперанский	Трудности в согласовании диаметрально противоположных ценностей и целей, интересов и потребностей, «программно реализуемых отдельными группами» [13]

Таким образом, в основе движущей силы социального конфликта лежат противоречия. Мы не можем не согласиться с тезисом: в современном понимании социальный конфликт — это наивысшая стадия противоречия, для которой характерно усугубление противоположности тенденций и интересов общности и индивидов [13]. В то же время социальный конфликт — это не только форма взаимодействия между реальными или мнимыми сторонами конфликта из-за несовместимости интересов, позиций и целей, но и обострение противоречий, проявляющихся в форме несогласия или борьбы, как открытой, так и скрытой.

Порождаемый промышленным переворотом второй половины XVIII–XIX вв. стремительный и масштабный рост производительных сил сопровождался значительным увеличением производительности труда, стремительностью процесса урбанизации и экономического роста, и, как следствие, повышением уровня жизни населения стран. В то же время промышленная революция порождала социальные противостояния и конфликты. Так, в Англии первой четверти XIX века прошла волна рабочих протестов,

сопровожаемых уничтожением станков. Это противостояние вошло в историю под названием «движение лудитов». Лудиты выступали против внедрения в производство машин, породивших массовую безработицу, снижение уровня оплаты труда рабочих и обесценивание их квалификации. Подобные лудистские стачки были и во Франции. Французские рабочие выступали против внедрения машин, хотя эти забастовки не носили столь массовый характер.

Промышленная революция способствовала формированию профсоюзного движения, стоявшего на страже интересов рабочих.

Захлестнувшие Европу крупномасштабные забастовки рабочих на рубеже XX века способствовали улучшению условий труда, сокращению 14-часового рабочего дня и повышению заработной платы.

В России промышленная революция произошла значительно позже стран Западной Европы (в конце XIX в.), что не помешало вывести Российскую империю в ряд стран с быстроразвивающейся экономикой. Активное вмешательство государства в пореформенный период позволило избежать столь массовых противостояний и конфликтов внутри государства.

Таким образом, уроки истории показывают следующее: научно-технические революции, сопровождающие общество, не только способствуют развитию средств труда, усовершенствованию благ и уровня их доступности, но и порождают общественные противостояния и социальные конфликты. В этой связи возникает потребность в исследовании феномена «социальный конфликт» в условиях реализации проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город».

Несмотря на то, что проект «Умный город» направлен на комплексное повышение эффективности городской инфраструктуры, ее автоматизацию и цифровую трансформацию, реализация данного проекта вызывает противоречивые высказывания и беспокойство в обществе.

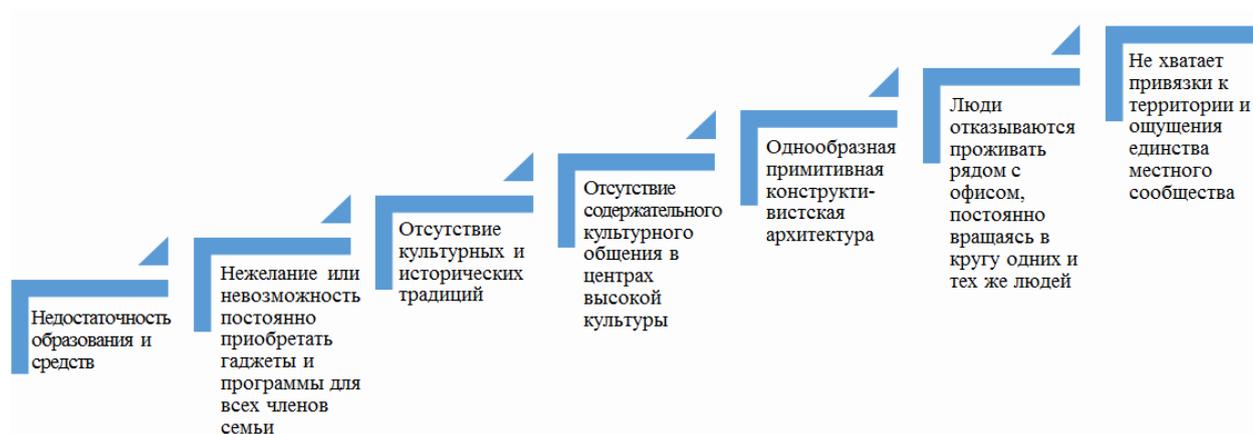

Рисунок. 2. Социальные и психологические проблемы, влияющие на решение человека жить в умном городе*

*Источник: обобщено авторами согласно [14]

Согласно данным исследования «Будущее близко: индекс готовности городов», проведенного Международной компанией PricewaterhouseCoopers (2017 год), население крупнейших городов мира пока не готово жить в «умных городах» [14]. Исследуя данную проблему, И. А. Василенко отмечает такие препятствия и противоречия, влияющие на решение человека жить в умном городе, как обострение социальных и психологических проблем (рис. 2). Она подчеркивает, что отсутствие материальной возможности приобрести квартиру в умном доме или сам умный дом, а также необходимые гаджеты и программы порождают феномен «электронного неравенства», усугубляя, таким образом, неравенство в обществе и социальные противоречия.

Проведенное исследование также доказывает, что технология «Умный город» способна усугубить данные противоречия, в основе которых лежит существенный разрыв в уровне и качестве жизни населения. Так, 69 % опрошенных высказали неготовность проживать в умных городах, при этом недостаточный уровень доходов и неуверенность в стабильности получения высоких доходов в будущем являются одними из основных причин (рис. 3).

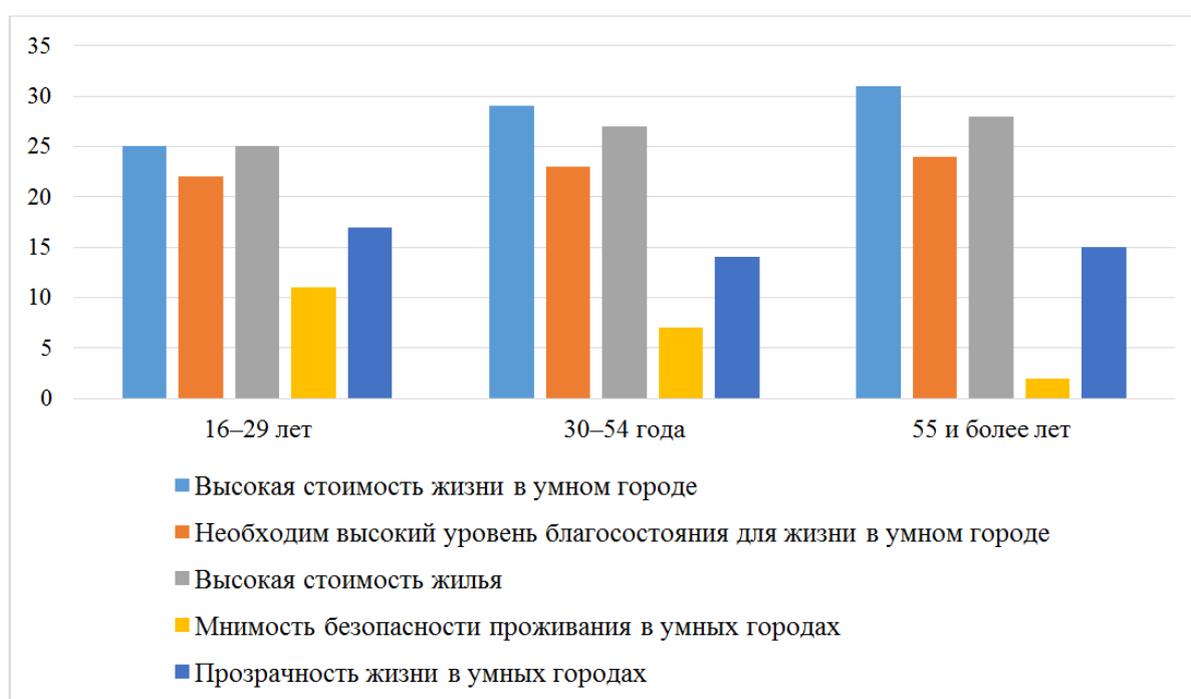

Рисунок 3. Противоречия, влияющие на решение респондентов проживать в умных городах*

*Источник: согласно данным авторского исследования

Наблюдаемое падение уровня среднедушевых доходов населения по всем субъектам РФ, увеличение стоимости жизни и уменьшение сбережений (рис. 4) не добавляют уверенности населения в завтрашнем дне, а технологии, призванные улучшить качество жизни населения, воспринимается неоднозначно, порой враждебно.

Рисунок 4. Структура использования денежных доходов населения Российской Федерации*

*Источник: согласно данным Росстата

В то же время городские процессы и инфраструктура с каждым годом усложняются, при этом развитие инфраструктуры должно исходить из интересов 99 % жителей [15]. Удовлетворение же потребностей незначительной части населения способно спровоцировать социальные конфликты и напряженность в обществе.

Еще одной проблемой реализации данной программы является стойкая уверенность респондентов в том, что данная технология направлена на манипулирование общественным сознанием и управление сообществом через создание системы наблюдения.

Наряду с этим исследование показало, что 39 % респондентов поддерживают идею развития умных городов в России, считая, что эта технология даст возможность улучшить экологическую ситуацию в городах через умное потребление ресурсов и переработку отходов жизнедеятельности, при этом 36 % опрошенных не видят необходимости в умных городах, считая, что применение искусственного интеллекта направлено на тотальный контроль и ограничение прав и свобод граждан, 13 % считают, что «Умный город» как технология улучшения ведения городского хозяйства и взаимодействия городских служб и учреждений с потребителями — хорошая идея, но вместе с этим она несет риски личной безопасности и противоправных действий с информацией, полученной о человеке, 6 % респондентов идею внедрения умных технологий в городскую среду поддерживают, но не понимают, почему эта технология применяется только в отдельно взятых районах, а не внедряется повсеместно, 5 % отметили усугубление неравенства между людьми, с развитием умных городов будет увеличиваться разрыв между домохозяйствами по уровню доходов.

Респонденты возрастных групп 30–54, 55 лет и более выразили настороженность во внедрении данной технологии. Большинство из опрошенных соотносит ее с тотальным контролем жизнедеятельности граждан (31 и 36 %) и ограничения прав и свобод (13 и 21 %); в то же время 12 и 17 % уверены в том, что цифровизация городского хозяйства принесет пользу — будет способствовать созданию экологичных, безопасных условий проживания горожан и обеспечит современное качество жизни (24 и 15 %). В пользу того, что за технологией «Умный город» будущее, высказались 26 % респондентов из возрастной группы 16–29 лет, 20 % — 30–54 года и 11 % — 55 лет и более (рис. 5).

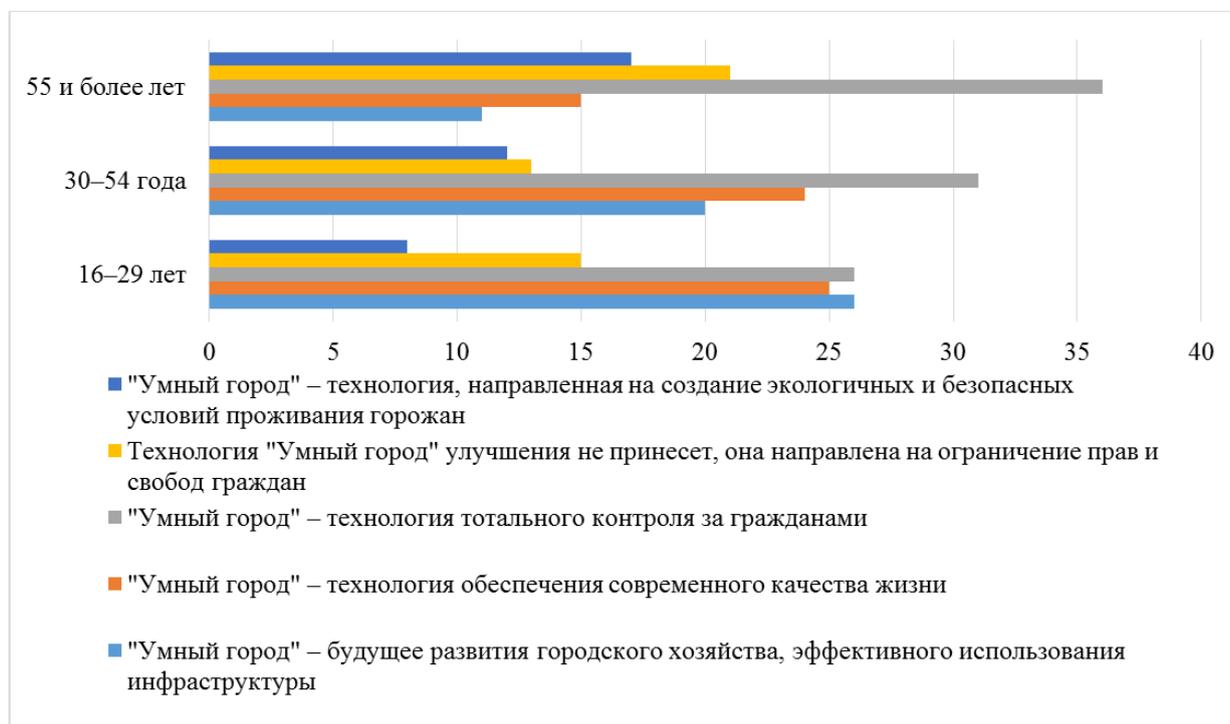

Рисунок 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Ваши ожидания от реализации проекта цифровизации городского хозяйства “Умный город”»*

*Источник: согласно данным авторского исследования

Таким образом, среди респондентов превалирует полярность во мнениях: одни поддерживают идею внедрения искусственного интеллекта в городское хозяйство, другие — видят в этом угрозу собственной безопасности, риск использования данных, полученных искусственным интеллектом и иных противоправных действий, способных нарушить их права и свободы. Проект «Умный город» характеризуется существованием значительного числа противоречий на всех уровнях социального взаимодействия, которые могут перерасти в серьезные социальные конфликты. Стоит отметить, что социальные противоречия, порождаемые цифровой экономикой и ее проектами, значительно отличаются от противоречий, присущих социальным системам до цифровой эпохи. При этом становится очевидным, что человек, его права и свободы должны и дальше оставаться высшей ценностью, а обязанностью государства должны оставаться признание, соблюдение, защита прав и свобод человека.

Рождаемое цифровизацией экономики цифровое неравенство является еще одним источником социального конфликта и зарождаемых в обществе противоречий. Современные цифровые технологии предоставляют широкие возможности для реализации социальных и экономических целей, в то же время существуют ограничения широкого их использования большинством населения. В России проблема зарождающегося цифрового неравенства была очерчена ВЦИОМ еще в 2000 году; были определены две ос-

новные причины: недостаточность в развитии человеческого потенциала и отсутствие технических возможностей.

Спустя 20 лет понятие «цифровое неравенство» приобрело иные черты. В таблице 2 представлены социальные аспекты цифрового неравенства, проявление которых может стать фитилем возникновения социального конфликта.

Таблица 2

Социальные аспекты цифрового неравенства*

Номер в рейтинге характеристик	Характеристика цифрового неравенства	Доля от общего числа опрошенных, %
1	Элитаризм в получении информации, который разделяет социум на элиту и массы, порождая социальную неоднородность	26
2	Зарождение дискриминации при потреблении общественных благ при использовании умных технологий	21
3	Навязывание извне необходимости и полезности внедрения умных технологий в городскую среду порождает ее отторжение у значительной части населения; отказ от использования новых технологий даже при условии получения выгоды и пользы при их применении	17
4	Предоставляемые современными цифровыми технологиями возможности значительные, но только небольшое число населения может использовать их для достижения своих социальных и экономических целей	16
5	Широкое применение искусственного интеллекта порождает межпоколенческий конфликт; изменение системы взаимодействия между поколениями формирует разрыв в жизненных приоритетах и мировоззрении, изменение социокультурных и моральных норм	9
6	Внедрение технологий умного города порождает усиление социальной стратификации общества в виду того, что действующие социальные механизмы жизнеобеспечения различных классов и групп перерастают в неоптимальные и несправедливые	6
7	Искусственная среда умного города создает психологический дискомфорт, ощущение постоянного наблюдения и неуверенность в безопасности из-за отсутствия гарантии надежности умных технологий	5

*Источник: согласно данным авторского исследования

Н. А. Бердяев в статье «Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники)» отмечает разрушительную силу технологий, когда они, технологии, перестанут быть нейтральными, они станут частью духа человека, частью его души, «убийственно действуя на душу» [16]. Власть, переданная в руки техники, приведет человека «к небытию в техническом совершенстве» [16]. Опасения, высказанные русским философом Н. А. Бердяевым еще в 1933 году, находят отклик в реалиях современности. Техника и технологии настолько стремительно развиваются, что человек не в силах

взвешенно оценить их пользу или возможный ущерб, особенно если этот ущерб может проявиться в долгосрочной перспективе.

Недоверие, вызванное непониманием, порождает напряженность, крайняя форма которой — противостояние (как открытое, так и скрытое).

Ситуация вокруг внедрения технологии 5G является тому подтверждением. Несмотря на то, что технология 5G должна обеспечивать более высокую пропускную способность, обеспечивая таким образом большую доступность широкополосной мобильной связи, а также использование режимов device-to-device (от англ. «устройство к устройству», то есть — это прямое соединение между абонентами), сверхнадежных масштабных систем коммуникации между устройствами, а также уменьшение времени задержки (скорость интернета 1–2 Гбит/с, меньший расход энергии батарей, чем у 4G-оборудования). Предполагается, что технология 5G благоприятно скажется на развитии Интернета вещей.

Таблица 3

Природа формирования социального конфликта и напряженности в обществе в условиях реализации проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город»*

Номер в рейтинге характеристик	Характеристика причины	Доля от общего числа опрошенных, %
1	Социальный конфликт как противодействие прозрачности частной жизни	29
2	Недостаточная компьютерная грамотность населения России создает непонимание в необходимости внедрения проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город»	23
3	Боязнь перемен и новшеств (неофобия) порождает страх всего нового и неизвестного	21
4	Стремление к обеспечению безопасности способствует формированию системы социальной оценки отдельных граждан по определенным параметрам	15
5	Социальный конфликт как противодействие интеграции российской экономики с цифровыми экономиками членов Евразийского экономического союза	7
6	Искусственный интеллект заменит живое взаимодействие «учитель — ученик», что несомненно отразится на уровне образования, межвозрастных коммуникациях молодого поколения; формировании новых норм и стандартов социального взаимодействия	5

*Источник: согласно данным авторского исследования

При этом явные выгоды данной технологии вызывают серьезные опасения. Опрос показал: внедрение 5G будет способствовать росту экономических преступлений, расцвету хакерства, развитию системы несанкционированного слежения и сбора данных о частной жизни человека, утечку которой невозможно будет контролировать. «Техноло-

гия 5G условно безопасна», — также заявляют респонденты. Аргументы против нее находятся в разрезе конспирологии и связаны с новизной технологии, которая якобы является достаточной причиной не доверять ей, а при принудительном ее внедрении — дать отпор.

В процессе исследования были выявлены и иные причины, способствующие формированию социального конфликта и напряженности в обществе в условиях реализации проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город» (табл. 3).

Стоит отметить, формируемое информационным обществом цифровое неравенство порождает социальный конфликт, в основе которого не только усиление разделения людей по уровню доходов, но и по степени доступности информационных ресурсов, уровню информационных компетенций, по уровню доверия и надежности технологий искусственного интеллекта. В то же время информационное общество отличается наличием значительного числа социальных противоречий на всех уровнях взаимодействия. Более того, порожденные информационным обществом социальные противоречия значительно отличаются от противоречий, присущих традиционным социальным системам.

Выводы

Приведенные данные свидетельствуют о формировании в обществе существенных социальных противоречий, порождаемых широким внедрением искусственного интеллекта.

Человечество стремительно входит в информационную эпоху, где фантастика становится данностью.

Захлестнувший весь мир процесс формирования информационного общества оказывает существенное влияние на развитие социальной структуры и совершенствование социальных связей. При этом социальный конфликт возникает как неотъемлемая составляющая общественной жизни, которая обеспечивает переход общества от одного состояния в другое. Социальный конфликт также выступает своеобразным индикатором проблем в формируемом социальном порядке, порождая общественное несогласие.

Проблематика социального конфликта актуализируется в условиях становления информационного общества в общем и почти насильственной направленности государственной политики на цифровизацию городского хозяйства в частности. Это способствует дальнейшему развитию теоретической базы социальных наук и совершенствованию теории социального конфликта. Этим и определяются перспективы развития темы исследования.

Библиографический список

- [1] Колесник, Е. А. Роль технологии SMART CITY в модернизации образовательного пространства / Е. А. Колесник, В. Г. Степанов. – Текст : непосредственный // Успехи гуманитарных наук. – 2019. – № 6. – С. 27–32.
- [2] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – Текст : электронный. – URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf.

- [3] Игнатъева, О. А. Социальные проблемы цифровой экономики / О. А. Игнатъева, А. В. Плетнев. – Текст : электронный // CREDO NEW, 2019. – № 2 (98). – URL: <http://credo-new.ru/archives/1709>.
- [4] Трофимова, Е. А. От социального противоречия к социальному конфликту / Е. А. Трофимова. – Текст : непосредственный // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2011. – Т. 12, Вып. 2. – С. 207–214.
- [5] Степаненкова, В. М. «Борьба всех за всех» : теория конфликта Георга Зиммеля / В. М. Степаненкова. – Текст : непосредственный // Социологический журнал. – 1999. – № 3–4. – С. 123–138.
- [6] Алдаганов, М. М. Теория социального конфликта и конфликтный потенциал современной России / М. М. Алдаганов, В. Ф. Безуглый – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2008. – № 4. – С. 71–80.
- [7] Рябцев, В. Н. Конфликтология. Хрестоматия для студентов политологических отделений и факультетов университетов / В. Н. Рябцев, М. А. Шитив. – Ростов-на-Дону : Ростовский государственный университет, 2001. – 489 с. – Текст : непосредственный.
- [8] Запрудский, Ю. Г. Социальный конфликт : политологический анализ / Ю. Г. Запрудский. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1992. – 120 с. – Текст : непосредственный.
- [9] Никовская, Л. И. Трансформация в России в контексте социального конфликта : в 2 ч. / Л. И. Никовская. – Москва : Ключ-С, 2003. – Ч. 2. – 314 с. – Текст : непосредственный.
- [10] Социология. Основы общей теории : учебник для вузов / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. – Москва : Норма, 2003. – 912 с. – Текст : непосредственный.
- [11] Кириллина, В. М. Конфликтный менеджмент : учебно-методическое пособие / В. М. Кириллина. – Москва : Государственный ун-т. Высшая школа экономики, 2010. – 118 с. – Текст : непосредственный.
- [12] Хохлов, А. С. Конфликтология. История. Теория. Практика : учебное пособие / А. С. Хохлов. – Самара : Самарский филиал МГПУ, 2014. – 312 с. – Текст : непосредственный.
- [13] Шарков, Ф. И. Общая конфликтология : учебник / Ф. И. Шарков, В. И. Сперанский ; под общей редакцией Ф. И. Шаркова ; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. – 237 с. – Текст : непосредственный.
- [14] Василенко, И. А. «Умный город» как социально-политический проект : возможности и риски смарт-технологий в городском ребрендинге / И. А. Василенко. – Текст : непосредственный // Власть. – 2018. – Т. 26, № 3. – С.13–19.
- [15] Иванов, В. В. Цифровая экономика : от теории к практике / В. В. Иванов, Г. Г. Малинецкий. – Текст : непосредственный // Инновации. – 2017. – № 12 (230). – С. 3–12.
- [16] Бердяев, Н. А. Человек и машина / Н. А. Бердяев. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 147–162.

References

- [1] Kolesnik, E. A., & Stepanov, V. G. (2019). The Role of SMART CITY technology in the modernization of educational space. *Modern Humanities Success*, (6), pp. 27-32. (In Russian).
- [2] Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 7 maya 2018 g. No 204 "O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda". (In Russian). Available at: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf
- [3] Trofimova, E. A. (2011). From social contradiction to social conflict. *Review of the christian academy for the humanities*, 12(2), pp. 207-214. (In Russian).
- [4] Ignatieva, O. A., & Pletnev, A. V. (2019). Social Problems of Digital Economy. *CREDO NEW*, (2(98)). (In Russian). Available at: <http://credo-new.ru/archives/1709>
- [5] Stepanenkova, V. M. (1999). "Bor'ba vsekh za vsekh": teoriya konflikta Georga Zimmelya. *Sociological journal*, (3-4), pp. 123-138. (In Russian).
- [6] Aldaganov, M., Bezugly, V. (2008). Theory of social conflict and conflict potential of contemporary Russia. *Vestnik of Saint-Petersburg University*, (4), pp. 71-80. (In Russian).
- [7] Ryabtsev, V. N., & Shitiv, M. A. (2001). *Konfliktologiya. Khrestomatiya dlya studentov politologicheskikh otdeleniy i fakul'tetov universitetov*. Rostov-on-Don, Rostov State University, 489 p. (In Russian).
- [8] Zaprudskiy, Yu. G. (1992). *Sotsial'nyy konflikt: politologicheskiy analiz*. Rostov-on-Don, Rostov University Publ., 120 p. (In Russian).
- [9] Nikovskaya, L. I. (2003) *Transformatsiya v Rossii v kontekste sotsial'nogo konflikta: v 2 chastyakh. Chast' 2*. Moscow, Klyuch-S Publ., 314 p. (In Russian).
- [10] Osipov, G. V., & Moskvichev, L. N. (Eds.) (2003). *Sotsiologiya. Osnovy obshchey teorii*. Moscow, Norma Publ., 912 p. (In Russian).
- [11] Kirillina, V. M. (2010). *Conflict management: Educational and methodological guide*. Moscow, HSE University Publ., 118 p. (In Russian).
- [12] Khokhlov, A. S. (2014). *Konfliktologiya. Istoriya. Teoriya. Praktika*. Samara, Samarskiy filial MGPU Publ., 312 p. (In Russian).
- [13] Sharkov, F. I., & Speransky, V. I. (2015). *Obshchaya konfliktologiya*. Moscow, Dashkov i K^o Publ., 237 p. (In Russian).
- [14] Vasilenko, I. A. (2018). Smart city as a socio-political project: opportunities and risks of smart technologies in urban rebranding. *Vlast'*, 26(3), pp.13-19. (In Russian).
- [15] Ivanov, V. V., & Malinetsky, G. G. (2017). Digital economy: from theory to practice. *Innovations*, (12(230)), pp. 3-12. (In Russian).
- [16] Berdyaev, N. A. (1989). *Chelovek i mashina. Voprosy filosofii*, (2), pp. 147-162. (In Russian).

Получена / Submitted: 18/01/2021

Доработана / Revised: 12/02/2021

Принята к публикации / Accepted: 15/02/2021

УДК 316

Традиционное и современное в коммуникативных практиках молодежи

Елена Вадимовна Чанкова¹, Олег Владимирович Сорокин²

¹*Кафедра рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия*

²*Центр социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия*

Аннотация. Актуальность представленного в статье исследования связана с нарастанием темпов происходящих в современном социальном пространстве трансформаций и вовлеченностью в первую очередь молодежи в эти процессы. Авторы ставят вопрос о необходимости исследовать трансформационные социокультурные процессы с позиции коммуникативной компетентности личности как феномена, обладающего ресурсом преодолевать вызовы нарастающей степени неопределенности современных практик взаимодействия. Ресурсность коммуникативной компетентности личности определяется ее сущностным признаком сохранять социальные связи через саморегуляцию своей коммуникативной деятельности. В статье описан характер саморегуляции коммуникативной компетентности в условиях смены традиционных способов действий в преимущественно реальных интеракциях на современные практики, развивающиеся в первую очередь в виртуальной реальности Интернета. Представленные аспекты концептуализации и результаты письменных опросов раскрывают роль традиционно сложившихся способов взаимодействия в саморегуляции коммуникативной компетентности. Традиционное сохраняется в исторической памяти молодежи и определяет трансформацию смыслов интеракций от бессознательных архетипических форм к осознанным, обуславливает саморегуляционный характер коммуникативной компетентности в изменяющейся социальной реальности.

Ключевые слова: современное социальное пространство, традиционный и современный аспекты реальных и виртуальных российских практик взаимодействия, саморегуляция коммуникативной компетентности личности.

Traditional and modern in the youth communicative practices

Elena V. Chankova¹, Oleg V. Sorokin²

¹*Department of Public Relations and Design, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia*

²*Center for Youth Sociology, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Abstract. The relevance of the research presented in the article is associated with an increase in the pace of transformations taking place in the modern social space and the involvement, first of all, of

young people in these processes. The authors raise the question of the need to study transformational socio-cultural processes from the standpoint of the communicative competence of an individual as a phenomenon that has the resource to overcome the challenges of the growing degree of uncertainty of modern interaction practices. The resourcefulness of a person's communicative competence is determined by its essential feature to maintain social ties through self-regulation of their communicative activities. The article describes the nature of self-regulation of communicative competence in the context of the replacement of traditional modes of action in predominantly real practices for modern practices developing primarily in the virtual reality of the Internet. The presented aspects of conceptualization and the results of written surveys reveal the role of traditionally established ways of interaction in self-regulation of communicative competence. The traditional is preserved in the historical memory of young people and determines the transformation of the meanings of interactions from unconscious archetypal forms to conscious ones, determines the self-regulatory nature of communicative competence in a changing social reality.

Keywords: modern social space, traditional and modern aspects of real and virtual Russian interaction practices, self-regulation of a person's communicative competence.

Введение

Сфера межличностных отношений играет ключевую роль в жизнедеятельности молодежи. Характер межличностных отношений напрямую зависит от степени интенсивности коммуникаций между молодыми людьми. Потребность в коммуникации у молодежи отражает ее желания в единении со сверстниками, реализации общих потребностей, интересов и ценностей. Кроме того, коммуникативные практики молодежи связаны с возможностями самореализации и самопрезентации молодых людей. В современном обществе баланс между реальной и виртуальной коммуникацией в молодежной среде постепенно смещается в сторону виртуального общения. А это значит, что в виртуальном пространстве складываются инновационные формы коммуникативных практик в молодежной среде.

За год пандемии изменения в коммуникациях достигли своей наивысшей интенсивности и коснулись всего общества. Но в эпицентре трансформаций, как всегда, оказалась молодежь, особенно обучающаяся. Именно в зоне виртуальности сегодня идут сложные социальные процессы смены коммуникативных практик молодежи с традиционно сложившимися межличностными способами интеракций на современные. И именно в этой точке возникает множество противоречий, связанных с расширением социального пространства виртуальных коммуникаций, зыбкостью правил их регулирования; с освоением новых способов коммуникации и переструктурированием прежних. А это означает появление ситуации риска коммуникационных разрывов. О таких разрывах и нарушениях стали говорить в связи с попыткой осмысления молодежного уличного активизма, рассматриваемого преимущественно через призму девиаций, главной причиной которых как раз и называются подобные коммуникационные разрывы [1; 2]. Отчасти такая причина имеет место, что свидетельствует об актуальности ис-

следования механизмов регулирования коммуникативных процессов и практик коммуникативного взаимодействия в динамично меняющемся обществе.

Эффективность регулирования этих процессов обеспечивается различными механизмами. Они могут быть связаны с институциональным нормативным регулированием, предписывающим определенную систему правил. А могут быть результатом индивидуального и группового конструирования, когда общие правила вырабатываются опытным путем и становятся частью коммуникативного пространства. Взаимодействие молодых людей в этом пространстве, понимание его особенностей, усвоение его правил и закрепление в успешных коммуникациях приводят к формированию коммуникативной компетентности личности. Причем сама компетентность формируется как механизм саморегуляционного типа, в структуре которой ключевую роль играют глубинные социокультурные факторы, определяющие отбор значимого и приемлемого в процессе самонастраивания индивидов и групп на тот или иной способ взаимодействия. В этих условиях «...функция коммуникаций — одна из чувствительных внешних мембран, способна показывать разрывы между внутренним и внешним контекстом жизни структуры» [3]. Коммуникации становятся индикатором целостности социального пространства, с одной стороны, и, с другой, сами являются источником противоречивости, когда в коммуникациях разных социокультурных сред сталкиваются разнонаправленные ценности, способы поведения, концепции жизненного мира. Одной из главных линий разлома сегодня становится столкновение традиционного и современного, проявляющееся одновременно как единство и борьба.

В исследовании коммуникативной компетентности личности как фактора интеграции современного социального пространства наибольший интерес вызывает молодежь как особая социально-демографическая группа. По данным многочисленных исследований, доля пользователей Интернета в возрасте от 12 до 24 лет в России приблизилась к 100 % и составила 97,1 % за февраль — ноябрь 2020 года, по данным Mediascore [4]. Именно молодежь является той социальной группой, которая формирует новые коммуникативные практики. Совместное исследование Google и Ipsos [5] указывает, что «...пользователи от 13 до 24 лет — первое цифровое поколение, чье взросление происходит неразрывно от технологий. В своих привычках, ценностях и поведении онлайн они принципиально отличаются от миллениалов». Поэтому актуальность исследования параметров коммуникативной компетентности, особенностей ее выстраивания молодым поколением существенно возрастает.

Материалы и методы

В определении *коммуникативной компетентности* мы исходим из самого общего ее понимания как способности личности к обеспечению социальности, сохранению социальных связей посредством владения ценностями, нормами, умениями, знаниями коммуникации. Под *коммуникативной компетентностью личности в условиях изменяющейся социальной реальности нами понимается* способность личности сохранять свою социальность посредством подвижных ценностей и конструирования гибкой, индивидуальной социокультурной нормы коммуникации на основе следующих принципов:

интериоризации изменчивости как имманентной характеристики современности; опознавания, типизации и рационализации ожиданий с учетом изменяющихся условий; рефлексии социокультурных оснований коммуникативных взаимодействий; выработки новых норм коммуникации и коммуникативных практик; самостоятельного регулирования коммуникативных взаимодействий на основе рефлексивного выбора ее оптимального режима [6]. Определение указывает, что компетентность в коммуникации по своей природе такова, что способна реализовать то главное, в чем нуждается сложное общество, — удерживать, сохранять социальные связи в условиях напряжений, вызовов и угроз разрывов коммуникаций. Коммуникативная компетентность становится формой проявления субъектности личности, ее активной позиции. На фоне снижения регулирующей роли социальных институтов в зонах повышенной неопределенности, порождаемых современными трансформациями, она реализуется в конкретных практиках. Их проявление становится результатом повседневного коммуникативного опыта молодежи в средовых условиях микса привычного и нового в социальной реальности. Способность личности осваивать эти образцы, включая в набор собственных компетенций, выступает фактором преодоления коммуникативных напряжений и достижения определенной степени интеграции в условиях гибридизированного коммуникативного пространства.

Коммуникативная компетентность личности в условиях изменяющейся реальности является центральным понятием концепции проведенного исследования — как субъектная характеристика личности, определяющая саморегуляцию коммуникативной деятельности. Методология исследования опирается на концепции социальной реальности А. Шюца [7], конструирования социальной реальности П. Бергера, Т. Лукмана [8], изменяющейся социальной реальности Ю. А. Зубок, В. И. Чупрова, [9], социального пространства П. Бурдье [10], современного сложного общества С. А. Кравченко [11], U. Beck [12], Z. Bauman [13], виртуальной реальности М. Castells [14], Д. В. Иванова [15], И. Е. Мальченкова [16].

Рассмотрим основные методологические положения, которые легли в основу концептуализации коммуникативной компетентности личности в условиях изменяющейся реальности, а также позволили раскрыть сформулированную в статье проблематику коммуникативной компетентности как фактора преодоления вызовов неопределенности; соотношения традиционного и современного в молодежных практиках коммуникации как способа саморегуляции коммуникативной компетентности; владения молодым поколением коммуникативной компетентностью для выстраивания и сохранения социальности.

Социальная реальность представлена в трудах А. Шюца как отраженная в сознании индивида объективная действительность, сформированная в ходе личного опыта и взаимодействия с другими. Реальными представляются те объекты, которые являются продуктом собственной деятельности, они являются основанием построения коммуникаций и социальных связей. Переосмысление своего опыта взаимодействия — основа конструирования изменяющейся социальной реальности, согласно П. Бергеру и Т. Лукману. Изменяющаяся коммуникативная реальность является условием изменения режимов коммуникации и, как следствие, коммуникативной компетентности, формирующейся у молодого человека.

Под социальным пространством понимается «структура рядоположенности социальных позиций» [10], в котором коммуникативная компетентность определяется позицией актора. Современное социальное пространство осложнено виртуальной реальностью, понимаемой как «... симуляция или субституция социальной жизни (личной и публичной), создаваемой пользователями на основе компьютерных технологий и имитирующей, моделирующей социальные процессы константной реальности» [16], что определяет многопозиционность его акторов и саморегуляцию коммуникативной компетентности.

Современное социокультурное пространство является сложным, в котором сочетаются традиционный и современный способы организации социальной жизни, что отражается и в характере коммуникаций. Традиционный способ реализуется в реальных социальных практиках, современный — тяготеет к виртуальным социальным практикам. Изменчивость становится определяющей чертой социальной жизни в виртуальной среде, а коммуникация в ходе постоянного переконструирования и переосмысления воспроизводится в режиме саморегуляции, а также саморегуляции коммуникативной компетентности [17].

Данные положения позволили понять структуру коммуникативной компетентности личности, которая является единой для дифференцированных социокультурных сред в условиях сложного социального пространства, выявить разные типы коммуникативной компетентности для разных типов практик взаимодействия, обнаружить зависимость и взаимосвязь традиционного способа жизни и коммуникативной компетентности институционального типа, а также современного способа жизни и коммуникативной компетентности саморегуляционного типа.

Концептуализация коммуникативной компетентности верифицирована в рамках авторского исследования в Московском регионе в период 2010–2012 гг. (метод: письменный опрос, выборка целевая, N = 360, возраст 17–19 лет), а также исследования, проведенного совместно с Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН в рамках проекта, посвященного «Саморегуляции жизнедеятельности молодежи в изменяющейся социальной реальности» в октябре — ноябре 2020 г. в московских вузах (метод: письменный опрос в Google формах, выборка «снежный ком», N = 100, возраст 17–19 лет).

Результаты и обсуждение

В ходе эмпирической верификации рассмотрены два типа практик — реальные с традиционным укладом жизни и виртуальные с современным укладом жизни. Реальные межличностные коммуникации обеспечены коммуникативной компетентностью институционального типа. Социокультурная ситуация межличностных взаимодействий насыщена традиционно сложившимися средствами взаимодействия, имеет полный спектр выработанных культурой вербальных и невербальных путей реализации интеракций. Взаимодействия данного типа регулируются в первую очередь социальными институтами, а коммуникативная компетентность содержит в своей структуре ценности, нормы, умения, способы действий, концепцию жизненного мира, сложившуюся в

условиях традиционного культурного уклада жизни. Виртуальная реальность поддерживается коммуникативной компетентностью саморегуляционного типа, формирующейся в условиях социокультурной неопределенности и ее вызовов в силу своего цифрового происхождения. Составляющие коммуникативную компетентность ценности, нормы, представления о мире, умения и навыки, способы поведения подвергаются трансформации. В условиях отсутствия готовых социокультурных форм и необходимости делать собственный индивидуальный выбор становятся востребованными рефлексия ценностей, рационализация способов поведения, конструирование норм и общая саморегуляция своих интеракций.

Анализ соотношения традиционного и современного в молодежных коммуникативных практиках представлен с помощью распределения терминальных и инструментальных ценностей в структуре коммуникативной компетентности респондентов, анализа архетипичных структур в сознании респондентов, имеющих историческую культурную основу и определяющих саморегуляцию коммуникативной компетентности молодого поколения.

В разных молодежных группах проявляются различные практики. В условиях стремительной цифровизации, получившей мощный импульс на волне пандемии и карантинных мероприятий, доминанта новых практик стала мировой константой. Группой, в наибольшей степени погружившейся в цифровую среду, стала не просто вся молодежь, а молодежь обучающаяся. Мера, до которой эта группа молодежи погрузилась в цифровую реальность, оказалась беспрецедентной. Онлайн-коммуникации в среде этих групп не только перестали носить прежний маргинально-девиантный характер, но стали основным нормативным способом коммуникации с учебными заведениями. Увеличение роли виртуального общения и сужение реальных интеракций привели к росту популярности различных сетевых и игровых платформ. Современные формы коммуникации прочно утвердились в повседневности обучающейся молодежи. С целью более детального выяснения особенностей их коммуникативных режимов и компетенций остановимся на понимании этой группой молодежи ключевых параметров общения и проанализируем соотношение традиционного и современного в их коммуникативных практиках.

В ответах респондентов насчет общения отражены их представления о характеристиках, которыми должно, на их взгляд, обладать общение (таблица 1).

Таблица 1

Смысл общения в понимании молодежи

Что такое общение	Количество ответов, %
Прочные отношения	29,5
Поддержание контактов с множеством знакомых	38,6
Разговор о чем-либо интересном	25,1
Ни к чему не обязывающие контакты	6,8

По данным проведенного опроса, 29,5 % ответивших представляют общение как прочные отношения, 38,6 и 25 % связывают общение с ситуативными интеракциями, и 6,8 % видят общение как поверхностные контакты. В данном распределении более половины ответивших связывают общение с инструментальными ценностями, касающимися конкретных обсуждений, или со значимостью иметь много знакомых; и примерно треть связывают общение с терминальными ценностями. Как мы видим, процент респондентов, имеющих терминальные ценности общения в структуре коммуникативной компетентности, достаточно высокий, но не определяющий.

Если считать обмен смыслами во взаимодействии связанным с традиционными ценностями, сформированными исторически в культуре, то в реальном взаимодействии 60,2 % ответивших стремятся к нему, в виртуальном — процент снижен до 34,1. Доверительное общение в реальных интеракциях ищут 64,8 % ответивших, в виртуальности — 31,8 %. Рассчитывают на одобрение другими в межличностных реальных коммуникациях — 30,7 %, в сетях — 23,9 %. Мы видим, что при переходе от реальных практик к виртуальным имеет место изменение отношения молодежи к обмену смыслами, к доверию, к одобрению в коммуникации как терминальным ценностям взаимодействия и конструируются иные смыслы для виртуальной реальности.

На вопрос, какие личностные качества присущи респондентам в реальном и виртуальном взаимодействиях, ответы распределились следующим образом (таблица 2).

Таблица 2

Проявленность личностных качеств респондентов в реальном и сетевом общении

Качество	В реальном общении, %	В общении по Интернету, %
Честность	91,3	8,7
Совестливость	73,2	26,8
Искренность	81	19
Хитрость	25	75
Ответственность	75	25
Мобильность	31,1	68,9
Необязательность	15,2	84,8
Самоорганизованность	64,3	35,7
Чувство братства	76,3	23,7

Такие традиционные качества, характерные для российской жизни, как честность, совестливость, искренность, чувство братства присущи ответившим в большей степени в реальном взаимодействии, степень же их проявленности в сетевом взаимодействии оказывается значительно сниженной. И такие непопулярные в традиционном коллективном общественном мнении качества, как хитрость, необязательность, оказываются присущими ответившим в сетевом общении в большей степени, чем в межличностном взаимодействии. А вот степень проявленности мобильности в Интернете оказывается более выраженной, чем в реальных интеракциях. Заметно перераспределение степени выраженности традиционно одобряемых и неодобряемых личностных качеств

респондентов в сетевом взаимодействии в сторону снижения моральных характеристик. Подобная сниженность может быть объяснена тем, что «...культура моральной аномии как смысловая доминанта культурного пространства молодежи представляет собой не столько конкретную ситуацию безнормности, сколько общую атмосферу нормативного релятивизма как следствия деструкции нормативности и демонтажа устойчивых норм, отказа от жестких обязательств в пользу гибких конвенциональностей “текучего” типа, меняющихся по мере возникновения новых потребностей» [18]. Мы фиксируем изменение социальной реальности, переосмысление ценностей и содержания взаимодействия, переконструирование способов поведения и изменяющуюся коммуникативную компетентность, стремящуюся к инструментализации. Переход к другим параметрам социального пространства, отличающимся сниженностью институциональной регуляции, ростом нормализации аномии, снижением функции социального контроля, является местом порождения вызовов неопределенности и изменения параметров коммуникативной компетентности через механизм саморегуляции.

Коэффициент корреляции (-0,033) между позициями «Общение — это оказание влияния» и «Как Вы предпочитаете вести себя в общении» указывает на снижение коллективистических традиционных ориентаций в коммуникативной компетентности, на рост тенденции к автономности в виртуальном пространстве взаимодействия.

В способах поведения изменения связаны с трансформацией «приспособления» как ведущего поведенческого тренда в реальных отношениях в доминирование «соперничества» в виртуальности, в «сетях» в частности. Надо отметить, что это не традиционное понимание соперничества, где происходит оказание влияния на других. Если учитывать данные корреляции, то в данном контексте «соперничество» по своей сути ближе к «автономности».

Отношение респондентов к проявлениям различных девиаций от ненормативной лексики до оскорблений и троллинга распределилось следующим образом (таблица 3).

Таблица 3

Допустимость в общении девиаций (в индексах)¹

Проявление девиации	Степень допустимости
Оскорбления	-0,46
Троллинг	0,36
Использование ненормативной лексики	0,4
Критика в ваш адрес	0,46
Превращение общения в игру в выигрыш	-0,14

В отношении к девиантным формам поведения также просматривается приверженность традиционно сложившимся и закрепленным в архетипах и исторической памяти способам реагирования и способам конструирования субъективной реальности.

¹ Расчет индекса. Индекс степени допустимости ненормативности рассчитывался по формуле $(1 \cdot A) + (0,5 \cdot B) + (-1 \cdot C) / 100 \%$, где А — полностью допускаю, В — частично допускаю, С — не допускаю. Индекс может принимать значение от +1 до -1, где +1 обозначает высокий индекс допустимости, -1 — абсолютно невозможный индекс допустимости.

Заметно, что молодежь достаточно терпимо относится к ненормативности (0,4), что является «культурной калькой» молодежью российской действительности, но при этом отношение к оскорблениям заметно меняется в сторону недопустимости (-0,46). Симулятивные практики «превращения общения в игру в выигрыш» пока недопустимы (-0,14). То есть саморегуляцию коммуникативной компетентности в ситуациях деструкций отличает многослойность и разные механизмы, но разрыва в традиционном и современном не выявлено.

Для прояснения специфики места изменения традиционного на современное респондентам был предложен ряд поговорок, отражающих ценности взаимодействий в разных группах: в семье, с соседями, на общих коллективных сборах (большие деревенские застолья) (таблица 4).

Таблица 4

Степень согласия с поговорками (в индексах)²

Поговорки	Степень согласия
«Красна речь слушаньем, а беседа- смиреньем»	0,3
«Не тем красен пир, что трубы трубят, а тем, что люди людям любы»	0,65
«В семье согласно- и дело идет»	0,62
«Кто родителей почитает – тот вовек не погибает»	0,57
«Соседство – взаимное дело»	0,38

Как мы видим, все индексы согласия имеют положительные значения, то есть в архетипических структурах респондентов, возможно, на бессознательном уровне, закреплены традиционные ценности, лежащие в глубинных структурах сознания. Причем наиболее высокие значения индекс согласия принимает в связи с отношениями в первую очередь в семье и с окружающими в принципе (вспомним, что для трети респондентов общение — иметь много знакомых). «Благодаря диспозициям осуществляется трансформация смыслов от бессознательных форм, содержащихся в архетипических и ментальных структурах, к осознаным, проявляющимся в жизнедеятельности [16].

Выводы

Переход от реальных практик с традиционным укладом жизни к виртуальным практикам с современным укладом жизни является потенциальным местом разрыва коммуникаций, однако исследование характера соотношения традиционного и современного показывает, что изменения носят, скорее, инструментальный характер, и в виртуальности традиционные ценности сохраняются на уровне исторической памяти и являются фактором снижения неопределенности. Коммуникативная компетентность личности в разных своих типах сохраняет структуру, но элементы структуры в условиях неопреде-

² Расчет индекса. Индекс степени согласия рассчитывался по формуле $(1 \cdot A) + (0,5 \cdot B) + (-1 \cdot C) / 100\%$, где А — полностью согласен, В — частично согласен, С — не согласен. Индекс может принимать значение от +1 до -1, где +1 обозначает высокий индекс согласия, -1 — абсолютно незначимый индекс согласия.

ленности становятся изменяющимися и подвижными. Обретение внутренней подвижности придает коммуникативной компетентности способность к амортизации, ситуативному переконструированию и тем самым к устойчивости. Саморегуляция коммуникативной компетентности, гибкость и пластичность ее структуры могут стать фактором интеграции современного сложного общества.

Несмотря на осязаемую разницу в изменении характера ценностей, способов поведения в структуре коммуникативной компетентности молодых респондентов, терминальные ценности и традиционная культура определяют процесс саморегуляции коммуникативной компетентности, имеют историческую обусловленность и носят характер снижения неопределенности. Традиционная культура, таким образом, является фактором, придающим жизнеспособность современным коммуникативным практикам в молодежной среде в условиях нестабильности и изменяющейся социальной реальности.

Библиографический список

- [1] Солдатова, Г. У. «Цифровой разрыв» и межпоколенческие отношения родителей и детей / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова. – Текст : непосредственный // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37, № 6. – С. 83–93.
- [2] Чернова, Н. Протест ставят на учет. У детей, выходящих на митинг, скорее всего, будут проблемы / Н. Чернова. – Текст : электронный. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/01/29/88959-protest-stavyat-na-uchet> (дата обращения: 29.01.2021). – Дата публикации: 29 января 2021.
- [3] Трифонова, К. Репутационная динамика бизнеса : вызовы – 2021 / К. Трифонова. – Текст : электронный. – URL: <https://pltf.ru/2021/01/11/reputacionnaja-dinamika-biznesa-vuzovu-2021/> (дата обращения: 21.01.2021).
- [4] Лисицына, М. Доля пользователей интернета в России среди молодежи приблизилась к 100 % / М. Лисицына. – Текст : электронный. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb5230426 (дата обращения: 20.02.2021). – Дата публикации: 12 января 2021.
- [5] Гольяпина, М. Всё о российской молодежи в Интернете / М. Гольяпина. – Текст : электронный. – URL: <https://rusability.ru/articles/Vsyo-o-rossiiskoi-molodyozhi-v-internete.-Infografika/5fd295de2dda593c3483e4b4> (дата обращения 20.02.2021 г.). – Дата публикации: 7 сентября 2017.
- [6] Чанкова, Е. В. Коммуникативная компетентность личности в условиях изменяющейся социальной реальности : специальность 22.00.06 «Социология культуры» : диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Чанкова Елена Вадимовна. – Москва, 2018. – 382 с. – Текст : непосредственный.
- [7] Шюц, А. Формирование понятия и теории в общественных науках / А. Шюц. – Текст : непосредственный // Американская социологическая мысль : Тексты / Сост. Е. И. Кравченко, под редакцией. В. И. Добренькова. – Москва : МГУ, 1994. – С. 481–496.

- [8] Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; перевод Е. Руткевич. – Москва : Academia-центр, Медиум, 1995. – 322 с. – (Первые публикации в России. ППР). – Текст : непосредственный.
- [9] Зубок, Ю. А. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. – DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.3. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10, № 1. – С. 41–57.
- [10] Бурдьё, П. Физическое и социальное пространства : проникновение и присвоение / П. Бурдьё. – Текст : непосредственный // Социология социального пространства / П. Бурдьё ; пер. с фр. Н. А. Шматко. – Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. – С. 49–63.
- [11] Кравченко, С. А. Социология риска и безопасности : учебник и практикум для академического бакалавриата / С. А. Кравченко. – Текст : непосредственный. – Москва : Юрайт, 2017. – 302 с.
- [12] Beck, U. World at Risk / U. Beck. – Cambridge: Polity Press, 2010. – 269 p. – Текст : непосредственный.
- [13] Bauman, Z. Globalization : The Human Consequences / Z. Bauman. – New York : Columbia University Press, 1998. – 136 p. – Текст : непосредственный.
- [14] Castells, M. The Information Age : Economy, Society, and Culture. Volume 1 : The Rise of the Network Society / M. Castells. – 2nd edition. – Oxford : Wiley Blackwell, 2010. – 625 p.
- [15] Иванов, Д. В. Виртуализация общества / Иванов Д. В. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2000. – 96 с.
- [16] Мальчёнков, И. Е. Виртуальная реальность сети Интернет : социологический аспект // Актуальные социологические исследования. – 2014. – № 1. – С. 53–57.
- [17] Зубок, Ю. А. Коммуникативная компетентность личности в пространстве виртуальной реальности / Ю. А. Зубок, Е. В. Чанкова. – DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12. – Текст : непосредственный // Научный результат. Социология и управление. – 2019. – Т. 5, № 4. – С. 139–150.
- [18] Зубок, Ю. А. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. – DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614. – Текст : непосредственный // Вестник Института социологии. – 2019. – Т. 10, № 4. – С. 164–186.

References

- [1] Soldatova, G. U., & Rasskazova, E. I. (2016). "Digital gap" and intergenerational relations of parents and children. *Psikhologicheskiy zhurnal*, 37(6), pp. 83-93. (In Russian).
- [2] Chernova, N. (2021). Protest stavyat na uchet. U detey, vykhodyashchikh na miting, skoree vsego, budut problemy. (In Russian). Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/01/29/88959-protest-stavyat-na-uchet>
- [3] Trifonova, K. (2021). Reputatsionnaya dinamika biznesa: vyzovy – 2021. (In Russian). Available at: <https://pltf.ru/2021/01/11/reputacionnaja-dinamika-biznesa-vyzovy-2021/>

- [4] Lisitsyna, M. (2021). Dolya pol'zovateley interneta v Rossii sredi molodezhi priblizilas' k 100 %. (In Russian). Available at: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb5230426
- [5] Gol'tyapina, M. (2017). Vse o rossiyskoy molodezhi v Internete. (In Russian). Available at: <https://rusability.ru/articles/Vsyo-o-rossiiskoi-molodyozhi-v-internete.-Infografika/5fd295de2dda593c3483e4b4>
- [6] Chankova, E. V. (2018). Kommunikativnaya kompetentnost' lichnosti v usloviyakh izmenyayushcheysya sotsial'noy real'nosti. Diss. ... dokt. sociol. nauk. Moscow, 382 p. (In Russian).
- [7] Schutz, A. (1962). Concept and theory formation in the social sciences. Collected papers. Vol. 1. Nijhoff, the Hague, pp. 48-66. (In English).
- [8] Berger, P. L., Luckmann, T. (1966). The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. (In English).
- [9] Zubok, Yu. A., & Chuprov, V. I. (2017) Changing social reality amid crisis in the Russian society. *Economic and Social Changing: Facts, Trends, Forecast*, 10(1), pp. 41-57. (In Russian). DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.3
- [10] Bourdieu, P. Espace physique et social: pénétration et appropriation. *Sociologie de l'espace social* (In French).
- [11] Kravchenko, S. A. (2017). Sotsiologiya riska i bezopasnosti : uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata. Moscow, Yurayt Publ., 302 p. (In Russian).
- [12] Beck, U. (2010). *World at Risk*. Cambridge, Polity Press. 269 p. (In English).
- [13] Bauman, Z. (1998). *Globalization: The Human Consequences*. New York, Columbia University Press, 136 p. (In English).
- [14] Castells, M. (2010). *The Information Age: Economy, Society, and Culture. Volume 1: The Rise of the Network Society*. 2nd edition. Oxford, Wiley Blackwell, 625 p. (In English).
- [15] Ivanov, D. V. (2000). *Virtualizatsiya obshchestva*. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 96 p. (In Russian).
- [16] Malchyonkov, I. E. (2014). Virtual Reality of the Internet: Sociological Aspect. *Actual sociological research*, (1), pp. 53-57. (In Russian).
- [17] Zubok, Yu. A., & Chankova, E. V. (2019). Communicative competence of the personality in the space of virtual reality. *Research result. Sociology and Management*, 5(4), pp. 139-150. (In Russian). DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12
- [18] Zubok, Yu. A., & Chuprov, V. I. (2019) Self-regulation of life purpose values in youth cultural space. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 10(4), pp. 164-186. (In Russian). DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614

Получена / Submitted: 24/02/2021

Доработана / Revised: 26/02/2021

Принята к публикации / Accepted: 01/03/2021

Подписано в печать 02.04.2021. Формат 60х90 1/8.
Уч.-изд. л. 9,12. Усл. печ. л. 17,88. Тираж 500. Заказ № 2094
Центр развития публикационной активности федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.
Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.